

Елена Легран

Апостолы Революции

Книга первая
Лицедей

16+

Елена Легран

**Апостолы Революции.
Книга первая. Лицедеи**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Легран Е.

Апостолы Революции. Книга первая. Лицедои / Е. Легран —
«ЛитРес: Самиздат», 2011

Франция. Революция. 1794 год. Террор против врагов революции пробирается в святая святых революционного правительства. Одержав победу над оппозицией, молодые и амбициозные правители вступают в беспощадную борьбу друг с другом. Средства не важны, когда на кону власть над страной и собственная жизнь. Среди революционной бури действует ловкий и беспринципный шпион. В ход идут обольщение, коварство, предательство, ведь в подобное время нет места любви, доверию и преданности. Он манипулирует светскими красавицами и революционными лидерами, стравливая их друг с другом. Цена провала - жизнь.

Ночь с 28 на 29 плювиоза II года республики (16-17 февраля 1794 г.)

Революционный Париж был погружен в глубокий сон, нарушаемый лишь негромким плеском Сены и гулким эхом шагов случайных прохожих, осмелившихся путешествовать по городу в столь поздний час. Время от времени уверенный марш патруля преломлял беспокойную ночную тишину и быстро затихал вдали. Пару раз по неровной мостовой прошумели колесами экипажи, развозя по домам загулявших игроков из Пале-Рояля или заработавшихся до глубокой ночи членов правительства. Впрочем, в темноте кареты мог скрываться и иностранный шпион, предпочитавший ночной покров дневному свету, или счастливый влюбленный, спешивший заключить в объятия даму сердца. Эта мысль заставила улыбнуться человека, уверенно и быстро шагавшего вдоль домов и явно старавшегося избежать встречи с патрулем. Широкий черный плащ защищал его от острого зимнего ветра, столь сурового в Париже, а надвинутая на глаза шляпа надежно скрывала лицо от любопытных взглядов редких встречаемых.

Он пересек Сену по Новому мосту, соединяющему остров Сите, пристанище Консьержери, главной политической тюрьмы страны, с правым берегом Парижа, затем по Школьной набережной добрался до улицы Фроменто, проходившей между Старым Лувром и дворцом Тюильри, центром революционной власти, где заседал Национальный конвент, свернул направо на улицу Сент-Оноре и четверть часа спустя достиг цели своего путешествия – отеля «Соединенные Штаты» на улице Гайон. Он быстро огляделся по сторонам, словно проверяя, нет ли за ним слежки, и, удовлетворившись наблюдением, толкнул ворота. Оказавшись в небольшом дворе четырехэтажного здания, где разместилась гостиница средней руки с двух- и трехкомнатными номерами, ночной посетитель осторожно поднялся по деревянным ступеням на второй этаж и уже собрался постучать в одну из четырех дверей, как та распахнулась сама собой, впуслав его внутрь, и снова захлопнулась, после чего ключ дважды повернулся в замке.

Гость снял перчатки, плащ и шляпу, прошел в гостиную и по-хозяйски бросил их на кресло, после чего, опустившись на одно колено перед камином, подставил замерзшие руки к огню. Теперь, при свете яркого пламени, можно было разглядеть черты его лица – мягкие, даже нежные, обрамленные светлыми волнистыми волосами до плеч. Он был молод – не больше двадцати семи – двадцати восьми лет, высок и хорошо сложен и обладал тем типом внешности, что нравится женщинам, заставляя их сердце биться сильнее, а щеки – покрываться румянцем смущения. Привычка вскидывать голову и кривить красиво очерченные полные губы в насмешливой улыбке придавали ему самоуверенный и несколько высокомерный вид, столь необходимый завсегдатаю и любимцу светских салонов. С его изнеженно-капризным лицом резко контрастировал холодный взгляд голубых глаз, невыразительный и жесткий, который не столько изучал, сколько оценивал собеседника. Если глаза являются отражением души, то душа обладателя этого взгляда была далека от чувственности скрывавшего ее облика.

– Ну? – раздался раздраженный голос хозяина апартаментов, ожидавшего, по-видимому, что гость немедленно сообщит о результатах ночных походов.

– Работа сделана, гражданин, – ответил молодой человек, повернув к собеседнику раскрасневшееся от жара лицо.

Нетерпеливый жест стоявшего в тени хозяина велел ему продолжать.

– Он больше не станет беспокоить тебя, – развязным тоном довольного собой человека проговорил гость и, помедлив пару секунд, добавил: – Я убил его.

Услышав эти слова, произнесенные небрежно, словно речь шла о светской новости, хозяин подался вперед, и его лицо осветилось неровным пламенем камина, единственного источника света в гостиной. При беглом взгляде ему можно было дать не более двадцати лет, хотя каждому, кто взял бы на себя труд внимательнее присмотреться к нему, стало бы понятно,

что он был старше, чем казался. Серые глаза, смотревшие как будто сквозь собеседника, были внимательны и серьезны. Он имел обыкновение плотно сжимать губы, отчего лицо его принимало строгое, даже суровое выражение. Темные волосы, спадавшие на лоб, оттеняли бледность лица, вызванную, впрочем, не столько болезнью, сколько бессонными ночами. Движения его были порывисты и энергичны, голос звучал отрывисто и резко. Перед склоненным у огня гостем стоял человек, привыкший отдавать приказы и получавший от этого явное удовольствие.

– Какого черта? – нахмурился брюнет. – Я сказал обезвредить его, а не убивать.

Блондин поднялся с колен и оказался лицом к лицу с собеседником, бывшим чуть ниже его ростом.

– Тебе известен иной способ обезвредить одного из самых ловких шпионов Франции? – насмешливо спросил он. – Следовало бы поделиться им со мной, поскольку мне таковой не знаком.

Хозяин демонстративно отвернулся и сделал несколько шагов по комнате.

– Его отсутствие будет скоро обнаружено, – заметил он.

– Об этом можешь не беспокоиться, – отозвался гость, бесцеремонно усаживаясь в кресло и закидывая ногу на ногу. – Я устроил так, что заинтересованное лицо думает, будто его шпион поспешно отбыл в Англию. Вернее, сбежал. Не он первый, не он последний. Так что искать его не станут.

– Где тело?

– Там, где ему и положено быть: в мусорной яме, засыпанное отбросами.

– Весьма оригинально.

Упрек, послышавшийся в голосе брюнета, похоже, не понравился гостю.

– У меня не было времени устраивать этому подонку пышные похороны в фамильном склепе, – съязвил оскорбленный убийца.

– Кто из вас еще больший подонок, – процедил сквозь зубы молодой человек.

– Прости? Ты что-то сказал?

– Я сказал, что мусорная куча не самое подходящее место для тела человека, который сбежал в Англию. Его найдут через пару дней, если не раньше.

– Пусть это тебя не волнует. Я так обезобразил его, что родная мать не узнает.

Лицо брюнета передернулось от отвращения, он сглотнул слюну, борясь с подкатившей к горлу тошнотой.

– Одежда? – охрипшим голосом спросил он.

– Я раздел его и сжег одежду, – как ни в чем не бывало ответил блондин. – Но прежде чем бросить ее в огонь, я обшарил карманы. Там было кое-что интересное.

Хозяин квартиры протянул руку. Посетитель поднялся и извлек из кармана пару сложенных листков и маленький мешочек из синего бархата с тремя вышитыми золотой нитью лилиями, символом французской королевской семьи. Выхватив из его рук находку, брюнет бросил на стол мешочек, не проявив ни малейшего интереса к его содержимому, и, приблизившись к свету камина, нетерпеливыми рывками развернул бумаги.

– Ты читал их? – вдруг спросил он, остановив на убийце пронизательный взгляд серых глаз. Этот резкий вопрос, в котором слышалось подозрение и даже обвинение, мог привести в смятение кого угодно, только не человека, стоявшего напротив. Казалось, он ждал подобного вопроса, который показался ему не только не обидным, но и естественным.

– Разумеется, нет, – небрежно бросил он. – Насколько я помню, ты не поручал мне ознакомиться с его бумагами.

Трудно было понять, поверил ли брюнет словам подчиненного. Он молча опустил взгляд на листки, которые держал в руках. Первым из них был паспорт, выданный Комитетом общественного спасения на имя человека, в убийстве которого он, вольно или невольно, оказался

замешан. Вторым было письмо, написанное красивым, явно женским почерком. Плечи молодого человека передернулись в нетерпении, которое не ускользнуло от пронизательного гостя, мысленно усмехнувшегося нежеланию шефа читать бумаги в его присутствии. Помедлив пару секунд, брюнет положил бумаги на стол рядом с мешочком. Медленно, словно стараясь выиграть время, он подошел к стоявшему на камине канделябру, поставил его на стол и зажег все четыре свечи, после чего взял в руку мешочек, пощупал мягкий бархат. Вопросительный взгляд на гостя, приподнятая бровь в ответ – и содержимое его оказалось на столе.

– Черт возьми! – не сдержался брюнет. – Да тут целое состояние!

Гость не сделал и шага по направлению к столу. Казалось, находка оставила его совершенно равнодушным. Или он уже успел удовлетворить свое любопытство?

Хозяин сделал ему знак приблизиться. Только тогда он подошел и внимательно посмотрел на горстку драгоценных камней искусной огранки, игриво поблескивавших на темно-красном, почти черном в неровном свете канделябра сукне, покрывавшем стол. Он взял один из них, самый большой, и поднес поближе к свету. Внимательно изучив заинтересовавшую его вещь, блондин протянул ее не спускавшему с него глаз начальнику и произнес:

– Бриллиант из коллекции Марии Антуанетты. Ни малейшего сомнения в его подлинности и уникальности. Уверен, остальные камни имеют то же происхождение.

Брюнет даже не пытался скрыть удивления.

– Как они могли оказаться у этого проходимца? – недоверчиво спросил он.

– Нет ничего проще, – ответил убийца, оказавшийся, к тому же, знатоком ювелирного дела. – За несколько месяцев до казни эта дама весьма охотно раздавала припрятанные в корсете драгоценности каждому, кто давал ей хоть малейшую надежду на спасение ее никчемной жизни. Неудивительно, что наш пройдоха оказался в числе тех, кто обещал ей всяческое содействие в побеге. Остальное представить нетрудно: он либо сразу же смотался с полученным задатком, либо, действительно, решил отработать свой гонорар, но дело сорвалось. Обычная история. Драгоценности королевской семейки еще долго будут гулять по свету, переходя из рук мошенников в лапы ювелиров. Впрочем, разницы между ними практически нет.

Брюнет задумчиво перебирал камни, сверкавшие под его тонкими холеными пальцами с отполированными ногтями, и в задумчивости покусывал нижнюю губу. Объяснения собеседника, похоже, не до конца удовлетворили его. Он явно рассчитывал услышать иную версию с другим фигурантом. Гость не спускал с шефа глаз, словно старался разгадать его мысли. Прошло несколько долгих секунд. Никто не нарушил молчания. Скрип двери внизу вывел хозяйина квартиры из оцепенения. Он встряхнул головой и потянулся к стоявшему на столе бокалу красного вина. Сделав несколько жадных глотков, он еще раз взглянул на драгоценности и посмотрел на добывшего их.

Их взгляды встретились, и оба тут же отвернулись.

– Ты знал, что в этом мешочке? – вдруг спросил брюнет. Его голос прозвучал глухо, в нем слышались недоверие и угроза.

Убийца, прищурившись, посмотрел на обвинителя.

– Нет, – сухо ответил он.

Брюнет усмехнулся одними уголками губ и залпом опорожнил бокал.

– Мне остается лишь поверить тебе, поскольку проверить это я не могу. Также, видимо, мне стоит поверить, что ты не прикарманил себе пару камешков стоимостью несколько десятков тысяч ливров каждый. Кроме того, я должен убедить себя, что ты не прочитал бумаги, которые передал мне. Иными словами, наши отношения должны основываться исключительно на моем к тебе доверии. В противном случае ты оказался бы весьма опасным человеком.

– Опасным для кого? – насмешливо спросил посетитель. – Для тебя?

– Для республики.

Запрещенный прием, удар ниже пояса. Подобные слова, сказанные таким тоном и таким человеком, могли прозвучать как преамбула обвинительного приговора. Но тот, кому угрожали столь бесстыдным образом, не показал вида, что испугался, если он, действительно, испугался.

– Боюсь, тебе придется доверять мне, гражданин, – просто ответил он. – Нас многое связывает. Я знаю столько, сколько не знают, наверное, все тринадцать членов Комитета общей безопасности вместе взятые. И не означает ли мое нерушимое до сих пор молчание то, что ты можешь полностью доверять мне, как я доверяю тебе мою жизнь? Мы нужны друг другу. В этом – наши основные гарантии.

Ответа не последовало. Брюнет лишь слегка кивнул – не то собственным мыслям, не то аргументам подчиненного. Ему была известна и цена этих слов, и цена этого человека. Хладнокровный убийца и беспринципный шпион был бесценен – и знал об этом, потому и позволял себе вести подобные речи перед тем, кто стоял выше него в той сложной иерархии, которую создала революция.

– Ну что ж, – наконец проговорил гость, не желая дальше развивать опасную тему, – позволь откланяться. – Он надел перчатки и взял с кресла плащ и шляпу. – Это была трудная ночь, и нам обоим необходим отдых.

Хозяин молча проводил его до дверей, после чего вернулся к столу, наполнил бокал вином и сгреб драгоценности обратно в мешочек, который механически вертел в руках, размышляя о дальнейших действиях. Решение было принято мгновенно: камни должны оказаться в государственной казне. Но каким образом передать их республике, не ставя себя перед необходимостью объяснять их происхождение? Не мог же он явиться в Комитет общественного спасения и заявить его членам, что драгоценности нашли у убитого по его приказу агента одного из них?! Необходимо найти другой способ, не ставящий под сомнение ни его собственную репутацию, ни репутацию его коллег.

Брюнет брезгливо бросил мешочек на стол и потянулся к бумагам. Чуть присев на край стола и отставив в сторону опустевший бокал, он внимательно прочитал первую из них. Паспорт, выданный Комитетом общественного спасения на имя некоего Пьера Шована и подписанный Бертраном Барером (кем же еще?!), мало заинтересовал его. У подобного рода людей имен и паспортов зачастую больше, чем пальцев на руке. Куда интереснее было письмо, написанное на дорогой бумаге, пропитанной сладковатым запахом женских духов.

«Благороднейший из смертных и сладчайший из любовников», – гласили первые строчки послания.

Молодой человек разочарованно вздохнул: вместо ожидаемой улики, разоблачавшей дела шпиона, а то и его шефа, у него в руках оказалось банальное любовное послание.

«Боюсь показаться слишком назойливой, но вчерашняя ночь дала мне надежду, что я небезразлична тебе, – продолжил он чтение. – Я не имею никакого права требовать от тебя хранить мне верность, ибо ты не обязан подчиняться чьим бы то ни было желаниям, кроме своих собственных. Впрочем, ты никогда им не подчинялся. Не смею напоминать о данных мне обещаниях, но не могу удержаться от мольбы об еще одной встрече. С тех самых пор, как ты впервые заключил меня в объятия, я не могу дышать, не питая надежды снова увидеть тебя. Ты обладаешь над моим сердцем абсолютной властью, заставляя его биться с силой, способной разорвать грудь. Не заставляй меня страдать, приди этой ночью, и ты сделаешь меня счастливейшей из женщин! Если я хотя бы немного дорога тебе, откликнись на мой призыв и поверь в бесконечную преданность и любовь

твоей Элеоноры».

Читавший это страстное послание влюбленной женщины насмешливо скривил губы и набрежно отбросил письмо, словно считал его недостойным траты бумаги и чернил. Оно не представляло для него никакого интереса. Убитый шпион был любим женщинами. Вероятно, подобные послания он получал часто, отчего не особо дорожил ими. Вряд ли это имело какое-

либо отношение к его службе одному из одиннадцати правителей Франции. Впрочем... Молодой человек нахмурился. Возможно, другого способа обезвредить шпиона, действительно, не было, но тот факт, что он мертв и уже не сможет рассказать о делах своего хозяина, являлся не самым удачным исходом дела. Теперь придется самому докапываться до информации, которую он мог бы получить от него за несколько часов. Начать поиски придется с этой самой Элеоноры, единственной, кто каким-то образом связан с убитым. И остается только молиться, чтобы тот успел поделиться с ней хотя бы частью своих секретов.

Брюнет еще раз пробежал письмо глазами. Ни адреса, ни фамилии. Сколько в Париже женщин, носящих имя Элеонора, и насколько велики шансы отыскать среди них *ту самую*, кто сможет пролить свет на делишки своего любовника, прогуливавшегося по ночному Парижу с горстью драгоценностей на сотни тысяч ливров в кармане?

Жилец отеля «Соединенные Штаты» пробормотал проклятье и, затушив свечи в гостиной, прошел в кабинет, служивший ему также спальней и библиотекой. Расположившись за заваленным бумагами столом, он склонился над наполовину исписанным листом с многочисленными помарками и продолжил прерванное ночным визитером занятие.

29 пювиоза II года республики (17 февраля 1794 г.)

Если бы еще каких-нибудь четыре года назад Бертрону Бареру сказали, что он будет подниматься с постели раньше десяти часов утра, он рассмеялся бы шутнику в лицо. Но революция требовала от своих верховных жрецов недремлющего ока, и Барер, один из одиннадцати правителей Французской республики, входивших в состав всесильного Комитета общественного спасения, научился рано просыпаться. Впрочем, и он позволял себе исключения. Вернувшись накануне из Комитета во втором часу ночи, Барер решил, что заработал пару лишних часов сна, которые и подарил себе этим холодным февральским утром.

Не стоит, однако, думать, что жизнь Бертрона Барера, главного оратора Комитета общественного спасения, протекала исключительно в заботах о судьбах республики. Ночи его были посвящены далеко не только государственным делам. После того, как его покинула жена, заявившая, что не желает жить с убийцей короля, тридцативосьмилетний Барер считал себя свободным от каких-либо обязательств перед супругой, воспользовавшейся первым же предложением, чтобы поменять вечно занятого в Париже государственного мужа на красавца лейтенанта, вся служба которого заключалась в охране крепости, не нуждавшейся ни в какой охране. Будучи человеком состоятельным, Барер отдыхал от служения отечеству в объятьях прекрасных женщин, готовых на все, лишь бы приблизиться к власти – кто ради спасения своих друзей и родных, кто ради удовлетворения собственного тщеславия. Слухи о любвеобильности влиятельного депутата быстро разнеслись по Парижу, и с самого утра его приемная ломилась от посетительниц, многие из которых были молоды и недурны собой. Каждая получала от него доброе слово, ободряющую улыбку и горячее обещание немедленно заняться делом ее отца, брата или мужа, обещание, о котором Барер забывал, лишь только за красоткой закрывалась дверь. Но разве можно осуждать его за это? Не в силах посвятить свою жизнь освобождению тех, чьи аресты он же и санкционировал, сердобольный правитель не желал лишать заплаканных прелестниц единственного спасения, которое им осталось в беспокойное революционное время, – надежды. Он осыпал их любезностями, словно дорогими украшениями, а взамен получал возгласы благодарности, нередко сопровождаемые страстными ласками.

Разумеется, утренняя аудиенция состояла не только из приема просителей. Приходили к Бареру и секретари Комитета, работавшие под его началом, заглядывали делегаты из далеких коммун, привлеченные славой знаменитого оратора. Но их число было ничтожно по сравнению с плачущими и благодарящими молодыми женщинами, разряженными в пух и прах, чтобы понравиться всемогущему члену Комитета.

Барер обладал тем типом внешности, что одинаково подходила светскому повесе и государственному деятелю, – две ипостаси, которые он с успехом соединял в себе. Правильный овал вытянутого лица, обрамленный темными волосами, тонкий, с небольшой горбинкой нос, серо-зеленые пронизательные глаза, рот, словно созданный для ироничной усмешки – он с равным мастерством обольщал женщин и политиков, умело ведя как чувственные беседы, так и политические диспуты, и неизменно добиваясь победы в будуарах красавиц и на государственной трибуне.

Поднявшись с кровати в одиннадцатом часу в прескверном расположении духа, Барер потребовал халат и горячий кофе, после чего послал камердинера спроводить визитеров, объявив им, что аудиенция не состоится. Еще с вечера Барер был озабочен одним делом, занимавшим его мысли даже на заседании Комитета общественного спасения и не оставлявшим его вплоть до того момента, когда, утомившись, он погрузился в объятья Гименея. Но с утра беспокойство вернулось, не оставляя места другим заботам.

Барер как раз собирался распорядиться насчет утреннего туалета, когда вернувшийся из приемной камердинер доложил, что гражданин Верлен настойчиво требует принять его.

– Ну наконец-то! – восторженно воскликнул депутат. – Проси! Проси немедленно!

На пороге появился статный молодой человек в черном сюртуке элегантного покроя. Весь его вид, от аккуратно уложенных светлых волос, легкими волнами спадавших вдоль шеи, и ухоженных рук до драгоценной броши на высоком белоснежном галстуке и сверкающих пряжках на лакированных туфлях, выдавал столичного щеголя, какие легко и с удовольствием сорили деньгами в игорных залах Пале-Рояля. Взмахом руки он велел камердинеру удалиться и вместо приветствия лишь слегка кивнул Бареру. Тот встал ему навстречу и, приветливо улыбаясь, пожал руку.

– Рад видеть тебя, Эжен! – воскликнул депутат. – Какие новости? Что с... Ну, ты понимаешь... – заговорщически понизил он голос.

– Смотря о ком ты спрашиваешь, – развязно проговорил молодой человек, усаживаясь в кресло с позолоченными подлокотниками. – Если о Сен-Жюсте, то с ним все в порядке.

– Оставь лицедейство, – недовольно бросил Барер. – Речь не о Сен-Жюсте, и тебе это прекрасно известно. Я со вчерашнего вечера места себе не нахожу, ожидая от тебя известий. И вот ты соблаговолил пожаловать в одиннадцатом часу утра и разыгрываешь дешевый фарс. Что с агентом?

– Ах вот ты о ком! – зевнув, протянул Эжен Верлен. – Твой агент в безопасности. Я же обещал позаботиться о нем. За ним, действительно, была слежка, но я сумел переправить его в Англию. Правда, на некоторое время он, как ты понимаешь, выбывает из игры. Сен-Жюст черт знает каким образом проведал о его делах и, полагая, приказал его обезвредить. Я направил убийцу по ложному следу, и он зарезал припозднившегося бедолагу, думая, что устранил опасного шпиона.

Барер одобрительно кивнул. Хорошая новость улучшила его настроение.

– Сколько времени он должен оставаться в Англии? – спросил Барер.

– При настоящем положении дел о его возвращении во Францию не может быть и речи. Ты сам, помнится, провел декрет против вернувшихся эмигрантов. Думаю, нам придется обходиться без него весьма долго.

– Вот как, – нахмурился Барер.

– Не велика потеря! – отмахнулся Верлен. – Он не отличался особой осмотрительностью, да и стоил дорого. Я уже подумывал избавиться от него, когда он доложил, что за ним следят. Вот мы и убили двух зайцев сразу: спланировали нерадивого шпиона, готового испортить все дело, и заставили Сен-Жюста поверить, что он устранил твоего агента. Теперь он расслабится, потеряет бдительность, тут-то мы и нанесем удар по самому дорогому, что у него есть – по его репутации, до сих пор считавшейся безупречной.

Тяжелый взгляд Барера застыл на собеседнике. Он подался вперед, словно таким образом надеялся проникнуть в мысли Верлена, и произнес, чуть понизив голос:

– Я не ослышался? Ты сказал: удар по репутации Сен-Жюста? Удар по репутации Сен-Жюста? – похоже, само звучание этой фразы казалось ему неестественным.

– Ты все верно услышал, Бертран, – кивнул Верлен. – Не понимаю, что тебя так удивило. Любая репутация может рухнуть под удачно рассчитанным ударом. Сен-Жюст не исключение.

– Что ты задумал, Эжен? – насторожился Барер.

– О, сущий пустяк! – с показной небрежностью отозвался Верлен. – Так, небольшая комбинация. Я, как говорится, не мог не воспользоваться столь удачно представившимся случаем.

– Что ты задумал? – повысив голос, повторил Барер, начиная терять терпение.

– Ты считаешь... вы все там, в Комитете, считаете Сен-Жюста неуязвимым, верно? Неподкупным. Чистым от подозрений. А между тем, Бертран, с сегодняшней ночи он хранит у себя добрый десяток драгоценных камней из коллекции последней французской королевы. Неприятный факт, не правда ли? Весьма щекотливое положение, должен заметить. Как-то не вяжется с неподкупностью и чистотой помыслов. И вроде бы получается, что Сен-Жюст уже и не неуязвим вовсе. А, как думаешь?

– Чертов сукин сын, – сквозь зубы процедил Барер, впиваясь пальцами в позолоченные ручки кресла. – Ты что, подсунил Сен-Жюсту роялистское дерьмо? И он купился?!

– Купился он или нет, мы узнаем в самом скором времени, – невозмутимо ответил щеголь, ничуть не смутившись бранью депутата. – Пока могу сказать лишь одно: подосланный им убийца обшарил карманы своей жертвы, которую по ошибке принял за твоего агента. А в этих карманах было кое-что интересное и крайне ценное. Кому, по-твоему, он передал находку? Тому, по чьему приказу действовал, не так ли? То есть твоему дорогому неподкупному коллеге Сен-Жюсту. Вот и выходит, что в квартире неуязвимого члена Комитета общественного спасения, чистейшего депутата, не замаранного ни в одном скандале, мирно покоятся королевские драгоценности стоимостью... – он замолчал, что-то подсчитывая в уме, – думаю, около полмиллиона ливров. Полмиллиона, о которых он не сказал коллегам, которые не передал в казну, а просто-напросто оставил у себя, полагая, что никому не известно о существовании находки. Вот и верь после этого чистым репутациям!

– Да ты сам дьявол, Эжен! – вскричал Барер. – Умный, беспринципный дьявол-искуситель! Мечтаешь совершить невозможное: свалить Сен-Жюста? То-то ты с таким энтузиазмом вызвался защитить моего агента, которого, к тому же, считал никчемным! Я еще удивлялся, с какой стати ты заинтересовался этим делом, а ты, оказывается, ловишь рыбешку покрупнее!

– Я не настолько наивен, чтобы полагать, что свалить Сен-Жюста так просто, – Верлена как будто даже оскорбили слова собеседника. – Это лишь первый пробный камень. Он может дать широкие круги и изрядно замутить воду. А может просто опуститься на дно, произведя лишь легкий всплеск. Второе более вероятно, но и это уже стоит многого. Сен-Жюст, скорее всего, оправдается от возведенных против него обвинений: помянет свои былые заслуги, вставит три-четыре красивых фразы о любви к свободе, возможно, даже придумает объяснение нахождению у него королевских драгоценностей. Но тень подозрения на него будет брошена, и тень эта при удачном освещении может разрастись до существенных размеров. Члены правительственных Комитетов увидят, что их безупречный коллега не столь безупречен, неуязвимый депутат не столь неуязвим, чистый защитник народа не столь чист. А может, дело примет серьезный оборот. Может, его коллеги не захотят закрывать глаза на должностное преступление, за которым скрывается связь с роялистами, то есть заговор против нации. Все зависит от того, как преподнести нахождение у него драгоценностей ценой в состояние.

Барер поднялся с кресла и нервно расхаживал по гостиной, теребя подбородок. План выглядел безупречно, но что-то в нем не складывалось, не срасталось, что-то мешало его реали-

зации. Вдруг он остановился и обернулся к невозмутимо сидевшему в кресле Верлену, поглощенному разглядыванием собственных ногтей.

– Верно, все зависит от того, как преподнести эту историю. И как же ты собираешься ее преподнести, Эжен? Не явиться ли мне в Комитет и не заявить ли без обвиняков, что Сен-Жюст скрывает у себя драгоценности роялистов, полученные, несомненно, за службу делу монархии? Или лучше отправиться прямо в Конвент и разоблачить его перед всей Францией? Так я должен представить факты, чтобы они, подобно камню, брошенному в воду, дали круги?

Эти слова были сказаны со злой иронией, звучащей осуждающе, даже обвиняюще, словно собеседник Барера уже был виновен в его еще не свершившемся провале.

– Думаешь, мне охотно поверят? – продолжал, все более распаляясь, депутат. – Выдадут мандат на арест члена Комитета спасения и обыск в его квартире? Думаешь, его отправят в Революционный трибунал? Надеешься на громкий процесс? Честнейший, благороднейший из Одиннадцати подкуплен роялистами! Неплохо, а?

– Ты злишься, Бертран, так как знаешь, что, заяви Сен-Жюст нечто подобное о тебе, ему бы поверили, – спокойно проговорил Верлен, оторвавшись, наконец, от изучения ногтей. – Трибунал бы тебе не грозил, но исключение из Комитета и весьма неприятное расследование было бы гарантировано. Впрочем, в одном ты прав: громкого разоблачения Сен-Жюста не получится. Для того, чтобы рухнула репутация, подобная его, горстки камней недостаточно. Да и тебе лучше всего остаться в стороне от этого дела. Членов Комитета можно оповестить и менее грубым способом.

– Я слушаю, – Барер вновь устроился в кресле.

– Думаю, ты согласишься со мной, что основным адресатом информации о нахождении у Сен-Жюста королевских драгоценностей должны стать два правительственных Комитета общественного спасения и общей безопасности.

Барер кивнул.

– Разумеется, оповестить Комитеты надо через третье лицо, которое никоим образом не должно быть связано с тобой. Камни нашли у человека, которого Сен-Жюст считает твоим шпионом, следовательно, желая докопаться до источника информации, он первым делом будет подозревать тебя. Этого мы должны избежать любой ценой.

Барер снова кивнул.

– Далее, – менторским тоном продолжал Верлен, – мы должны объяснить, каким образом камни оказались у него. Версия должна быть правдоподобной, естественной и... – он сделал короткую паузу, подбирая подходящее слово, – крайне неблагоприятной для Сен-Жюста. Ей предстоит, с одной стороны, убедить твоих коллег в виновности Сен-Жюста, а с другой – не позволить ему оправдаться от возводимых на него обвинений.

– Ты имеешь в виду анонимное письмо, адресованное, скажем, Вадье? – предположил Барер.

– Ненадежно, – отмахнулся Верлен. – Кто станет из-за какой-то анонимки обыскивать квартиру героя Рейна и автора доклада, отправившего короля на эшафот? Да ее просто отбросят в сторону! Нужен конкретный человек с именем и прошлым, который, к тому же, не болтается, а также простая и в то же время изящная история перемещения камней из кармана роялистов в карман Сен-Жюста. Камни королевские, следовательно, они должны прийти из рук представителя высшей аристократии. Не стоит примешивать сюда всякую рвань, к которой драгоценности могли попасть нечестным путем. Такие не станут отдавать их Сен-Жюсту, да и он дел с ними иметь не будет.

Верлен выжидательно взглянул на депутата, ища согласия с приведенными доводами.

– Продолжай, – потребовал Барер.

– Итак, бывший аристократ с именем, в молчании которого мы можем быть уверены, – подытожил Эжен.

– Таковых на существует, – разочарованно отмахнулся Барер. – Другие предложения имеются?

– Лучше всего хранят тайну покойники, – невозмутимо продолжал Верлен, не обращая внимания на возражения собеседника. – Так что нам нужен живой дворянин вначале и мертвый на выходе. Это несложно устроить. Тюрьмы полны возможными кандидатами, готовыми на все в обмен на обещание освобождения. Достаточно уговорить одного из них купить свободу клеветой на Сен-Жюста. А когда дело будет сделано, я найду способ устранить доносчика. Что скажешь?

Барер молчал, покусывая губы.

– Что скажешь? – нетерпеливо повторил Верлен.

– План неплох, – выдал из себя член правительства.

На лице Верлена появилась гримаса. Казалось, все его существо возмущенно вопило: «Неплох?! Да он гениален!» Барер прочитал адресованное ему немое послание и повторил с нажимом:

– Неплох. Слишком хрупок. На подобный донос никто даже внимания не обратит. Мало ли что придумают роялисты, чтобы опорочить члена республиканского правительства!

– Надо сделать так, чтобы на него обратили внимание, – настойчиво проговорил Верлен. – Главное, чтобы он попал в нужные руки. В руки того, кому подобная информация придется по душе. – Он помедлил: – У Сен-Жюста есть враги, особенно в Комитете общей безопасности. Обвинение в продажности, а если повезет, то и в симпатиях к роялистам, да еще с вещественными доказательствами! Даю голову на отсечение, Вадье не упустит такого подарка. Сен-Жюсту придется оправдываться. А когда у него найдут указанные в доносе драгоценности, доказать свою невиновность ему будет сложно.

– Я должен подумать, – Барер принялся медленно вышагивать по гостиной, в задумчивости ломая пальцы.

– Думай, – милостиво позволил Верлен. – Только не очень долго. Сен-Жюст ведь тоже будет размышлять, как поскорее избавиться от опасного сокровища. У тебя не больше пары дней, Бертран. Решать надо быстро. Будет непростительной ошибкой упустить такую возможность. Кроме того, – он поднялся с кресла, – не стоит забывать, что Сен-Жюст может попытаться использовать камни против тебя. Он ведь убежден, что их нашли у твоего агента.

Последняя фраза была сказана уже у дверей, за которыми посетитель и скрылся, взмахнув на прощанье рукой.

Оставшись один, Барер долго расхаживал по гостиной, подходил к окну, садился в кресло, в задумчивости покусывал ноготь большого пальца. Наконец, словно решившись на что-то, резко поднялся и позвал камердинера.

– Давай умываться, – приказал он. – Мне пора в Комитет.

29 пювиоза II года республики (17 февраля 1794 г.)

В то самое время, когда Бертран Барер ломал голову, как с наибольшей выгодой для себя воспользоваться оплошностью Сен-Жюста, Луи Антуан Сен-Жюст, не торопившийся, подобно своему коллеге, приступить к обязанностям управления республикой, тоже размышлял. Неторопливо намазывая дешевый серый хлеб маслом и попивая крепкий кофе, сваренный горничной, обслуживающей апартаменты в отеле «Соединенные Штаты», он искал разгадку головоломки, свалившейся на него ночью. «Стоит ли поиск информации о деятельности шпиона Барера времени и средств, которые будут на него затрачены?» – спрашивал себя Сен-Жюст. Даст ли он ключ к разоблачению нечистоплотности Барера? И если это так, какова конечная цель поисков? Чего он желает добиться? Изгнания Барера из Комитета общественного спасения? Получения против него грозного оружия шантажа? Или расследование покажет наличие

столь тяжких преступлений, что жизнь Барера станет несовместима с общественным благом, и тогда... Кофе остывал на столе. Сен-Жюст в задумчивости расхаживал по гостиной, скрестив руки на груди. Каким бы ни оказался результат, заключил он, игра стоит свеч. Что бы ни выявило расследование, оно, безусловно, послужит республике, удалив от управления ею преступника, если Барер окажется таковым, или освободив от подозрений одного из вернейших слуг народа, если факты докажут его невиновность. Впрочем, усмехнулся про себя Сен-Жюст, последнее маловероятно. Драгоценности, изъятые у агента Барера, если и не являются неоспоримым аргументом в пользу связей одного из одиннадцати членов Комитета общественного спасения с роялистскими организациями, наводнившими Французскую республику, то безусловно свидетельствуют о продажности депутата. Остается лишь доказать, что перед тем, как оказаться в кармане шпиона, камни прошли через руки Барера. И тут Сен-Жюст вынужден был расписаться в полном бессилии: ни одна, пусть даже самая тонкая ниточка не ведет к Бареру. Шпион умер, не оставив ничего, что могло бы помочь поискам, кроме...

Он снова перечитал страстное послание, написанное некой Элеонорой. Эта женщина явно испытывала к своему любовнику куда более сильные чувства, чем он к ней. Вряд ли он откровенничал с ней о своих делах, да и дела эти, возможно, ее не интересовали. Но поговорить с ней стоит, надо ведь с чего-то начать. О том, кому поручить поиски, Сен-Жюст не размышлял: лишь один человек обладал необходимыми качествами и информацией, чтобы разыскать в шестисоттысячном Париже женщину, о которой известно лишь ее имя и то, что она состояла в любовных отношениях с убитым агентом Барера.

Сен-Жюст склонился над столом и наскоро набросал несколько строк, после чего спустился во двор в поисках горничной. Он нашел ее на кухне, располагавшейся на первом этаже отеля, справа от лестницы.

– Брат дома? – спросил он, просунув голову в тесное помещение, наполненное жаром печи.

Хрупкая длиннолицая девушка, с сосредоточенным видом натиравшая серебряные приборы, оторвалась от своего занятия и приветливо улыбнулась вошедшему.

– Я отправила его на рынок, гражданин Сен-Жюст, – ответила она извиняющимся тоном. – Разумеется, знай я, что он понадобится вам...

– Это терпит, – перебил ее депутат и протянул запечатанный конверт. – Как вернется, пусть отнесет это письмо, – он назвал адрес и пояснил: – Третий этаж, слева от лестницы.

– Конечно, гражданин Сен-Жюст, обязательно, как только Жан вернется... – затараторила она вслед удалявшемуся жильцу.

Вернувшись в апартаменты, Сен-Жюст отхлебнул холодного кофе, поморщился и отставил чашку. Бутерброд с маслом он дожевывал на ходу, складывая в портфель бумаги, которые могли понадобиться ему в Комитете. Натянув мягкие черные сапоги из тонкой свиной кожи, Сен-Жюст взглянул на себя в зеркало. Черный элегантный сюртук плотно облегал его стройную фигуру, сложные складки высокого белоснежного галстука придавали юношескому лицу строгое и высокомерное выражение, которое, надеялся Сен-Жюст, добавляло ему, самому молодому депутату Конвента, несколько лишних лет. Оставшись довольным своим внешним видом, он надел пальто и шляпу, взял портфель и направился во дворец Тюильри, где еще пару лет назад жил король Франции Людовик XVI, а ныне размещался Национальный конвент и двадцать один его комитет, над которыми главенствовал всемогущий Комитет общественного спасения.

Спустя двадцать минут, ровно в полдень, Сен-Жюст появился на пороге Зеленой комнаты, бывшей гостиной королевы Марии Антуанетты, превращенной в зал заседаний Комитета.

Это время суток было наиболее спокойным в работе революционного правительства. Утренняя аудиенция уже закончилась. Делегации департаментов, коммун и местных револю-

ционных комитетов отправились на заседание Конвента, открываемое между десятью и одиннадцатью часами. Члены Комитета разошлись по бюро и комиссиям, занимавшимся более узкими вопросами снабжения городов и армий, ведения военной кампании против европейских монархов, в которую Франция вступила два года назад, проблемами образования, идеологии, полицейского и административного надзора. Именно эти комиссии и бюро служили рычагами огромной бюрократической машины, созданной для спасения молодой республики от внешней и внутренней угрозы.

После дневного затишья жизнь Зеленой комнаты оживала к девяти-десяти часам вечера, когда члены Комитета общественного спасения собирались на общее заседание, где решались стратегические вопросы, обсуждались проекты законов, которые Комитет представлял на одобрение Конвента, заслушивались доклады, с которыми его члены должны были выступить перед депутатами. На этих вечерних заседаниях, затягивавшихся порой до глубокой ночи, вершилась судьба республики. Здесь билось ее сердце и рождалась воля. Здесь разрабатывалась политика государства.

Хмуро-серым февральским днем Сен-Жюст обнаружил в зале заседаний Комитета лишь одного из коллег, сидевшего за огромным столом, покрытым зеленым сукном, которое и дало название Зеленой комнате. Перед ним были разложены папки с выпотрошенными из них бумагами, несколько английских газет и десяток покрытых крупным размашистым почерком листов, правкой которых он и занимался. При появлении Сен-Жюста он оторвался от своего занятия и встал навстречу вошедшему.

– Антуан, рад тебя видеть! – приветливо проговорил он, словно обращался к старому товарищу.

Увидеть в Зеленой комнате неизменного оратора Комитета в Национальном конвенте в час, когда конвентское заседание было в самом разгаре, Сен-Жюст никак не ожидал, о чем и сообщил ему сухо, но вовсе не враждебно.

– Заседание не обещало ничего интересного, – отозвался Барер, вновь усаживаясь на свое место, – так что я предпочел поработать здесь над будущей речью. Дома с вечными просителями, толкущимися в приемной, работать невозможно.

– Просители осаждают лишь те дома, где рассчитывают получить желаемое, – с деланной невинностью бросил Сен-Жюст, пожав плечами.

Барер предпочел пропустить едкое замечание мимо ушей.

– Я только что разговаривал с Бийо-Варенном, – продолжал он как ни в чем не бывало. – Ты не встретил его на лестнице? Нет? Так вот, послезавтра, как тебе известно, первое вантоза, и место председателя Конвента снова становится вакантным, – Сен-Жюст согласно кивнул. – Бийо предлагает выдвинуть твою кандидатуру.

Сен-Жюст удивленно взглянул на Барера: Бийо?!

– Никогда бы не подумал, что ты пользуешься расположением Бийо, – Барер словно читал его мысли. – Но идея мне нравится. Думаю, она понравится всем членам Комитета, и тогда твоё избрание – дело решенное. В конце концов, твоя последняя миссия в Северную армию не может не быть оценена депутатами. Две недели председательства, Антуан. Две недели полного владения ситуацией в Конвенте. Стоит заранее продумать выгоды, которые Комитет может извлечь из этого положения. Ты понимаешь, о чем я?

Сен-Жюст рассеянно кивнул, погруженный в свои мысли. О да, он понимал, о чем толкует Барер, понимал, что пришло время действовать и, наконец, выбрать лагерь, как понимал он и то, что его коллега Бийо-Варенн не случайно ратует за его избрание председателем высшего законодательного – по крайней мере, формально – органа страны. Бийо рассчитывает привлечь его на свою сторону. А на что, интересно, рассчитывает Барер?

– Пора остановить затянувшуюся дуэль экстремистов во главе с Эбером и умеренных во главе с Дантоном и Демуленом, – продолжал Барер, отвечая на незаданный вопрос Сен-

Жюста. – Комитет должен выступить против одной из фракций, пока они окончательно не уничтожили единство революционного правительства. Нам необходимо сделать выбор, Антуан, и как можно скорее. Твое председательство в Конвенте придется как нельзя более кстати.

Пока Барер говорил, Сен-Жюст медленно вышагивал по просторному залу между столом и окнами с зелеными шторами.

– Умеренные или экстремисты? – спросил он, останавливаясь и глядя сверху вниз на Барера. – Как возможно сделать выбор, если победа любого из них станет губительна для свободы? Эбер с агитацией в Клубе кордельеров и требованиями развернуть террор до невиданных доселе размеров и Дантон с речами в Конвенте, в которых то и дело звучат призывы к открытию тюрем и прекращению террора, – оба в случае победы нанесут одинаково страшный, непоправимый ущерб республике. Мы поставлены в ситуацию, когда выбор невозможен, – Сен-Жюст опустился на стул рядом с Барером. – Все фракции должны быть уничтожены, Бертран, в противном случае, будет уничтожено революционное правительство.

Серые внимательные глаза Сен-Жюста прямо смотрели на собеседника. Барер спокойно выдержал этот взгляд и коротко кивнул.

– Я поддержал бы тебя, Антуан, если бы был уверен, что члены правительственных Комитетов пойдут за нами. Комитет общей безопасности сплошь состоит из сторонников эбертистов. Большинство же Комитета общественного спасения, включая Робеспьера, на стороне Дантона и Демулена. Для того, чтобы свалить обе фракции, Комитеты должны выступить единым фронтом. Каким образом ты рассчитываешь достичь этого единства?

– Достаточно показать угрозу, которую их деятельность представляет для правительственных Комитетов, чтобы заставить их членов поддержать мое предложение, – уверенно ответил Сен-Жюст.

– Если бы все было так просто! – горько усмехнулся Барер. – К тому же, выступить против обеих фракций одновременно означает толкнуть их к объединению против Комитетов. А это уж точно приведет к краху правительства и его членов.

– Разве я говорил об одновременной войне против обеих фракций? – снисходительно улыбнулся Сен-Жюст, покачав головой. – Не-ет, сперва одна из них, более слабая, должна помочь нам уничтожить другую, более сильную, вернее, мы должны ей в этом помочь.

«Неплохая мысль, – признался самому себе Барер. – Чертовски хорошая мысль», – но вслух лишь спросил:

– С которой же ты хочешь начать?

– Именно над этим я сейчас и размышляю. Ты прав: мы должны считаться с симпатиями членов Комитетов. Гармония в правительстве превыше всего.

Барер скривил губы в некое подобие улыбки: странно слышать о гармонии в правительстве от человека, не далее как этой ночью приказавшего убить агента своего дорогого коллеги, с которым теперь так откровенно обсуждает общую стратегию!

– Вадье, а вместе с ним весь Комитет безопасности никогда не пойдут против эбертистов, не будь у них гарантий, что дантонисты также будут уничтожены, – продолжал Сен-Жюст. Барер согласно кивнул. – Что до нашего Комитета, то главную трудность здесь представляет Робеспьер. Он ни за что не согласится пожертвовать своим дорогим Камиллом. И инцидент в Якобинском клубе, когда Робеспьер предложил сжечь газету Демулена, никого не обманул: плевать ему на газету, лишь бы жизнь Камилла была вне опасности. А если Робеспьер не даст гарантий Вадье покончить с дантонистами, Вадье не пойдет на уничтожение эбертистов, да и Бийо-Варенна с Колло д'Эрбуа не стоит сбрасывать со счетов: их дружба с Эбером хорошо известна.

– Ну и задачка, – процедил сквозь зубы Барер. – Боюсь, мы зашли в тупик.

– Конечно, мы можем попытаться уговорить Робеспьера, доказать ему необходимость очистить республику от фракций, – голос Сен-Жюста звучал не очень уверенно.

Барер отрицательно покачал головой.

– Нет-нет, Антуан, это не сработает, ты сам знаешь.

– *Сейчас* не сработает, – возразил Сен-Жюст. – Но если сперва помочь Дантону и Демулену расправиться с Эбером, что доставит Максимилиану немалое удовольствие, а затем представить этих двоих как последнее препятствие на пути к свободе... Как знать, мы можем преуспеть, – и заметив скептическую усмешку, скривившую губы Барера, он добавил: – В любом случае, без помощи Дантона нам не одолеть эбертистов. Штурмовать крепость должен он. Когда же эбертисты будут обезврежены, Дантон расслабится, а Робеспьер успокоится... – он сделал неопределенный жест.

– Весьма туманная перспектива, которая вряд ли заставит Колло и Бийо предать друзей, а Вадье – выгодных ему агитаторов, – Барер нервно постукивал пальцами по зеленому сукну. – Им нужны серьезные аргументы, чтобы поверить, что устранение экстремистов выгодно, в первую очередь, им самим.

– Дай мне время, и я найду способ заставить их поверить в опасность экстремистов для их же собственной власти, – пообещал Сен-Жюст.

– Надеюсь, ты понимаешь, что у нас не более двух недель, – напомнил Барер.

– Да-да, разумеется, – поспешно кивнул Сен-Жюст, мысли которого уже были целиком поглощены предстоящей кампанией. – Надо бы спровоцировать Эбера на выпады против правительства, хотя бы словесные, без разницы. Пусть Комитеты испугаются. Впрочем... – он замолчал, погрузившись в раздумья. – Это вряд ли получится. Экстремисты считают своим главным врагом Дантона и полностью сосредоточены на нем и Камилле. Вот если сперва приручить их, показать, что мы готовы играть на их стороне, а затем оглушить неожиданным ударом в спину, тогда Эбер, решив, что его предали, возопит о возмездии. Тут-то мы и обвиним его в подстрекательстве к мятежу.

– Неплохо придумано, Антуан, только подобная тактика вряд ли уместится в две недели.

– Я и не рассчитываю покончить с Эбером за две недели, но предпринять первые шаги мы вполне успеем. Я сегодня же займусь подготовкой речи, призванной, с одной стороны, повысить популярность правительства, а с другой – нанести удар по фракциям.

– Звучит заманчиво! – не без зависти проговорил Барер. – И каким же образом ты собираешься решить столь амбициозную задачу?

– Пока не знаю, – признался Сен-Жюст. Барер невольно почувствовал облегчение, которое исчезло вслед за следующими словами Сен-Жюста: – Но я найду решение. Несколько дней у меня есть. Кстати, – он уже поднялся с места, но снова опустился на стул рядом с собеседником, – стоит позаботиться о том, чтобы Демулен помалкивал. С его горячей головой он того и гляди начнет призывать к свержению правительства. Эбер не упустит случая объявить его врагом народа, тогда дантонистам придется выйти из игры, что спутает нам все карты. Оставив поле боя за Эбером, Комитеты проиграют битву, еще не начав ее.

– Единственный, кто может заставить Камилла не браться за перо, – это Робеспьер, – подсказал Барер.

– Вот и поговори с ним, – попросил Сен-Жюст и, поймав удивленный взгляд собеседника, пояснил: – Робеспьер убежден, что у нас с Демуленом старые счеты и что моими действиями движет слепая ненависть, в то время как Камилл – истинный патриот и друг свободы, – Сен-Жюст презрительно скривил рот. – Так что во всем, что касается Камилла Демулена, Максимилиан послушает тебя охотнее, чем меня.

– А это правда?

– Что – правда? – не понял Сен-Жюст.

– Насчет тебя и Демулена.

– Чушь, – бросил Сен-Жюст, поднимаясь, и отвернулся. – Не одному мне понятно, что Демулен давно перестал быть революционером. Только Робеспьер слеп во всем, что касается

этого остряка, и продолжает именовать его другом. Шарль Ламет тоже, помнится, был его другом, во всяком случае, Максимилиан всячески это подчеркивал. Где сейчас Ламет? В эмиграции вместе со своими братьями. Напомни ему при случае и об этом. Пусть призадумается.

– Непременно, – улыбнулся Барер. Уж точно не Сен-Жюсту учить его, мастера дипломатии, как разговаривать с Робеспьером.

– В Комитет он, скорее всего, еще долго не явится, – продолжал Сен-Жюст. – Не знаю, чем он там болен, но явно предпочитает мягкую постель конвентским скамьям. А между тем, неплохо бы иметь его среди нас, когда будет приниматься решение о стратегии Комитетов в борьбе с фракциями.

– Я зайду к Робеспьеру завтра. Давно собирался его навестить. Обещаю, что не уйду без твердого обещания с его стороны вернуться к работе в Комитете.

– Добро, – удовлетворенно кивнул Сен-Жюст, направляясь к выходу. – Если меня спросят, я в Продовольственной комиссии. Увидишь Робеспьера, передавай ему привет и пожелания скорейшего выздоровления. И не забудь: если хочешь добиться успеха в твоей миссии, избегай упоминать мое имя в связи с Демуленом.

Работа в Продовольственной комиссии, где решались вопросы снабжения продуктами первой необходимости французских городов, где велась борьба со спекулянтами, то и дело норовившими обойти закон о максимуме цен на эти самые продукты, и где распределялись поставки продовольствия в армии республики, заняла хорошие шесть часов. Сен-Жюст и не заметил, как Париж за окном погрузился во тьму. Мелкий дождь стучал по карнизам, забрызгивал окна каплями, поблескивавшими в свете канделябров. Этот неровный стук, дрожащее пламя свечей на столе, бесконечные таблицы, цифры, расчеты, мелькающие перед глазами, заставили, наконец, его отяжелевшие веки сомкнуться в беспокойной дреме. Бессонная ночь дала о себе знать.

Он проснулся оттого, что кто-то слегка тронул его за плечо.

– Гражданин Сен-Жюст, – тихим виноватым голосом сказал секретарь, – уже семь часов. Мы ничего не ели с полудня. Прикажешь послать за провизией?

– Да-да, конечно, – поспешно отозвался депутат, протирая сонные глаза. – Думаю, от меня сегодня больше не будет пользы. Подготовь все необходимые распоряжения, я подпишу их завтра.

– Завтра тридцатое плювиоза, последний день декады, выходной, – напомнил секретарь.

– Верно, – согласился Сен-Жюст. – Тогда встретимся первого вантоза. Впрочем...

До того ли будет свежеиспеченному председателю Конвента в первый день председательства? И он, отправив посыльного за хлебом, колбасой и вином, остался в комиссии, которую покинул около полуночи.

Ночь с 29 на 30 плювиоза II года республики (17-18 февраля 1794 г.)

К ночи дождь прекратился, черное небо, постепенно очистившись, засветилось миллионами ярких звезд, окруживших тонкий серп луны, словно свита возлюбленного императора. Сен-Жюст шел быстро, сжимая подмышкой портфель. Его мысли были целиком поглощены предстоящей речью, которую он с такой поспешной легкомысленностью пообещал Бареру. Направить удар одновременно против эбертистов и дантонистов и в то же время представить правительство как единственную силу, способную привести граждан республики к благополучию, – задача не из легких. Что противопоставить призывам Эбера к физическому устранению врагов народа, с одной стороны, и предложению Дантона и Демулена о торжестве милосердия по отношению к десяткам тысяч подозрительных, заполнивших французские тюрьмы, – с другой? «Не увлекаться дантонистами!» – приказал он себе. На данный момент главной целью является борьба с экстремистским крылом муниципалитета и оголтелыми клубными агитато-

рами, особенно с теми, кто обосновался в бывшем монастыре кордельеров. Чем отвлечь парижан от соблазнительных и опасных идей Эбера о новом народном восстании против депутатов, думающих куда больше о своем кошельке, чем о счастье нации?

Ответ на этот вопрос не был найден ни по возвращении Сен-Жюста в отель «Соединенные Штаты», ни после полутора часов работы над текстом выступления, результатом которых стали три опустошенных бокала вина, дюжина испорченных листов, валявшихся теперь в виде мятых шариков вокруг стола, и... восемь строк.

Сен-Жюст устало взглянул на плоды своего труда, скомкал покрытый ровными мелкими строчками листок и швырнул его на пол. Похоже, задача оказалась ему не по зубам. Решив, что пора дать отдых утомленному мозгу, он переоделся в темно-зеленый шелковый халат и домашние туфли с загнутыми по-восточному носами и расположился на диване в гостиной с модным романом в руках. Роман был в меру занимателен, в меру примитивен, но после напряженной работы лучшего отдыха и желать нельзя. Сен-Жюст не заметил, как уснул.

Резкий, но осторожный стук в дверь заставил его проснуться. Книга валялась на полу, свечи полностью догорели, и комната освещалась лишь слабым светом полупогасшего камина. Стук повторился: два раза, потом еще два. Он ждал лишь одного человека. Неужели уже шесть часов утра?! Сколько же он проспал? Стрелки каминных часов потонули в темноте, к которой глаза Сен-Жюста еще не успели привыкнуть.

На пороге стоял тот же человек, что навещался предыдущей ночью.

– Проходи, – чуть хрипловатым после сна голосом проговорил хозяин, впуская гостя.

Тот вошел в гостиную, удивленно оглядываясь в темноте.

– Я не задержу тебя надолго, – зачем-то сказал Сен-Жюст, поймав вопросительный взгляд агента, как будто короткая беседа не нуждалась в ярком освещении.

– Я слушаю, – только и ответил тот, усаживаясь в кресло у камина. Он не стал снимать плащ, а шляпу положил себе на колени. Его ведь предупредили, что разговор не затянется.

– Нужно найти одного человека, – столь же лаконично ответил Сен-Жюст, встав за креслом напротив гостя и облокотившись о его спинку. По его лицу забегали алые тени, отбрасываемые скудным пламенем. – Скорее всего, парижанина.

– Имя?

– Элеонора. По всей вероятности, она была любовницей убитого тобой шпиона. Ее письмо к нему было среди его бумаг. Большого сказать не могу.

Посетитель молчал, уставившись невидящим взглядом на спинку кресла напротив.

– Понимаю, дело трудное, – продолжал Сен-Жюст. – В противном случае, я разыскал бы ее без твоей помощи.

Агент едва заметно усмехнулся: да это никак комплимент!

– Можно попробовать, – отозвался он, выдержав внушительную паузу. – У этого человека было не так много связей, чтобы не найти женщину, писавшую ему письма.

– Письмо, – поправил Сен-Жюст. – Нам известно лишь об одном письме.

– Не имеет значения! – отмахнулся гость. – Могу я на него взглянуть?

Перечитав любовное послание, по меньшей мере, раза четыре, он вернул его Сен-Жюсту со словами:

– Я найду ее, гражданин.

Другого ответа Сен-Жюст и не ждал.

– Осталось договориться об оплате, – добавил агент.

– Две тысячи ливров, – ответил Сен-Жюст с быстротой, свидетельствовавшей о том, что он был готов и к этому вопросу, и к ответу на него.

Агент усмехнулся и медленно-медленно покачал головой.

– Три, – тут же сдался депутат с легкостью, говорившей о том, что и к торгу он был готов.

– Ты сказал, что задача трудна, – гость тихо вычеканивал слова. – Я же скажу, что она невыполнима. А дамочка тебе нужна, очень нужна, не так ли? Ведь она, рассудил ты, может знать много, достаточно много, чтобы представить доказательства нечистоплотности гражданина Барера.

– Сколько ты хочешь? – в голосе Сен-Жюста послышалось раздражение.

– Не желаешь расплатиться камешком из доставленных тебе вчера сокровищ? – широко улыбнулся гость самой невинной улыбкой, на какую только был способен.

– Надеюсь, ты шутишь, – холодно-спокойным тоном проговорил Сен-Жюст. Проговорил утвердительно, давая наглецу путь к отступлению.

Но тот либо не понял намека, либо не желал отступать.

– Ведь если вдуматься хорошенько, к чему тебе эта горсть камней? – спросил он все так же невинно. – В казну их не сдашь, иначе придется объяснять происхождение камешков весьма сомнительной репутации. Конечно, ты всегда можешь сохранить их у себя, но, как я понимаю, такую возможность ты не рассматриваешь, не желая мараться. Остается их выбросить. Ну, или раздать нищим. Правда, если память мне не изменяет, декретом Конвента было объявлено, что нищих во Французской республике больше нет. Мне, однако, это утверждение представляется весьма спорным... Но речь не о том, – поспешно поправился он, поймав на себе колючий взгляд члена революционного правительства. – Я лишь хочу сказать, что, расплатившись со мной камнем с дурной репутацией, ты сохранишь в казне десять тысяч ливров, которые тебе пришлось бы извлечь оттуда, когда некая Элеонора окажется под замком.

«Десять тысяч? – мысленно усмехнулся Сен-Жюст. – Разве я предлагал тебе десять тысяч?»

– Так как? – не получив ответа на свою тираду, спросил агент.

– Я не могу распоряжаться тем, что мне не принадлежит, – сухо сказал Сен-Жюст. – Я еще не решил, как поступить с драгоценностями.

– Советую тебе поторопиться, – посоветовал гость. – Узнай кто-нибудь из членов Комитетов об их существовании, последствия могут быть весьма неприятными.

– Как же они узнают о них, – ледяной взгляд так и впился в неосторожного советчика, – если об их существовании известно лишь тебе и мне? Случись это, мне не останется ничего другого, как усомниться в твоей лояльности.

Очевидная угроза, заключавшаяся в этих словах, похоже, не испугала агента.

– Пока я тебе нужен, – беззаботно проговорил он, – мне нечего опасаться. Когда же ты перестанешь нуждаться в моих услугах, избавиться от столь опасного свидетеля станет для тебя жизненной необходимостью, как бы верен я тебе ни был. Так что моя задача – оставаться нужным тебе как можно дольше, выполняя невыполнимые поручения. Тебе же стоит заботиться об обеспечении хорошей оплаты моих трудов, чтобы в один прекрасный момент я не переметнулся к тому, кто будет платить больше. Не переметнулся до того, как перестану быть тебе нужен.

Сен-Жюст повернулся в гостю спиной и подошел к окну, в котором поблескивало отражение красного тлеющего пятна камина. Прошло не менее минуты, прежде чем он проговорил, не отрывая взгляда от черной бездны за окном:

– Черт с тобой. Ты получишь тот камень, который выберешь сам, когда я получу эту женщину.

– В таком случае, гражданин, – бодро проговорил агент, поднимаясь и надевая шляпу, широкие поля которой скрыли пронизательные голубые глаза, – ее полное имя и адрес будут известны тебе через два дня. Остальное, как я понимаю, твоя работа?

Сен-Жюст коротко кивнул.

1 вантоза II года республики (19 февраля 1794 г.)

Барер оказался прав: избрание Сен-Жюста председателем Конвента на вечернем заседании прошло гладко – ни одного голоса против. Заседание длилось не более двадцати минут, которых оказалось достаточно для выдвижения кандидатуры нового председателя, голосования, подсчета голосов и оглашения результатов, тем более предсказуемых, что речь шла об одном из Одиннадцати. Сен-Жюст не скрывал торжества: самый молодой депутат Национального конвента, которому не было еще и двадцати семи лет, на две недели стал первым гражданином Французской республики. Должность сугубо представительская, как член Комитета общественного спасения Сен-Жюст обладал куда большей властью, но для удовлетворения самолюбия вполне подходила: *этот мальчишка*, как его за глаза именовали коллеги-депутаты, стал первым среди них. «Мое председательство войдет в анналы революции», – пообещал себе Сен-Жюст.

Барер настиг его во дворе Карусель, при выходе из дворца Тюильри. Он энергично поздравил коллегу и не преминул напомнить о выгодах, которые Комитет рассчитывает извлечь из его высокой должности.

– Что с твоей речью против эберистов? – спросил Барер.

– Я работаю, – уклончиво ответил Сен-Жюст.

Но обмануть Барера было не просто. Он кинул на молодого человека насмешливый взгляд и понимающе кивнул:

– Непростая задача, Антуан, согласен. Но у нас мало времени. Если тебе нужна помощь, ты всегда можешь на меня...

– Справлюсь, – буркнул Сен-Жюст. – Не в первый раз. Я отправил на гильотину короля, отправлю и Эбера.

– Не сомневаюсь, – примирительно проговорил Барер. – Робеспьер, кстати, считает так же. Я был у него вчера.

– И?

– Он здоров. Не понимаю, что мешает ему посещать Конвент или, на худой конец, Комитет.

– Он ждет, – уверенно заявил Сен-Жюст, заявил так, словно знал наверняка.

– Чего?

– Пока мы сделаем всю грязную работу. А потом он появится на сцене, красиво довершит удар – и снова пожнет лавры спасителя народа. Его обычная тактика. С королем вышло именно так. Но на этот раз ему нас не провести. Мы должны заставить его явиться в Комитет и замарать руки вместе с нами, Бертран. А потом... Потом он нам уже будет не нужен до тех пор, пока... – он замолчал, решая, стоит ли продолжать. Но он сказал уже слишком много, чтобы останавливаться на полуслове, и продолжил: – ... Пока не настанет черед дантонистов.

– Вот такая сложилась ситуация, Эжен, – заключил Барер свой рассказ о событиях прошедшего дня и сделал щедрый глоток вина. – Так что давай делу задний ход. Ни к чему сейчас портить репутацию Сен-Жюста. Она нам ой как нужна!

– Нам? – Верлен удивленно вскинул брови. – Кому это – нам?

– Республике, дорогой мой, той самой республике, на благо которой все мы работаем. Комитету общественного спасения, тому самому Комитету, который является главным оплотом республики. И мне, кто всячески заботится о стабильности этого самого Комитета.

Друзья только что плотно поужинали и теперь сидели в просторной гостиной Барера, занимавшего целый этаж дома на левой стороне Сены. Его роскошная квартира состояла из столовой, спальни, будуара, приемной, кабинета-библиотеки, гардеробной и туалетной комнат, ну, и конечно, гостиной, выполненной в бежевых и желтых тонах, обставленной дорогой мебелью из акации, которая была куплена хозяином по весьма выгодной цене у герцога де Рогана, когда тот в спешке покидал Париж, спасаясь от гильотины.

– Так что забудь о драгоценностях, – повторил Барер. – В моих же интересах теперь беречь репутацию Сен-Жюста пуще своей собственной. Слишком серьезная игра затевается. Не до личных счетов.

– Интересно, Сен-Жюст разделяет твою самоотверженность? – вопрос был задан самым невинным тоном, словно вопрошавший, действительно, желал получить на него ответ, а не подготовил этот ответ заранее, о чем, разумеется, его собеседник мгновенно догадался.

– Твоя ирония неуместна и оскорбительна для любого, кто считает себя патриотом, – строго проговорил Барер. – Революционное правительство стоит на пороге тяжелейшей борьбы против раздирающих Париж фракций. Ему необходима энергия всех его членов. Единство и гармония – вот девиз, под которым должны сейчас работать Комитеты.

– Ты так и не ответил на мой вопрос, Бертран. Ты уверен, что Сен-Жюст разделяет твое мнение?

– Абсолютно.

– На чем же основана твоя уверенность?

– На его собственных словах.

Громкий хохот был ответом Бареру.

– Ну и ну! – вскричал Верлен, хлопнув себя по колену. – Вот уж не думал, что услышу от тебя столь наивную глупость! Право, мне начинает казаться, что твое хваленое политическое чутье изменило тебе. Сен-Жюст заверил в своей лояльности – и ты поверил! Господи, Бертран, да не далее как три дня назад он приказал убить твоего агента!

– И что с того? – пожал плечами Барер, вновь наполняя опустевшие бокалы. – На его месте, я поступил бы так же. Это пройденный этап. На кону судьба республики, Эжен. И мы с Сен-Жюстом нужны друг другу.

– *Вы* с Сен-Жюстом нужны друг другу или *ты* нужен Сен-Жюсту? – с нажимом спросил Верлен. – Это разные вещи, мой дорогой, – Барер собрался что-то возразить, но он жестом остановил его. – Сен-Жюсту нужен Дантон, не правда ли? Борьба с эбертистами – так, для отвода глаз. Великий Дантон, Народный трибун, создатель Революционного трибунала, председатель и вдохновитель первого Комитета общественного спасения, – в состав которого, помнится, входил и ты, Бертран, – вот, в кого метит Сен-Жюст. И ты – идеальный союзник. Кто еще сможет уговорить Робеспьера пожертвовать друзьями, если не ты? Кто поддержит борьбу одновременно против обеих фракций? Снова ты! Коллю и Бийо с радостью набросятся на Дантона, как шакалы на поверженного медведя, но уничтожить Эбера согласятся вряд ли. А чем еще можно купить Робеспьера, если не разгромом экстремистов? В одиночку Сен-Жюсту не справиться. Он это понимает, потому и запел о единстве правительства, о гармонии среди членов Комитета, о дружбе между вами. А сам только и ждет, чтобы нанести тебе удар в спину – потом, когда фракции экстремистов и умеренных будут уничтожены, и ты станешь ему не нужен.

– До этого еще слишком далеко, Эжен, – отмахнулся Барер. – Ко времени, когда Сен-Жюст, согласно твоим словам, перестанет нуждаться во мне, я успею подготовить оборону против возможной угрозы с его стороны.

– Ты настолько в этом уверен? – с сомнением спросил Верлен, отправляя в рот сложную композицию размером с четверть ладони из соленого бисквита, лосося, миндаля и лимонной мякоти. – Мне же кажется, что оборону лучше готовить сейчас. В виде нападения.

– Сперва покончим с фракциями.

– В таком случае, можешь считать себя политическим трупом. А жаль, мой план был безупречно хорош!

Верлен сделал вялое движение, словно собирался подняться с кресла, но прохаживавшийся по гостиной Барер предсказуемым жестом велел ему остаться.

– Не горячись. Обсудим все еще раз, – велел он, и Верлен понял, что партия выиграна.

– Мы разоблачим Сен-Жюста так, что на тебя не падет даже малейшая тень подозрения, – с тонкой улыбкой пообещал он. – Я все устрою, твоя помощь понадобится лишь на одном, самом первом этапе.

– Что за помощь? – насторожился политик, усаживаясь на диване стиля Людовика XV напротив собеседника.

– Ничего сложного, – небрежно бросил Верлен. – Если помнишь, для осуществления моего замысла нам нужен человек, готовый разоблачить Сен-Жюста: аристократ, которому уже нечего терять, кто ненавидит революционный режим и его служителей.

Барер коротко кивнул.

– Догадываешься, где мы можем отыскать такого?

Барер снова кивнул.

– Ты обладаешь доступом к соответствующей информации. Найди мне подходящего кандидата в одной из парижских тюрем, назови его имя и место заключения. Все остальное – моя работа.

– И в чем же будет заключаться твоя работа?

– Мой план естественен и прост, – самодовольно проговорил Верлен. – Я сообщу выбранному тобой заключенному, что к одному из членов Комитета общественного спасения попали драгоценности из шкатулки казненной королевы, а также подскажу, как он может использовать эти сведения, чтобы сохранить свою жизнь и отомстить за гибель монарха и монархии. Ведь достаточно донести об этом Комитету общей безопасности, чтобы попасть под личную защиту его председателя Вадье, который не допустит, чтобы столь ценный свидетель оказался в Революционном трибунале. А когда за дело возьмется Комитет безопасности... – красноречивый жест завершил изложение «естественного и простого» плана.

– Вадье не отличается легкомысленной доверчивостью, – покачал головой Барер. – Он захочет проверить информацию.

– Разумеется, – согласился Верлен. – Проверить это можно будет только одним способом – сделав обыск в квартире Сен-Жюста. И обыск покажет справедливость показаний.

– Комитет общей безопасности не станет по одному сомнительному наговору бывшего аристократа обыскивать квартиру члена Комитета общественного спасения. Ты хотя бы представляешь себе, что случится, если при обыске камни не будут найдены? Вадье не пойдет на такой риск.

– Возможно, – искуситель согласился и с этим, – но подозрение будет брошено, Комитет безопасности будет иметь основания подозревать Сен-Жюста в коррумпированности, а при удачном раскладе – в службе роялистам.

– И тем самым получит козырь против всего Комитета спасения, которым воспользуется в случае необходимости! – добавил Барер. – Стоит ли игра свеч? Да и где гарантия, что Сен-Жюст не избавится от камней раньше? Может быть, он давно уже бросил их в Сену!

Молодой человек криво усмехнулся.

– Ты можешь представить себе члена революционного правительства, бывшего в миссиях при республиканских армиях, видевшего разутых солдат и голодных офицеров, выбрасывающим в реку полмиллиона ливров? Я – нет.

Барер вынужден был признать справедливость его слов.

– Если камни до сих пор нигде не были обнаружены, значит, они все еще у Сен-Жюста, – продолжал Верлен. – Не сомневаюсь, что он, в свою очередь, ищет способ не только избавиться от них, но и легально передать это богатство в казну. Именно поэтому мы должны действовать быстро.

– Твой доносчик где-нибудь проговорится, – заметил осторожный Барер. – Одним допросом Комитет безопасности не ограничится, будет второй, третий, четвертый.

Верлен улыбнулся, не разжимая губ, и эта улыбка очень не понравилась Бареру.

– Второго допроса не будет, – заверил молодой человек. – Доносчик исчезнет раньше, чем Комитет захочет переговорить с ним еще раз.

Барер, прищурившись, пристально посмотрел на говорившего. Верлен не стал дожидаться вопроса и, не меняя интонации, словно речь шла о самом обыкновенном деле, проговорил:

– Он получит обед, в котором будет достаточно яда, чтобы он уже никогда не раскрыл рта.

Барер поморщился и передернул плечами.

– Тюремный врач признает эту смерть насильственной, – говорил искusstель ровным, безразличным тоном. – Все будет выглядеть, как вполне естественная смерть от остановки сердца. В конце концов, это можно даже назвать актом милосердия с нашей стороны. Яд вместо ножа гильотины – лучшая плата за услугу, которую он нам окажет.

Возразить было трудно. Барер молчал, остановив невидящий взгляд на ковре у себя под ногами. Верлен терпеливо ждал, потягивая вино. Прошло не менее пяти минут, прежде чем депутат нарушил молчание, которое, впрочем, не особо тяготило его собеседника, погруженного, судя по застывшей на его губах рассеянной улыбке, в куда более приятные раздумья.

– Красивый план, – звук голоса Барера заставил Верлена встрепенуться. – Но абсолютно нереализуемый. Даже если мы предположим, что тебе удастся уговорить этого несчастного донести на Сен-Жюста, Вадье не поверит словам человека, скончавшегося через час после сделанного им разоблачения. Не говоря уже о том, что безупречную репутацию Сен-Жюста не разбить одним наговором заключенного аристократа.

– Насколько бы невероятной ни казалась эта история, Вадье не выпустит из рук такое свидетельство, он надежно сохранит донос в ожидании, когда сможет дать ему ход. И когда, наконец, будут обнаружены те самые королевские драгоценности, о которых расскажет информатор, – ведь когда-нибудь они будут обнаружены! – Вадье, как ищейка, пустится по следу и с помощью нашей маленькой подсказки выйдет на Сен-Жюста.

– Послушай, Эжен, – Барер подался вперед и впился в друга тяжелым немигающим взглядом, – я давно хочу задать тебе один вопрос.

Верлен откинулся в кресле и ждал, чуть склонив голову набок.

– Почему ты так стремишься уничтожить Сен-Жюста? Что за счеты у тебя с ним?

– Боюсь, ты не совсем верно истолковываешь мои намерения, Бертран, если ставишь вопрос именно так, – ответил Верлен. – Я объясню тебе цель моих действий во избежание нежелательных недоразумений между нами.

Он замолчал и в задумчивости потер лоб, размышляя, как начать повествование.

– Я с радостью приветствовал революцию. Созыв Генеральных штатов, провозглашение Учредительного собрания, падение Бастилии – все эти события повергли меня в неистовый, упоительный, наивный мальчишеский восторг, – его речь потекла неторопливо, он с удовольствием кулшнара выпекал каждое слово. – Впрочем, четыре с половиной года назад я и был мальчишкой. Мальчишкой, которому очень быстро пришлось столкнуться с жестокой реальностью. Она сразу же отрезвила меня. Уже с первыми проявлениями народного насилия я начал понимать, что эта революция не так хороша, как о ней говорили те, кто, по неведомой мне причине, именовали себя патриотами. Конституция, принятая в 1791 году, вселила в меня надежду, что теперь волнения успокоятся, исчезнет животный страх перед разъяренной голодной толпой, готовой в любой момент взорваться. Но я ошибся. Многие тогда совершили ту же ошибку, поверив красивому, но совершенно бесполезному тексту.

Верлен поднялся и принялся расхаживать по ярко освещенной гостиной, заложив руки за спину. Остановившись у горящего камина, он вглядывался в робкие языки пламени, пытаясь собраться с мыслями. Пауза затягивалась, но собеседников не тяготила: каждому из них было что вспомнить об этих первых годах, полных надежд и восторгов, за которыми последовали события, о коих они не смели тогда и помыслить.

– Хаос, который начался потом, испугал меня настолько, что я готов был, подобно многим, эмигрировать, – снова заговорил он, не спуская глаз с пламени. – Но это показалось мне проявлением трусости. Здесь я полностью разделяю мнение твоих друзей из Комитетов, с такой ненавистью ополчившихся против эмигрантов. Покинуть страну вместо того, чтобы бросить все силы на ее спасение, равносильно предательству, и совершившие его прощения не заслуживают. Я остался. И стал свидетелем несчастий, обрушившихся на Францию. Война с половиной Европы, штурм Тюильри, пленение королевской семьи, выборы в Национальный конвент и провозглашение республики – эти события неслись с такой скоростью, что я с трудом поспевал за ними. Подобно многим горячим головам, я хотел что-то делать, но не знал, где могу быть полезен отечеству: на поле брани, на трибуне Конвента, в революционном клубе? Да и какой клуб выбрать? Якобинцы и кордельеры пугали меня своими чересчур смелыми речами, а либералы, типа фейянов, раздражали своей нерешительностью и слабостью. Я предпочел выжидать, теряя с каждым днем друзей, поспешно покидавших Францию.

Он взглянул на Барера, неподвижно сидевшего на диване. Казалось, он не слушал Верлена, целиком поглощенный собственными мыслями.

– И при чем здесь Сен-Жюст? – неожиданно спросил депутат, поднимая глаза на собеседника. – Все это время он мирно сидел в своем провинциальном городишке и, подобно тебе, решал, чем бы ему заняться. Ни в одном из перечисленных тобой событий он не принимал участия.

– Подожди, я не закончил. Прежде чем перейти к ответу на твой вопрос, я должен убедиться, что ты правильно поймешь меня.

Нетерпеливый жест Барера велел ему продолжать.

– Итак, – снова заговорил Верлен, усаживаясь в кресло и наполняя бокал темно-бордовым вином, – я внимательно наблюдал за развернувшейся в Конvente борьбой между группировками, присматривался к ораторам, прислушивался к их речам. Кажется, с октября 1792 года по январь 1793-го я не пропустил ни одного заседания, благо, что все они были публичными. Суд над королем окончательно разрешил мои сомнения. Ты, помнится, тогда председательствовал в Конvente.

Барер коротко кивнул. Именно это председательство стоило ему разрыва с женой.

– Ты был великолепен! – воскликнул Верлен. – Я тогда впервые отметил эту твою способность нравиться всем и давать понять каждому, что ты полностью согласен именно с его точкой зрения. Тогда же я впервые увидел Сен-Жюста. Его речь против короля ужаснула меня. Впрочем, не меня одного.

– Это верно, – согласился Барер. – Признаться, его требование отрубить Людовику голову только за то, что он некогда был королем, произвело впечатление. После такой аргументации спасти короля было бы крайне сложно. А когда Робеспьер выступил в таком же духе, это стало невозможно.

– Собственно на короля мне было глубоко плевать, – отозвался Верлен. – А вот представить, что люди, подобные Сен-Жюсту, получают в свои руки почти неограниченную власть... – он замолчал, подыскивая окончание фразы. – Какой смысл совершать революцию и избавляться от слабого тирана, чтобы затем оказаться под властью тиранов в тысячу раз более опасных?

– Это ты о правительственных Комитетах? – недовольно хмыкнул Барер. – Ох и договоришься ты однажды!

Это была не столько угроза, сколько дружеское предупреждение. Верлен рассмеялся:

– Не сомневайся, я знаю, с кем и как разговаривать. И отвечая на твой вопрос, да, это я о правительственных Комитетах, которые вот уже семь месяцев правят республикой, превратив Конвент в машину по одобрению их решений.

Барер хотел было возразить, но молодой человек опередил его:

– А потом полетели головы, десятки, сотни голов. Это было страшнее народных выступлений, поскольку приобрело форму закона. Когда вы принялись за собственных коллег-депутатов, когда стали карать всего лишь за намерение, за происхождение, за безрассудные слова... – размашистый жест рукой призван был закончить его мысль. – Разве такую республику хотели мы построить?!

– Когда против республики ополчаются все монархи Европы, когда страна разодрана гражданской войной, когда Париж наводнен шпионами английского правительства и бежавших за границу принцев, что прикажешь делать?! – воскликнул Барер. – Дай нам время навести порядок и выгнать врага с французской территории. Тогда не будет необходимости рубить головы.

– И сколько же времени вам нужно? Год? Два? В ваших же интересах не торопиться: Комитет общественного спасения – временный орган, который пользуется неограниченной властью лишь до тех пор, пока во Францию не придет мир. Ведь именно так твой друг Сен-Жюст сформулировал суть революционного правительства с трибуны Конвента четыре месяца назад. Как только война закончится, Комитетам придется сдать свои полномочия и ввести в действие конституцию, которую вы с такой легкостью отбросили, объявив о необходимости суровыми мерами спасти республику от гибели. Ты можешь бесконечно обманывать себя, говоря, что всем сердцем желаешь воцарения во Франции спокойствия и справедливости, но меня обмануть тебе не удастся: никто из одиннадцати членов Комитета общественного спасения и тринадцати членов Комитета общей безопасности не желает воцарения в республике мира и конституционного правления.

– Легко тебе, развалившись в кресле, рассуждать о жестокости Комитетов и честолюбии их членов, – мрачно отозвался Барер. – Спешу напомнить, что до учреждения революционного правительства Конвент начал терять контроль над толпой. Ты предпочитаешь погромы в тюрьмах, как в сентябре 1792-го, которые даже Дантон со всем своим хваленым авторитетом не мог остановить?

– Я предпочитаю не видеть гильотину ежедневно на площади Революции, – раздраженно бросил Верлен. – Впрочем, подобная ситуация долго не продлится. У Франции оказалось слишком много правителей, обладающих, к тому же, чрезмерными личными амбициями. В конце концов, у власти останется один человек. Будет это самый умный, самый дерзкий или самый подлый – покажет время. Но лично я предпочел бы видеть во главе правительства тебя, нежели Сен-Жюста. Вот почему я поступаю так, как поступаю.

Верлен замолчал. Он сказал все, что счел нужным.

– Интересную ты предложил альтернативу – я или Сен-Жюст, – усмехнулся Барер. – А как же другие члены Комитета – Робеспьер, Карно, Колло, Бийо?

– А-а, эти! – пренебрежительно бросил Верлен. – Карно – не правитель, ты сам это прекрасно знаешь. Организовать военную кампанию он может блестяще, а вот увлечь за собой депутатов – едва ли. Хотя власть он любит и вряд ли от нее откажется. Колло и Бийо совершенно лишены политического чутья, а Робеспьер слишком занят отвлеченными теориями. Остаетесь только вы двое. Думаю, рано или поздно Сен-Жюст поймет – если еще не понял, – что ты его единственный реальный противник на пути к власти.

– Не слишком ли ты торопишься, рисуя картины будущего? – с сомнением покачал головой Барер.

– Предупрежден – значит вооружен. Когда Сен-Жюст начнет в открытую играть против тебя, будет слишком поздно готовить оборону. Сила всегда на стороне атакующего. Тебе ли этого не знать!

Барер молчал, погрузившись в раздумья.

– Ты, действительно, надеешься убедить меня в том, что твоими действиями движет любовь к отечеству? – насмешливо спросил он спустя несколько долгих минут.

- Польщен твоим лестным мнением обо мне, – в тон ему ответил Верлен.
- Впрочем, какие бы мотивы тобой ни двигали... – закончить мысль Барер не счел нужным. – Забудем об этом и вернемся к твоему плану, – его голос зазвучал твердой уверенностью. Верлен довольно улыбнулся.
- Если ты отыщешь для меня кандидата на гильотину с подходящей биографией, то можешь считать, что донос уже на столе у Вадье, – пообещал он.
- Будь осторожен, – предупредил Барер. – У Вадье чутье на фальшивку.
- Все будет выглядеть правдоподобно, – заверил его Верлен, поднимаясь. – И не затягивай с этим, в нашем распоряжении считанные дни. А вино у тебя отменное! – бросил он уже с порога.

3 вантоза II года республики (21 февраля 1794 г.)

Шел девятый час. Сен-Жюст заканчивал завтрак, когда стук в дверь – два раза, потом еще два – возвестил о приходе агента. По торжествующей улыбке, озарявшей лицо вошедшего, депутат понял, что с одним из камней ему придется расстаться.

– Ты нашел ее?! – недоверие и восхищение смешались в возгласе, брошенном в спину проследовавшего в гостиную шпиона.

– Разумеется, – скромно отозвался он, не оборачиваясь. – Дело оказалось проще, чем...

– Имя и адрес, – потребовал Сен-Жюст, бесцеремонно оборвав его.

– Элеонора Плесси, собственный особняк на набережной Анжу, – отрапортовал сыщик. – Так что можешь арестовать ее хоть сейчас. Кстати, утро – наиболее благоприятное для этого время. Утром в ее доме нет никого, кроме служанки, а вот ночью частенько собирается веселое общество. Зачем тебе лишние свидетели?

– Она проститутка? – спросил, поморщившись, Сен-Жюст.

– О нет, – улыбнулся осведомитель, – она просто красивая женщина, пользующаяся успехом у мужчин и использующая его, чтобы свести концы с концами.

– Она нуждается?

– Нуждается?! – хохотнул шпион. – В собственном-то особняке?! Напротив, дама весьма состоятельна. Ее многочисленные поклонники принадлежат не к бедному десятку. Плесси живет на широкую ногу: помимо особняка на острове Сен-Луи, имеется экипаж, не говоря уже о нарядах и дорогих побрякушках.

– Она из дворян?

– Не думаю. Манеры не те. Впрочем, все может быть: изысканность в наши времена вышла из моды.

Сен-Жюст в задумчивости вертел в руках четвертинку листа с неровно оборванными краями. Агент терпеливо ждал, не спуская с шефа внимательного взгляда.

– Хотел бы я знать, кому перебегу дорогу, арестовав ее, – еле слышно прошептал последний. – У нее бывает кто-то из членов правительственных Комитетов? – повысил он голос и поднял глаза на агента.

– Не лучше ли спросить об этом ее саму? Впрочем, весьма вероятно, что и спрашивать не придется: она сама перечислит всех своих высоких покровителей, когда станет требовать освобождения.

– Тогда будет уже поздно, – пробормотал Сен-Жюст, отвечая собственным мыслям, и скомкал листок в руке.

Гость не тронулся с места.

– Чего ты ждешь? – раздраженно спросил депутат.

Брови шпиона в изумлении приподнялись.

– Я доставил тебе дамочку, гражданин, – напомнил он. – Работа сделана.

– Ты получишь свой камень после того, как я буду уверен, что это та самая женщина, – отрезал депутат. – Приходи сегодня ночью.

Оставшись один, Сен-Жюст некоторое время разглядывал имя и адрес на мятом клочке, словно тот мог разрешить его сомнения. Завтрак так и остался неоконченным, когда, четверть часа спустя, молодой человек вышел из отеля и направился в сторону Тюильри.

Через час революционный комитет Братства получил приказ Комитета общественного спасения немедленно арестовать и доставить в тюрьму Консьержери гражданку Плесси, проживающую в собственном особняке на набережной Анжу. Об исполнении приказа следовало без промедления уведомить лично гражданина Сен-Жюста. Не прошло и полутора часов, как глава секции Братства лично явился в Комитет общественного спасения с отчетом о точном выполнении распоряжения председателя Конвента. Но Сен-Жюста он там уже не застал.

Заседание Конвента шло полным ходом, когда секретарь передал Сен-Жюсту записку от ревностного чиновника. О том, чтобы покинуть председательское кресло до окончания заседания, не могло быть и речи. Пять часов парламентских дискуссий, двадцать минут быстрым шагом вдоль низкого берега Сены, с которой дул пронизывающий влажный ветер, – Сен-Жюст вошел в Консьержери в начале шестого, когда Париж медленно погружался в темноту.

Еще четверть часа ушло на то, чтобы растопить камин в помещении, используемом для допросов заключенных, и разыскать среди семисот аристократов, простолюдинов и священников, содержащихся в главной тюрьме республики, гражданку Плесси, доставленную нынче в полдень.

Надо отдать должное тюремным чиновникам, они расстарались на славу: довольно просторная комната, у дальней стены которой сиротливо разместился грубо сколоченный деревянный стол с двумя стульями по обеим сторонам – для представителя власти и заключенного; три канделябра с четырьмя свечами каждый – один на камине, один на столе и один на табурете, специально для этого доставленном в комнату; на столе чернильница, перо и несколько чистых листов бумаги. Камин пылал жаром: на дрова не поскупились.

– Гражданка Плесси доставлена, гражданин, – отрапортовал жандарм, возникнув в дверях. – Прикажете ввести?

Он потеснился, пропуская вперед высокую стройную женщину в голубом шелковом платье с белым шарфом на талии, завязанным на спине пышным бантом. Длинные светло-каштановые волосы ее были перехвачены сзади чуть ниже плеч синей лентой. На первый взгляд ей можно было дать не больше двадцати пяти лет, впрочем, неровный свет канделябров разглаживал и смягчал черты. Она была красива той спокойной, благородной красотой, что неизбежно сопровождается гордостью, даже надменностью от сознания своего физического превосходства. Цепкий взгляд прищуренных, невозможно зеленых, словно два изумруда, глаз окинул комнату и задержался на стоявшем у камина молодом брютете в черном сюртуке, высоком белоснежном галстуке сложной конструкции, темно-зеленых панталонах и мягких коричневых сапогах с отворотами. Она улыбнулась ему приветливо, даже ласково, словно одарила улыбкой. Он ожидал вспышки негодования, ярости, страха, на худой конец, но никак не этой мягкой, обволакивающей улыбки.

– Вы и есть тот самый человек, чья подпись заставила самого председателя революционного комитета секции явиться арестовать меня? – спросила она, с бесцеремонным любопытством разглядывая его. И продолжала улыбаться. Эта улыбка, из нежной становящаяся вызывающей, разозлила Сен-Жюста больше, чем гнев, к встрече с которым он приготовился.

– Здесь я задаю вопросы, гражданка, – резко ответил он.

– Ну что ж, – весело согласилась она, – послушаем ваши вопросы, – и уселась на один из стульев, спиной к депутату.

– Жди за дверью, – приказал Сен-Жюст жандарму.

Разговор обещал быть тяжелым. Сен-Жюст обошел стол и встал напротив молодой женщины, облокотившись на спинку стула. День, проведенный в тюремной камере, явно не пошел ей на пользу: утомление сквозило в каждой черточке ее лица. Короткий зев, который она и не пыталась подавить, подтвердил предположение Сен-Жюста.

– Плохо спали ночью? – спросил он.

Она посмотрела удивленно-настороженно, ища подвоха в этом, казалось бы, невинном вопросе. Уж не в заговоре ли он собирается обвинить ее? Ведь заговоры плетутся по ночам, не так ли?

– У меня были гости, – отозвалась Элеонора Плесси. Улыбка мигом сползла с ее лица. – А ваши подчиненные... Они же ваши подчиненные, верно? Так вот, ваши подчиненные явились ко мне ни свет ни заря. И одиннадцати еще не было! Я даже не успела привести себя в порядок!

В самом деле? Выглядела она так, словно не меньше часа провела перед зеркалом.

– О чем крайне сожалею, – игриво добавила она, одарив собеседника кокетливым взглядом.

Сен-Жюст отвернулся. Ее поведение, легкость, с которой она разговаривала с ним, само ее присутствие мешало ему сосредоточиться. Нельзя допустить, чтобы она чувствовала себя хозяйкой положения, нельзя позволить ей полностью овладеть ситуацией.

– Похоже, арест не стал для вас неожиданностью, – произнес он, садясь напротив нее.

– Неожиданностью? – переспросила она, хохотнув. – Неожиданности такого рода случаются в наше время с опасной регулярностью. Впрочем, надолго я здесь не задержусь, так что советую...

Она не успела договорить, как дверь распахнулась, и в комнату вкатился круглый человек, на ходу застегивая бежевый жилет под накинутым наспех сюртуком.

– Гражданин Сен-Жюст, какая честь! Мне только что сообщили! – воскликнул он, всплеснув руками. – Зачем же заранее не предупредили? Я бы отвел лучшую комнату. Зачем же здесь, в этом... – он то ли с ужасом, то ли с презрением обвел рукой обшарпанные стены, скудную мебель, замахал руками при виде табурета с канделябром.

Сен-Жюст нахмурился и поднялся навстречу вошедшему, бывшему никем иным, как начальником грозной тюрьмы.

– Не стоит беспокоиться, гражданин Бо, – сухо проговорил он. – Я ненадолго. Надо лишь выяснить... кое-какие детали...

Он не скрывал досады, вызванной внезапным появлением консьержа.

– Как угодно, как угодно, – засуетился толстяк. – Я лишь хотел узнать, не нужно ли вам чего-нибудь...

– Нет, спасибо, – голос Сен-Жюста дрогнул раздражением. – Я бы хотел, чтобы нас больше не беспокоили. У меня мало времени.

– Разумеется, разумеется, – Бо попятился к дверям. – Как прикажете. Но если что-то понадобится, прошу вас... в любое время...

– Непременно, – Сен-Жюст обернулся к Элеоноре, смотревшей на него с какой-то радостной недоверчивостью. Он услышал, как захлопнулась дверь, за которой тут же раздался громкий голос консьержа, отдававшего распоряжения.

– Сен-Жюст, – протянула Элеонора, широко улыбнувшись. – Кто бы мог подумать! Если бы вы знали, сколько раз я просила своих друзей из Конвента познакомить нас! И неизменно получала отказ. И вот теперь такая встреча! Право, я готова простить вам мой арест!

– Похоже, вы спутали Консьержери со светским салоном, гражданка, – грубо проговорил Сен-Жюст, разозленный вмешательством Бо и неуместной радостью Элеоноры. – Серьезное заблуждение, могущее вам дорого стоить. И поскольку вы не спрашиваете, почему вы здесь, мне остается думать, что вам это известно. Тем лучше.

– Ошибаетесь, гражданин Сен-Жюст, – серьезность утончила правильные черты ее лица, сделав их более резкими, – я понятия не имею, почему я здесь, и очень надеюсь, что вы удовлетворите мое любопытство. Впрочем, могу вас уверить, надолго я не задержусь, так что, как вы верно заметили гражданину консьержу, у вас мало времени. Возможно, даже меньше, чем вы думаете.

– Вы пробудете здесь ровно столько, сколько мне нужно.

Она снисходительно улыбнулась.

– Очень скоро, гражданин член Комитета общественного спасения, голос, более влиятельный, чем ваш, заговорит, и вам придется подчиниться.

«А вот это уже интересно», – с удовольствием отметил Сен-Жюст. Агент оказался прав: она сама раскроет свои высокие связи, когда будет требовать освобождения. Что ж, в добрый час.

– И чей же это голос? – поинтересовался он.

– О-о! – интригуяще протянула она. – Оставим сюрприз на десерт.

Черт бы ее побрал! Он поднялся и прошелся по комнате. Шаги эхом отталкивались от пустых стен. Пора кончать с этой комедией.

– Имя, возраст, род занятий? – спросил Сен-Жюст, делая короткую паузу между каждым словом.

– А вот и допрос! – радостно воскликнула Элеонора. – Где же секретарь? Кто будет записывать мои ответы?

– Ваше имя, гражданка? – спокойно повторил он.

Зеленые глаза по-кошачьи сузились.

– К чему нам лишние уши, не так ли? – продолжала она тем же задиристым тоном. – К чему напрасно марать бумагу? Поговорим без протокола, верно, гражданин Сен-Жюст?

Он терпеливо ждал, пока она выговорится, и повторил вопрос.

– Элеонора Франсуаза Плесси. Тридцать два года. Не верите? – усмехнулась она, поймав его удивленный взгляд. – Зачем мне обманывать вас в такой мелочи? Припасем изысканную ложь для более серьезных случаев.

– Род занятий?

– Видите ли, гражданин, – проговорила она медленно, словно разъясняла урок школьнику, – мой покойный муж, геройски павший на поле брани за свободу Французской республики, оставил небольшое состояние, которое позволяет мне безбедно существовать, не тратя свою жизнь на то, чтобы зарабатывать на нее.

– Небольшое состояние, говорите? Это на ваше *небольшое* состояние вы разъезжаете в собственном экипаже и содержите особняк с прислугой?

– Ах это! – скучающим тоном светской львицы бросила Элеонора. – Особняк мой покойный супруг купил у... Впрочем, это не имеет значения. А экипаж и все остальное – подарки моих поклонников. Хотя, полагаю, источник моих доходов не относится к делу, приведшему меня сюда. Кстати, вы так и не раскрыли мне причину моего ареста.

– Здесь я задаю вопросы, – напомнил Сен-Жюст.

– Верно, – кивнула она. – Таковы правила игры. Не будем же нарушать их.

– Вы полагаете, что это игра, гражданка? – он не скрывал раздраженного нетерпения, все более овладевавшего им. – Боюсь, мне придется разочаровать вас. Проступки, в которых вас обвиняют, относятся к разряду государственных преступлений. А государственные преступления подлежат ведению Революционного трибунала, который сделает свою работу куда быстрее, чем человек, на помощь которого вы рассчитываете, узнает, где вы находитесь.

– Вы всерьез собираетесь отправить меня в Трибунал? – недоверчиво покосилась она на него.

– Зависит от вас.

Элеонора вопросительно вскинула брови.

– Мне стало известно, – проговорил Сен-Жюсть, – что один из ваших влиятельных друзей – а лучше сказать, любовников, не так ли? – состоит в заговоре с роялистами. Для доказательства его преступления мне нужна информация, которой вы можете обладать. Дайте мне эту информацию – и через полчаса вы получите свободу.

– Я не ослышалась, гражданин? Вы предлагаете мне донести на человека, которого я знаю и который, скорее всего, сделал для меня очень много, в обмен на свободу?

Сен-Жюсть кивнул.

– Это несколько противоречит правилам, вам не кажется? – продолжала Элеонора, глядя прямо ему в глаза. – Тем самым правилам, которые вы же установили: соучастниками заговора объявляются все, кто связан с заговорщиком родственными или любыми другими связями или принимал его в своем доме. Так что получается, гражданин Сен-Жюсть, вам придется не отпустить меня на свободу, а прямиком отправить на гильотину.

А она умна, подумал Сен-Жюсть. Тем лучше.

– Нет правил без исключений, гражданка Плесси.

– И почему же вы сделаете для меня исключение? – Элеонора подалась вперед, перегнувшись через стол.

– Потому что вы поможете мне, рассказав правду, – ответил он, спокойно выдержав ее взгляд.

– И кто же тот человек, которого вы подозреваете в связях с роялистами? – спросила она жестким тоном прокурора на допросе, который до сих пор использовал Сен-Жюсть.

От игривого кокетства не осталось и следа. Перед Сен-Жюстом сидел серьезный противник, которого ему предстояло превратить в партнера. Задача не из легких, тем более под внимательно изучающим его взглядом. Чтобы избавиться от него, он поднялся и взглянул на молодую женщину сверху вниз. Она откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди, приготовившись слушать.

– Кто из членов Комитетов общественного спасения и общей безопасности бывал в вашем доме? – спросил он, стараясь не глядеть на полуобнаженную в глубоком декольте грудь Элеоноры.

Она задумалась на мгновение и, тяжело вздохнув, назвала первое имя:

– Карно. Но он бывал редко.

– Он приходил один?

– Иногда вместе с ним был его секретарь, как же его имя... – она наморщила лоб.

– Неважно, – нетерпеливо перебил Сен-Жюсть. – Кто еще?

– Эро де Сешель приходил очень часто, но вот уже несколько недель, как я не видела его у себя. После исключения из Комитета общественного спасения его как подменили. Бедный Эро, такой красивый, остроумный! Он всегда был душой общества! Нам его так не хватает... Пойдите! – она резко поднялась, оказавшись прямо напротив Сен-Жюста, и с испугом взглянула на него. – Так это Эро, тот самый заговорщик?!

– Эро? – опешил Сен-Жюсть.

Он совершенно забыл о коллеге, изгнанном из Комитета месяц назад после тяжких обвинений, брошенных против него с трибуны Конвента. Брошенных им, Сен-Жюстом.

– Нет, не Эро. Кто еще бывал у вас?

– Та-ак, – протянула Элеонора, медленно прохаживаясь по комнате. – Давид, конечно! Я все время забываю, что он входит в Комитет общей безопасности. Никогда не понимала, что величайший художник республики делает среди посредственных политиков... – она замолчала, поняв, что сказала лишнее. – Впрочем, – усмехнулась она, – кажется, он и сам этого не понимает. Кстати, – с гордостью добавила Элеонора, – он жаждет написать мой портрет!

– Превосходно, – нетерпеливо бросил Сен-Жюсть. – Кто еще?

Она дважды прошлась туда-сюда вдоль стены с облезлой штукатуркой, обняв себя за плечи и опустив голову. Сен-Жюст не спускал с нее выжидательного взгляда. На одно короткое мгновение ему показалось, что новое имя готово сорваться с ее уст.

– Больше никого, – извиняющимся тоном проговорила, наконец, Элеонора, останавливаясь. – Видите ли, с такими людьми, как Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенн, я не общаюсь. Они посещают публичных женщин.

Не велика разница, чуть было не сказал Сен-Жюст, но вовремя сдержался.

– Вы уверены? – с нажимом спросил он. – Никого не забыли?

– Вы просили имена членов правительственных Комитетов. У меня бывают лишь трое из них. Вы разочарованы? – усмехнулась Элеонора.

Разочарован? О да, он был разочарован, втайне надеясь услышать имя Барера. Впрочем, она могла лгать. Безусловно лгала. И чем дольше он размышлял о словах Элеоноры, тем больше убеждался в ее неискренности.

– Ну что ж, – проговорил Сен-Жюст, стараясь скрыть раздражение за напускной холодностью, – в таком случае, позвольте поинтересоваться, на чью помощь вы с такой уверенностью рассчитываете? Не на помощь же Эро де Сешеля, в самом деле?!

– Ах да, – выдохнула она, будто только что вспомнив, что вообще рассчитывает на чью-либо помощь. – Это не имеет отношения к делу.

– Позвольте *мне* об этом судить, – отчеканил Сен-Жюст.

Элеонора легко передернула плечами: мол, как угодно, – и произнесла с подчеркнутой небрежностью:

– Если гражданин Робеспьер потребует моего освобождения, вам ведь ничего другого не останется...

– Кто?! – пораженный, Сен-Жюст непроизвольно сделал шаг по направлению к ней. Он ожидал услышать любое имя, но только не это.

Она не отступила, продолжая с вызовом смотреть на него, наслаждаясь эффектом, произведенным ее словами.

– Вы знакомы с Максимилианом? – Сен-Жюст старался придать своему голосу как можно больше спокойствия. Хотя какое тут к дьяволу спокойствие!

– С Максимилианом? – она сделала вид, что задумалась. – Нет, не знакома. Пока не знакома, – она сделала ударение на слове «пока».

– Тогда какого черта?.. – процедил он сквозь зубы, запрещая себе повышать голос.

– Видите ли, – перебила она его спокойно, даже ласково, – я имела в виду не Максимилиана Робеспьера, а его брата, – и добавила, виновато опустив глаза, в ответ на вырвавшееся у него проклятье: – Простите, не могла отказать себе в удовольствии.

В удовольствии?! Да она смеется над ним! Сен-Жюст с силой сжал кулаки.

– Садитесь, – грубо приказал он. Элеонора не двинулась с места. – Садитесь!

– Как вам будет угодно, – со скупающей снисходительностью проговорила она, усаживаясь на стул.

– Итак, Огюстен Робеспьер бывал у вас? – спросил он, присев на край стола и смотря на нее сверху вниз.

– Бывал – не то слово, гражданин, – уголки ее губ дрогнули в лукавой улыбке. – Нас связывают куда более близкие отношения.

– А именно?

Элеонора положила локти на стол и опустила на них подбородок, не спуская улыбающегося взгляда с собеседника.

– Огюстен Робеспьер, депутат Национального конвента и младший брат Максимилиана Робеспьера, влюблен в меня, – с наслаждением растягивая каждое слово, проговорила она.

Теперь пришла очередь Сен-Жюста снисходительно улыбнуться.

– Как и в десяток других женщин, – безжалостно заметил он.

– Думаю, все-таки больше, чем в десяток других женщин, – не меняя интонации, парировала молодая женщина. – В противном случае, он не сделал бы мне предложения.

И эта партия оказалась ею выиграна.

– Вот оно что, – пробормотал Сен-Жюст, усаживаясь на стул напротив нее.

Он вынужден был признать, что ее уверенность в скором освобождении была обоснована: невеста брата Робеспьера долго в тюрьме не задержится. Интересно, известно ли Робеспьеру-младшему о ее любви к тому, другому, чей труп валяется теперь в помойной яме за парижской заставой? Нет, рано было сдаваться. У него еще имелось средство лишить ее дерзкой уверенности. Впрочем, и здесь она опередила его.

– Правда, – доверительно сказала Элеонора, понизив голос и чуть подавшись вперед, – я отказала ему.

Она снова улыбнулась и откинулась на спинку стула.

– Предпочитаете отношения без обязательств? – Сен-Жюст почему-то почувствовал облегчение. Не потому ли, что теперь вмешательство Робеспьера было уже не столь вероятным?

– Без семейных сцен, – поправила Элеонора. – В отношениях, где царит свобода, больше страсти, больше жизни. Не находите?

– Нет, не нахожу.

– А вот Огюстен Робеспьер внял моим доводам. Впрочем, выбора у него не было. Так что мой отказ выйти за него замуж не означает, что он не будет обеспокоен моим арестом. Сколько времени ему понадобится, чтобы найти меня? Несколько часов?

– Я бы сказал: несколько дней, – не без удовольствия скорректировал Сен-Жюст. – При условии, что он обратится за помощью к кому-то, кто наделен реальной властью.

– К своему брату, например? – голос Элеоноры впервые зазвенел беспокойством.

– На это я, на вашем месте, не рассчитывал бы. Вы выйдете отсюда значительно быстрее, если поможете мне.

– С удовольствием, гражданин Сен-Жюст, – отозвалась она. – Только вот не знаю, чем именно. Похоже, ваш заговорщик не числится среди моих знакомых. Чего же еще вы от меня хотите?

– Что вы можете сообщить о Пьере Шоване?

Элеонора не смутилась, не отвела глаз, лишь слегка приподняла тонкую, правильно очерченную бровь. Надо признать, удивление ей удалось на славу.

– Боюсь, что ничего, – пожалала она плечами. – Это имя я слышу впервые.

Оснований не верить ей у него не было. Скорее всего, Элеонора знала своего любовника под другим именем. Он обязательно узнает, под каким, но не сегодня. Она слишком уверена в своей неприкасаемости, ожидая помощи от Робеспьера. Через пару дней, поняв, что помощь не придет, она станет сговорчивее. Придется проявить терпение. На сегодня все.

Сен-Жюст поднялся и взял со стола портфель.

– В таком случае, нам больше не о чем разговаривать.

– Сожалею, что не смогла помочь вам, – вежливо-безразличным тоном проговорила Элеонора и тоже встала. – Надеюсь в следующий раз встретить вас в обстановке, более подобающей приятной беседе.

«Еще немного, и она протянет мне руку для поцелуя», – мысленно усмехнулся Сен-Жюст.

– Уведите гражданку Плесси в одиночную камеру. Никакой переписки, – приказал он стоявшему за дверью жандарму.

– Постойте! – Элеонора схватила его за руку, заставив обернуться. – Вы же обещали отпустить меня!

– И выполню обещание, когда получу то, что мне нужно, – холодно ответил Сен-Жюст. – Спокойной ночи, гражданка.

Ночью четыре резких стука в дверь возвестили Сен-Жюста о приходе агента.

– Камни на столе, – бросил Сен-Жюст вместо приветствия. – Бери любой и уходи.

– Любезный прием, ничего не скажешь! – весело проговорил ночной посетитель. – И это вместо благодарности за то, что дамочка доставлена в срок в лучшем виде.

– Твоя благодарность – на столе, – сухо заметил Сен-Жюст.

– Ну что ж, посмотрим, – все тем же беззаботно-веселым тоном отозвался гость, подходя к столу, на котором искрились в свете канделябра драгоценные камни, контрастируя с темно-красным сукном, покрывавшим столешницу. Он поднес к свету граненый рубин величиной с грецкий орех и одобрительно закивал: – Этот камень сможет экипировать целый полк. Позволим же ему исполнить столь благородную миссию на благо Французской республики, – он обернулся к Сен-Жюсту, ища одобрения своему революционному рвению, но встретил лишь строгий взгляд из-под нахмуренных бровей. – Поищем что-нибудь более простое, – как ни в чем ни бывало, шпион вновь обратился к сокровищу. – Вот этот камешек, например, – чистейший бриллиант размером с ноготь большого пальца заиграл на его ладони всеми цветами радуги. – Австрийская работа. Никак из шкатулки самой императрицы Марии Терезии, – он замер, любуясь огранкой.

Сен-Жюст нетерпеливо кашлянул в кулак.

– Хорошая работа – хорошая оплата, – проговорил агент, заворачивая бриллиант в носовой платок и аккуратно укладывая в карман. – Доброй ночи, гражданин!

Как только за ним захлопнулась дверь, Сен-Жюст подошел к столу и долго глядел на одиннадцать драгоценных камней, рассыпанных по сукну, размышляя, как избавиться от них с пользой для республики. Размышление о драгоценностях привело его к мыслям о Элеоноре Плесси. Смелая женщина, признал он, и уверенная в своей неотразимости, на что, впрочем, имеет полное право. Он так и не понял, насколько откровенна с ним она была. Скорее всего, правды в ее словах было больше, чем вымысла, но была ли это вся правда? Два дня, сказал он себе, два дня – и она расскажет все без утайки. Особенно когда узнает о судьбе своего возлюбленного.

Он сгреб камни обратно в синий мешочек с лилиями и убрал в ящик секретера, после чего вернулся к письменному столу, к стопке чистой бумаги, покоившейся там уже несколько часов в девственной неприкосновенности. К чему марать бумагу, когда нельзя положить на нее ни одну мысль? Время шло, а речь, в которой Сен-Жюст собирался разгромить популярность Эбера, так и не сдвинулась с мертвой точки. В самом деле, что можно противопоставить популистским призывам к свержению продажных министров и вздергиванию аристократов на фонарях, как в сумасшедшем 89-м? Что конкретно правительство может пообещать городским низам, тем самым санкюлотам, певцом которых выступает любитель красивой жизни Эбер, чтобы заставить их покинуть ряды сторонников популярного агитатора? Найти решение следовало как можно быстрее, в распоряжении Сен-Жюста было не больше недели.

Однако этой ночью он так ничего и не написал.

4 вантоза II года республики (22 февраля 1794 г.)

Мысль о ненаписанной речи не оставляла Сен-Жюста и наутро, пока он собирался в Комитет, пока шел по заледеневшим за ночь мостовым Парижа до дворца Тюильри, пока поднимался по мраморной лестнице в Зеленую комнату. Поиск оружия против экстремистов представлялся ему наиглавнейшей задачей, от решения которой зависела не только судьба республики, но и его собственная судьба. И чем дольше будут длиться поиски, которые на данный

момент не сдвинулись с мертвой точки, тем громче зазвучат призывы экстремистов во главе с Эбером.

В Малую галерею, где в бывших апартаментах короля и королевы разместился Комитет общественного спасения, он вошел в прескверном расположении духа. В этот утренний час жизнь Зеленой комнаты бурлила: последние обсуждения повестки дня предстоящего заседания Конвента, прием делегаций из департаментов Франции и чиновников республики, обсуждение свежих новостей, мельтешение секретарей с папками и посыльных с депешами, споры, шепот, стук сапог и туфель о дорогой паркет, шелест бумаг и приветственные выкрики, мелькание знакомых и незнакомых лиц. Двери Зеленой комнаты были широко распахнуты, толпа в приемной и толпа в зале заседаний слились в единое море темных сюртуков и рединготов.

Стараясь побыстрее отделаться от приветствий депутатов и служащих и избегая появляться в Зеленой комнате, Сен-Жюст из приемной проскользнул в боковую дверь и оказался в секретарской, относительно спокойной в это время дня. Бегающие по поручениям членов Комитетов секретари редко появлялись здесь утром. Их бюро оживало после полудня, когда затихала жизнь в Зеленой комнате и члены Комитета уходили кто в Конвент, кто в различные бюро и комиссии, кто по своим личным делам.

Сен-Жюст с неудовольствием заметил, что оазис тишины и покоя был уже захвачен двумя опередившими его коллегами. Военный стратег Комитета сорокалетний Лазарь Карно, опираясь на стул одним коленом, склонился над картой. За соседним столом разместился Жан Мари Колло д'Эрбуа, бывший актер и автор пьесок сомнительной популярности, который к сорока четырем годам превратился в одного из любимцев парижской улицы, что и доставило ему место в Комитете пять месяцев назад. Перед ним лежало несколько стопок писем, чтением и сортировкой которых он занимался. По энтузиазму, с которым он встретил появление Сен-Жюста, тот понял, что Колло рассчитывает на его помощь.

– Нет, ради всего святого, – устало проговорил молодой человек, – не сейчас. Скоро начнется заседание Конвента. Мне нужно просмотреть кое-какие бумаги.

Колло вздохнул и, запустив ладонь в копну вечно взлохмаченных волос, вернулся к своему занятию. Сен-Жюст тем временем придвинул кресло к окну и устроился в нем со стопкой пустых листков на коленях.

По прошествии получаса он в раздражении скомкал разрисованный ромбиками лист, метко швырнул его в корзину для бумаг и рассеянно уставился в окно, подперев щеку кулаком. Мокрый снег, редкими хлопьями опускаясь на землю и голые липы парка, высаженные еще при Людовике XV, немедленно таял. Сена окрасилась в один цвет с серо-тусклым небом, не видевшем солнца уже третью неделю. Вслед за Сеной посерели дома, выстроившиеся ровным рядом вдоль берега.

– Смотрите, какой умник! – резкий голос Колло, ежедневно раздававшийся под сводами Якобинского и Кордельерского клубов, перекрывая крики сотни человек, вывел Сен-Жюста из задумчивости. Карно поднял голову от карты. – Предлагает конфисковать имущество арестованных подозрительных и раздать его обездоленным! До чего только не додумаются в провинции! Я, конечно, сторонник радикальных мер, но это уж слишком!

– Дай сюда! – Сен-Жюст одним прыжком оказался рядом с Колло и вырвал письмо у него из рук. – Вот оно! – вскричал он, пожирая глазами строки с неимоверным количеством ошибок, под которыми стояла подпись некоего гражданина Буке, члена революционного комитета Руана. – Как все просто! Невероятно просто!

Карно с хмурой подозрительностью наблюдал за восторгами коллеги. Колло вопросительно посмотрел сперва на Карно, но поняв, что тот разделяет его недоумение, обернулся к Сен-Жюсту:

– Ты это серьезно?

– Что серьезно? – не понял тот. Его глаза были прикованы к письму, которое он перечитывал уже в третий раз.

– Ты всерьез считаешь, что это приемлемо? – спросил, в свою очередь, Карно. Интонации его голоса выдавали осуждение и настороженность.

– В настоящий момент приемлемо все, что угодно, лишь бы это помогло Комитету одержать верх над фракциями, – бросил Сен-Жюст, пряча письмо в карман. – Мне пора в Конвент, – добавил он. – Встретимся на вечернем заседании.

– Это безумие, Сен-Жюст, – бросил ему в спину Карно. – Мы не варвары какие-нибудь!

– Не варвары, говоришь? – Сен-Жюст резко обернулся и взглянул на Карно с нескрываемой ненавистью. – И в чем же ты усмотрел варварство, позволь спросить? В помощи патриотам, не имеющим достаточно средств, чтобы кормить своих детей? В использовании имущества врагов свободы на благо нации?

Карно собирался ответить, когда на пороге возник секретарь с высокой стопкой писем.

– Пришло только что, – торжественно проговорил он, кладя на стол письма, немедленно расплывшиеся в ровную лесенку.

– Без твоей помощи мне не обойтись, Антуан, – вздохнул Колло, глядя на новое поступление. – До заседания Конвента еще полчаса...

Разбирать корреспонденцию не входило в планы Сен-Жюста, его мысли были поглощены речью, получившей, наконец, идею, вокруг которой должна выстроиться пирамида аргументов. Он обреченно вздохнул, взял несколько писем и присел на край стола рядом с Колло.

– Чем дольше я думаю об этом предложении, тем больше оно мне нравится, – тихо, стараясь не быть услышанным Карно, снова склонившимся над картой на другом конце комнаты, проговорил Колло спустя несколько минут. – Это добавит революционному правительству популярности, а она нам очень нужна, чтобы дать отпор Дантону. Я поддерживаю тебя.

Сен-Жюст коротко кивнул и мысленно поздравил себя с новым союзником. Правда, Колло, похоже, не понял, какой удар этот проект нанесет по его друзьям-эбертистам. Тем лучше. Он механически вскрывал одно письмо за другим, быстро пробежал его глазами, оценивая, стоит ли оно внимания, и, в зависимости от принятого решения, делал пометку, кому из членов Комитета оно предназначалось, – это для наиболее интересных писем, – или же просто откладывал в стопку, которой будут заниматься секретари. Скудная, механическая работа, которую Сен-Жюст ненавидел, и потому немало обрадовался, по прошествии двадцати минут, что может оставить ее заботам Колло.

– Мне пора, – провозгласил он, подымаясь и откладывая в сторону не распечатанные конверты.

– Подожди минуту, – попросил Колло, – закончу вот с этим письмом и пойду с тобой. По дороге обсудим идею с распределением имущества подозрительных.

Сен-Жюст с готовностью согласился. Снова присев на край стола, он распечатал очередной конверт – и замер, не в силах оторвать глаз от ровных строчек, выведенных необычным, совершенно прямым, без малейшего наклона почерком с округлыми и изящными буквами, словно вышедшими из-под пера монастырского хроникера, и, подобно хроникам, без единой ошибки или даже поправки. Он снова и снова перечитывал короткое послание, как будто не доверял собственному зрению.

«Вниманию членов Комитета общественного спасения, – читал Сен-Жюст в четвертый раз. – Один из ваших коллег, представляющий себя рьяным патриотом, скрывает королевские драгоценности, которые получил за оказание немаловажных услуг агентам заграницы. Приглядитесь повнимательнее к тому, кто возглавляет Национальный конвент».

И все – ни подписи, ни обратного адреса.

Сен-Жюст почувствовал, как на лбу выступила испарина. Если бы Колло не попросил его подождать, если бы он взял не это, а любое другое письмо, оставив остальную работу коллегам

по Комитету, если бы... Опасность разоблачения была так близка, что от одной мысли о возможных последствиях этих нескольких красивых строк к горлу подступила тошнота. «Кто? – спрашивал он себя, снова и снова водя глазами по строчкам, уже не читая их. – Кто мог *знать*? Кто мог *предать*?»

– Готово! – Колло с шумом отодвинул стул и встал. – Ты идешь, Сен-Жюст? Антуан! – позвал он от дверей. – Чем ты там зачитался? – весело спросил он, когда Сен-Жюст, сунув письмо в карман, последовал за коллегой.

– Так, ерунда, – выдавил из себя председатель Конвента, проклиная и свое председательство, и общество Колло, и желая лишь одного – остаться в одиночестве, чтобы все хорошенько обдумать.

Но впереди было пять часов заседания. Пять бесконечных часов.

4 вантоза II года республики (22 февраля 1794 г.)

Заседание Конвента закончилось к четырем часам пополудни. Вечернее заседание правительственных Комитетов начиналось не ранее девяти. Таким образом, в распоряжении Бертрана Барера оказалось пять часов, которые он мог использовать по своему усмотрению и которые, поразмыслив немного, решил провести в приятном женском обществе, удалившись хотя бы на короткие мгновения от политических страстей Тюильри, шума Конвента и интриг Комитета.

Мокрый утренний снег прекратился, и непредсказуемая парижская погода позволила даже прорезаться робкому лучу солнца. Кто бы мог подумать, что небо, третью неделю затянутое серой пеленой, способно одарить погрузневший город солнечным светом! Барер с удовольствием вдохнул свежий вечерний воздух, предвестник скорой весны, и неторопливым шагом направился вдоль Сены к острову Сен-Луи, где на набережной Анжу, сразу же за мостом Мари, жила его прекрасная возлюбленная.

Зная, что послеобеденные часы она проводит дома, Барер толкнул чуть приоткрытые входные ворота, пересек прямоугольный двор, где справа от входа располагалась конюшня, в которой хозяйка держала пару дорогих лошадей и нарядный экипаж, и вошел в прихожую. Тишина, царившая там, удивила Барера. Оглянувшись по сторонам в поисках прислуги, всегда встречавшей гостей, он громко позвал:

– Гертруда!

Второй раз повторять не пришлось. Женщина чуть за пятьдесят, плотная и крепкая, с грубоватыми чертами лица, вышла на крик, вытирая заплаканные глаза, и, увидев Барера, снова разрыдалась.

– Что случилось? – нахмурился он. – Плохие известия от сына с фронта?

– Нет-нет, гражданин Барер, – замотала она головой, не отнимая платка от лица. – У нас беда. Мадам арестовали... – она хотела еще что-то добавить, но рыдания вновь захватили ее. – Боюсь, что и за мной скоро придут... – продолжала она, всхлипывая. – Все разбежались. А мне куда идти? Да и дом должен кто-то стеречь...

– Как арестовали? – ошарашенно пробормотал Барер. – Когда? Кто? Кто посмел? – он помолчал, недоуменно оглядываясь, чтобы понять, что в происходящем показалось ему наиболее подозрительным, и спросил, наконец: – Почему же не опечатали имущество?

– Не знаю, – замотала головой Гертруда. – Пришли вчера утром, мадам еще была в постели, из революционного комитета секции. Сам председатель явился! Мадам сперва решила, что это ошибка, потребовала приказ. И когда увидела бланк Комитета общественного спасения, беспрекословно последовала за жандармами, сказав мне, что вернется через несколько часов. И вот уже второй день ее нет, гражданин Барер! – Гертруда опять зарыдала. – Что же это происходит? Неужели мадам уже нет в живых?!

– Не говори ерунды! – приказал Барер. – Я постараюсь все уладить. В какой тюрьме ее содержат?

– Не знаю.

– В приказе об аресте должно быть указано место заключения.

– В самом деле? Наверное... Если вы говорите... Только кто же посмотрел на это? Мы были так напуганы, гражданин Барер! Мадам надо было одеваться. Поднялся такой переполох.

– Плохо, – пробормотал Барер. – Это существенно упростило бы дело. Что было изъято при обыске?

– Каком обыске? – удивилась Гертруда, шумно высморкавшись в платок. – Не было никакого обыска.

– Как не было? – нахмурился Барер.

– Да так, не было. Жандармы во главе с председателем революционного комитета увели мадам – и все.

– Интересно... – Барер в задумчивости почесал лоб. – Очень интересно. Бланк Комитета общественного спасения, говоришь? Кем подписан?

Гертруда развела руками и отрицательно покачала головой. Барер помрачнел.

– Ладно, – наконец, проговорил он, – посмотрим, что можно сделать. Если будут новости от мадам, ты знаешь, где меня найти.

– О, разумеется, гражданин Барер! – обрадованно запричитала служанка, сложив руки в молитвенно-благодарственном жесте. – Храни вас Господь! Спасите мадам, прошу вас! И я беспрестанно буду молиться за вас!

Неприятная история, размышлял Барер, медленно, заложив руки за спину, вышагивая вдоль южной набережной острова Сен-Луи. Арест его прекрасной дамы революционным комитетом секции Братства – еще куда ни шло. Какой-нибудь секционный санкюлот ополчился на богатую барыню и настроил донос. Дело привычное и, в общем-то, вполне поправимое. Но приказ об аресте, исходящий из Комитета общественного спасения, – совсем другое дело. Речь идет уже не о досадном недоразумении, тут явно замешана политика. Кому-то из Одиннадцати – десяти, поправил Барер, исключив себя из их числа, – понадобилась его любовница. Исключено, немедленно возразил он сам себе. Никто не знает о его связи с арестованной: он никогда не появлялся в ее обществе в светских салонах, ни разу не упомянул о ней при коллегах. И все-таки почему не было обыска, почему не опечатали бумаги? Это стандартная процедура, применяемая к каждому арестованному по декрету о подозрительных. Чем объяснить нарушение процедуры? Не тем ли, что кому-то из коллег нужна информация, которой обладает его любовница? Ерунда, ей ничего не известно о его делах. Они никогда не говорили о политике. Единственное, о чем она может сообщить, так это об освобождениях, которые он время от времени выдавал ее друзьям. Но кто из членов Комитетов не поступал так же?! Бесполезно гадать, рассердился своим мыслям Барер. Ответы на все вопросы можно получить у нее самой, а для этого достаточно лишь увидеть ее. Вот этим сейчас и стоит озаботиться. Знать бы, где ее содержат, и тогда... Что тогда? Явиться в тюрьму и вытащить ее оттуда? Его полномочия позволяют сделать это без малейших затруднений. Полномочия-то позволяют, но существует еще и здравый смысл: что, если арестовавший ее только и ждет, чтобы Барер явился за возлюбленной, подтвердив тем самым их отношения? Нет-нет, действовать открыто означает самому подставить себя под удар. Тут нужна осторожность, и без посторонней помощи ему не обойтись.

Вадье – вот, кто ему поможет! Кому, как не председателю Комитета общей безопасности, отвечающего за политическую полицию республики, ведающего тюрьмами и расследованием преступлений против нации, заняться поисками возлюбленной своего коллеги и друга?! Тогда от Барера не потребуются ничего другого, как сидеть и ждать, когда информация сама придет к нему в руки.

С Вадье его связывала долгая и крепкая дружба, какая только может существовать между двумя хитроумными политиками, осознающими необходимость поддерживать теплые отношения с лидером конкурирующего органа управления. Дружба, за которой стоит интерес, крепче пьяной любви, вернее родственных связей, надежнее идеологического единомыслия. Опьянение любовью улетучивается с такой же быстротой, с какой зарождается, родственники отрекаются и предают друг друга не реже самых ярых врагов, убеждения меняются, а интерес остается, и вместе с ним крепнет основанная на нем дружба. Кроме того, Вадье и Барер обнаруживали поразительное сходство характеров. Беспринципность Барера и его готовность примкнуть к сильнейшему встречала не только понимание, но и уважение Вадье, искушенного политика, поклонявшегося лишь одному богу – Собственной Выгоде. Общей была у них и любовь к роскоши, которой оба окружили себя, ценя тонкую кухню, изящную обстановку и досуг в обществе красивых женщин. Несмотря на семнадцать лет, разделявшие Барера и Вадье, они никогда не сучали в обществе друг друга, беседуя о философии, литературе, искусстве, блистая остроумием и эрудицией.

Вадье непременно окажет другу эту пустячную услугу и даже не станет интересоваться справедливостью предъявленных его возлюбленной обвинений. Вадье поможет Бареру только потому, что знает, что Барер обязательно помог бы Вадье.

Глава Комитета общей безопасности занимал второй этаж в четырехэтажном доме недалеко от Люксембургского дворца, до революции принадлежавшего герцогам Орлеанским, а ныне превращенного в политическую тюрьму, где, к слову сказать, содержалось немало депутатов Конвента, попавших под подозрение правительственных Комитетов.

Дверь отворила красивая женщина лет сорока, которая, увидав Барера, приветливо улыбнулась и заявила, что он пришел в удачное время: Вадье, не далее как три четверти часа назад вернувшийся с заседания Конвента, только что отобедал и теперь читает в гостиной. Она пригласила гостя отведать холодных закусок и вина, тот с благодарностью принял приглашение и, пока она отдавала соответствующие распоряжения служанке, прошел в гостиную, где, действительно, застал хозяина сидящим в глубоком кресле с книгой в руках.

Марк Гийом Вадье был сухим человеком небольшого роста с маленькими умными глазами и тонкими морщинистыми губами. В бурное революционное время, когда судьбу страны вершили двадцати- и тридцатилетние политики, пятидесятишестилетний Вадье казался стариком, мудрецом, познавшим жизнь и относившимся к молодняку, окружавшему его, с терпеливым снисхождением. Эта репутация и привела его на место негласного лидера Комитета общей безопасности. Никто не назначал его председателем главного репрессивного органа Французской республики, но все именовали его именно так. Политика Комитета целиком засисела от политики Вадье, его слово было решающим во всех дебатах, ведущихся в Комитете, ни одно распоряжение не выходило оттуда без его одобрения. Холодный ум, чуждость состраданию и властность в управлении политической полицией доставили Вадье прозвище Великого инквизитора, которому он соответствовал не менее Торквемады.

– Бертран! Какими судьбами? – радостно приветствовал коллегу Вадье. – Надеюсь, тебя привело ко мне желание провести вечер в обществе друга, а не неотложное дело, которых у нас становится все больше с каждым днем?

– И то и другое, – уклончиво ответил Барер, располагаясь по приглашению хозяина в удобном кресле напротив него.

– Ну что ж, выкладывай, – вздохнул Вадье, закрывая книгу. – А я-то надеялся немного отдохнуть от дел перед предстоящим заседанием, которое, подозреваю, будет бурным.

– Я собирался зайти к тебе на днях, – извиняющимся тоном проговорил Барер, – но одно неприятное обстоятельство заставило меня поторопиться.

– Что случилось?

Неторопливо, тщательно подбирая каждое слово, Барер изложил суть дела, не упустив ни одной детали: бланк Комитета общественного спасения, неизвестность местонахождения арестованной, отсутствие обыска и опечатывания имущества, – не преминув добавить в конце, какой именно помощи он ждет от друга.

Вадье слушал внимательно, время от времени кивая головой и не спуская с собеседника прищуренного взгляда пронизательных глаз.

– Твой Комитет ее арестовал, а ты приходишь ко мне, – усмехнулся он, когда Барер закончил.

– Верно, – в тон ему ответил Барер, задетый словами коллеги. – Наверное, правильное всего будет так прямо и спросить сегодня на заседании Комитетов: «Кто из вас арестовал мою любовницу и по какой причине? Да, кстати, окажите любезность сообщить, где ее содержат, чтобы я немедленно распорядился об ее освобождении». Уверен, мне тут же дадут исчерпывающий ответ на все вопросы!

Сухой смех был ответом на ядовитую иронию Барера.

– Право, многое бы дал, чтобы присутствовать при этой сцене! – воскликнул Вадье. – Но, увы, мы не можем позволить себе подобных спектаклей. А вот и Жанна! – он улыбнулся женщине (той самой, что отворила Бареру), вошедшей в гостиную с подносом в руках, на котором аппетитно располагались вареные овощи, холодное мясо и птица, а также бутылка красного вина и два бокала. – Прошу, Бертран, угощайся. Я только что пообедал, но от вина не откажусь, тем более, что беседа нас ожидает долгая.

– Боюсь, ты прав, – сокрушенно проговорил Барер.

– Не так трагично! – улыбнулся Великий инквизитор, и Барер почему-то подумал, что, умея змеи улыбаться, они улыбались бы точно так же. – В этом доме решались и более серьезные проблемы.

– У тебя проблемы? – спросила Жанна, с тревогой взглянув на Барера.

– Не у него, у его друга, – ответил за гостя Вадье. – Но это поправимо. Все поправимо, пока голова не слетела с плеч, – философски заметил он после секундной паузы.

– Значит, такой теперь юмор? – мрачно спросил Барер.

– Именно, – кивнул Вадье. – Такой теперь юмор. Мы живем в беспокойное время, друг мой, и наша задача состоит, прежде всего, в сохранении головы на плечах. В прямом и в переносном смысле слова.

– Ну что ж, я вас оставлю, – Жанна ободряюще кивнула Бареру и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Золотая женщина, – заметил Вадье, провожая ее взглядом, – редчайшего ума и чуткости. Даром что вышла из простонародья. Если бы не это, непременно женился бы на ней.

– В наше время это не помеха, – напомнил Барер.

– Нет-нет, – возразил Вадье, – мои представления уже не переменить. Другое сословие – это другое сословие, Бертран. Ну да ладно, оставим этот разговор, сейчас не время, да и ты здесь не за этим. Займемся твоей красавицей и оставим в покое мою.

Вадье сделал пару глотков вина, пожевал его тонкими губами, удовлетворенно кивнул и обратился к Бареру:

– Когда, ты говоришь, она была арестована?

– Вчера.

– И ты не знаешь, ни чьи подписи стояли на приказе, ни сколько их было?

– Нет. Количество подписей имеет значение?

– Все имеет значение. Поискать по тюрьмам не сложно, у меня есть людишки, занимающиеся этим. Но сперва надо узнать, кому мы перебегать дорогу. Кто был осведомлен о ваших отношениях?

Барер задумался.

– Думаю... надеюсь, – поправился он, – что никто.

Вадье усмехнулся.

– Кому-то все-таки о них было известно. Этот арест не случаен, Бертран. Чутье подсказывает мне, что кто-то из твоих коллег по Комитету копает под тебя, а чутье меня обманывает крайне редко. Ей известно что-либо, что могло бы тебе повредить?

– Что может мне повредить? – в голосе Барера было столько искреннего удивления, что Вадье растянул сжатые губы в улыбку, на этот раз вполне безобидную.

– Ну что ж, если ты кристально чист и тебе совершенно, – он сделал ударение на этом слове, – нечего опасаться, то мы можем действовать открыто, не так ли? – иронии в его тоне не заметить было невозможно. И Барер ее заметил.

– Послушай, – он понизил голос, хотя никто не мог их подслушать, – ты знаешь о моих делах и моих связях. Наверное, если поискать хорошенько, можно найти в моей биографии то, что сейчас мы назвали бы подозрительным поведением. Мне доводилось общаться с разными людьми, как, впрочем, и тебе. Среди них были аристократы, бежавшие в эмиграцию, а также политики, обвиненные затем в преступлениях, которые еще год назад таковыми не считались.

– Дело не в твоих связях, – отмахнулся Вадье. – В конце концов, у каждого из нас были друзья, о которых сейчас лучше не вспоминать. Ты пока слишком нужен республике, чтобы твои связи могли тебя скомпрометировать. Меня интересует, знает ли твоя прелестница о чем-нибудь, о чем больше никому знать не следует? Известно ли ей что-то, что кто-либо из твоих коллег хотел бы узнать? Понимаешь, о чем я? Можешь быть со мной откровенен, – добавил он, но Барер и так знал, что Вадье не предаст его. В противном случае, он не пришел бы сюда.

– Нет-нет, не думаю, – поразмыслив несколько секунд, ответил Барер. – Она не интересуется политикой, хотя, конечно, какими-то новостями я с ней делился, но ничего серьезного и, тем более, секретного среди них не было.

– Она просила у тебя за своих друзей? – Вадье перешел к коротким, резким вопросам, требующим четкого ответа. Таким, какие он привык задавать на допросах.

– Да, несколько раз.

– Ты помогал?

– Ты допрашиваешь меня? – Барер смутился под острым, как игла, взглядом Великого инквизитора.

– Ты хочешь моей помощи, – несколько смягчил тон Вадье. – Для того, чтобы помочь тебе, я должен обладать всей полнотой информации. В твоих интересах мне ее предоставить.

– Да, я помогал, – вздохнул Барер. – Это были мелкие дела, ничего особенного.

– Хорошо, – протянул Вадье и погрузился в раздумье. – Она поддерживает связи с аристократами, иностранцами, эмигрантами?

– Признаться, я не очень хорошо знаком с ее окружением, – виновато проговорил Барер. Ему вдруг стало неудобно в мягком кресле под внимательным взглядом прищуренных глаз с морщинистыми, как у змеи, веками. – Судя по тем, кого я освобождал по ее просьбе, она общается с бывшими аристократами. Но, повторяю, политикой она не интересуется. Ее особняк посещает весьма благонадежная публика: депутаты, поэты, художники...

– Художники? – перебил Вадье. – Не знакома ли она случайно с Давидом?

Барер оживился.

– Да-да, конечно! – он чуть не подпрыгнул в кресле. – Давида она знает. Как раз на днях она хвасталась мне, что он предложил написать ее портрет, и она дала согласие.

Вадье не шевелился. Его неподвижный взгляд был устремлен в угол комнаты. Барер молча наблюдал за ним, ожидая спасительного решения.

– Есть два способа организовать поиски этой... – заговорил, наконец, глава полиции. – Кстати, – вдруг спохватился он, – ты так и не назвал ее имени.

– Элеонора Плесси.

– ... этой Элеоноры Плесси. Проще всего было бы впутать ее в отношения с каким-нибудь аристократом, проходящим по одному из дел, которым занимается мой Комитет, отдать официальный приказ о ее поиске по тюрьмам, и – хлоп! – красotka в твоём распоряжении. Правда, не сразу. Ее придется потом из этого дела выпутывать, а на это потребуется время. Но способ верный и безопасный. Это обычная процедура. Твое имя упомянуто не будет, этим займется исключительно мой Комитет.

– И с удовольствием перебежит дорогу моему, – криво усмехнулся Барер.

– В этом удовольствии я себе не откажу, – улыбнулся старик. – Но что-то мне подсказывает, Бертран, что не твоему Комитету мы перебежим дорогу, а кому-то одному из его членов. И я бы многое дал, чтобы узнать, кому именно... Знаешь, я совсем не уверен, что этот *кто-то* открыто воспротивится нашему решению об ее освобождении.

– А второй способ? – поинтересовался Барер.

– Похоже, мое предложение тебе не по душе. Думаешь, дамочка не стоит такой зава-рушки?

– Думаю, как бы нам не заиграться, приплетая ее к твоим подопечным. Рискованная игра получается. Трибуналом пахнет.

– Риск невелик, – возразил Вадье. – Ситуация будет под моим личным контролем. До Трибунала точно не дойдет. Но как знаешь. Второй способ более сложный и требует вмешательства третьего лица.

Барер залпом осушил бокал и положил в рот кусок холодной баранины. Хладнокровие, редко изменявшее депутату, начало покидать его.

– Этим третьим лицом является наш друг Давид, – Вадье не скрывал удовольствия от эффекта, который он рассчитывал произвести на гостя. Он даже сделал паузу, чтобы тот смог полностью оценить тонкость предлагаемого решения.

Барер перестал жевать и вопросительно посмотрел на собеседника.

– Ты хочешь привлечь к поискам Давида? – переспросил он, делая ударение на каждом слове, не в силах поверить, что правильно понял Вадье.

Лисья усмешка скривила губы шефа политической полиции.

– Не только привлечь, – ответил он, – но и сделать их инициатором.

Барер даже не пытался сформулировать следующий вопрос. Его мозг отказывался обдумывать предложение, казавшееся ему верхом абсурда. Он предпочел просто ждать разъяснений.

– Ты сам только что сказал, что твоя любовница хорошо знакома с Давидом, который даже собирался написать ее. Не знаю, заходят ли их отношения дальше отношений художника и модели... – при этих словах Барер нахмурился. – Неужели ты думаешь, что один пользуешься ее благосклонностью?! Я ожидал от тебя большей прозорливости, Бертран. С твоим-то знанием женщин!

– Я предпочитаю об этом не думать, – процедил Барер сквозь зубы.

Вадье хохотнул.

– Ну что ж, в таком случае, я подумаю за тебя. Итак, если ты не желаешь в открытую выказывать заинтересованность этой особой, предоставь дело Давиду. Ему нечего опасаться. В данном деле он – сторона нейтральная. Он потерял модель, которую давно горел желанием написать, к которой, возможно, равнодушен. Он является членом Комитета общей безопасности и другом некоторых членов Комитета общественного спасения, так что никто из твоего Комитета не заподозрит его в желании нас посорить, а в качестве члена моего Комитета он не вызовет подозрений поисками заключенной.

– С чего ты взял, что он захочет искать ее? – с сомнением спросил Барер. – Да и с какой стати ему ставить *меня* в известность о результатах своих поисков, даже если они увенчаются успехом?

– А это уже твоя забота – заставить его искать барышню и поделиться с тобой результатами своих усилий. Единственное, чего тебе не стоит ему сообщать, так это того, что подпись на постановлении об ее аресте поставил кто-то из членов Комитета общественного спасения. В противном случае, Давид откажется помогать. Он не станет впутываться в чужую игру, можешь мне поверить.

Барер молчал. Эта идея при всей своей первоначальной абсурдности казалась ему все более привлекательной. Во всяком случае, она была более безопасной для Элеоноры, чем первое предложение Вадье.

– Ну так как? – нетерпеливо поинтересовался Великий инквизитор. – Ты готов принять этот вариант?

– Думаю, да.

– Вот и прекрасно. Завтра ты поговоришь с Давидом, и будем считать дело решенным.

– Возможно, я увижу его на сегодняшнем заседании... – предположил Барер, но Вадье перебил его.

– На это можешь не рассчитывать. Давид – натура творческая, не то что мы, кабинетные крысы, – короткий смешок вырвался из его уст. – Ночными заседаниями он себя утомлять не любит. Так что разговор с ним придется оставить до завтра. А сейчас давай пошлем дела в черту. У нас есть еще пара часов. Посвятим же их приятной беседе и отменному вину. Послушай, что я буквально за минуту до твоего прихода вычитал у Геродота...

Барер изо всех сил старался поддержать «приятную беседу» о Геродоте и греческой истории, которые так увлекали Вадье, но мысли его были далеко, в особняке Жака Луи Давида, где завтра ему предстояло разыграть безупречную дипломатическую партию.

4 вантоза II года республики (22 февраля 1794 г.)

Заседание Конвента подходило к концу. Последний оратор покинул трибуну, сопровождаемый привычным гомоном с депутатских скамей, где в полный голос шло обсуждение только что выслушанной речи, парижских новостей, предстоящего заседания Якобинского клуба и меню будущих ужинов. Обсуждались громкие аресты, театральные премьеры и наряды дам полусвета. Звон колокольчика председателя сообщил об окончании заседания, и голоса усилились, зашуршали бумаги, собираемые в портфели, послышались прощальные выкрики. Депутаты потянулись к выходу.

Покинув Тюильри и оказавшись во дворе Карусель, Сен-Жюст глубоко втянул февральскую прохладу и поморщился под робкими лучами февральского солнца. «И откуда оно только взялось?» – пронеслось у него в голове, но мысли тотчас же вернулись к анонимному письму, лежавшему в кармане. Он снова, в который раз, взглянул на красивые прямые строчки. Странный почерк, подумал он, такой ни с чем не спутаешь: слишком округлый, слишком прямой, ни мужской, ни женский. Кому понадобилось разоблачать его перед коллегами? Нет, не так. Вопрос надо ставить иначе: кто *мог* разоблачить его перед коллегами? кто *мог* знать, что королевские драгоценности находятся у него? Он думал об этом все пять часов заседания и снова вернулся к беспокойным мыслям сейчас, спеша домой по многолюдному городу, то и дело натываясь на прохожих. Он перебирал один вариант за другим, не отказываясь от самых невероятных и абсурдных ситуаций, и каждый раз, словно бродя по заколдованному кругу, приходил к одному и тому же заключению: угроза исходит от его собственного агента, единственного, посвященного в историю с драгоценностями.

В конце концов, что Сен-Жюсту было известно об этом человеке?

Он появился на пороге его квартиры четыре месяца назад, сразу же после доклада Сен-Жюста, учреждавшего во Франции революционный порядок управления, представился другом республики, сказал, что служил в королевской полиции, а после провозглашения респуб-

лики захотел служить нации. Признался, что долго не мог определиться, к кому наняться на службу, не желая служить амбициозным политикам, заботящимся лишь о собственной выгоде. На предложение Сен-Жюста отправиться в Комитет общей безопасности он ответил горячим протестом, заявив, что обладает неопровержимыми доказательствами связей некоторых из его членов с роялистами. Эти слова немедленно доставили ему симпатию Сен-Жюста, который стал время от времени обращаться к таинственному посетителю с поручениями. Постепенно необходимость в нем возникала все чаще. Очень быстро Сен-Жюст убедился, что для бывшего полицейского не было ничего невозможного. Требуемые им вознаграждения были велики, но работа выполнялась отменно, так что Сен-Жюст безоговорочно платил из секретной кассы Комитета общественного спасения, к которой имел доступ и которая предназначалась как раз для подобных целей. Связь с агентом он осуществлял посредством записок, которые отправлял с посыльным на адрес связного, который ежедневно встречался с доверенным лицом бывшего полицейского и передавал ему полученную на его имя почту. Ни настоящего имени, ни адреса самого агента Сен-Жюст не знал. Откровенно говоря, он не знал о нем ничего, кроме того, что тот сам счел нужным о себе сообщить. Впрочем, преданность свою он доказал на деле. Да и зачем ему отрубить кормящую руку? К тому же риск разоблачения неоправданно велик. Нет, покачал головой Сен-Жюст, поднимаясь в свои апартаменты, письмо написано не агентом: он не настолько глуп, чтобы действовать так нелепо. А вот его помощь в поиске автора может оказаться бесценной. Хотя, усмехнулся Сен-Жюст, для него все имеет свою цену.

Агент явился с первыми сумерками, вызванный запиской, которую Сен-Жюст отправил еще из Конвента. Он, как всегда, по-хозяйски разместился в кресле у камина и выжидательно посмотрел на депутата.

– Это объяснит цель твоего визита, – сказал тот, протягивая ему анонимное письмо.

Посетитель пробежал глазами по строчкам и поднял вопросительный взгляд на Сен-Жюста, внимательно следившего за ним, полуприсев на край стола.

– Что скажешь?

– У тебя есть идеи, кто бы это мог быть? – спросил гость.

– Есть, – ответил Сен-Жюст, не спуская с агента острого взгляда. – Ты.

Бывший полицейский посмотрел на шефа снизу вверх и прищурился.

– Логично, – невозмутимо проговорил он. – Настолько же логично, как и глупо.

Сен-Жюст удовлетворенно кивнул, словно ждал именно такого ответа.

– Я сказал себе то же самое, – признался он. – Но проблема в том, что ты единственный, кому известно, что камни находятся у меня. Согласись, факты говорят не в твою пользу.

– Они вообще ни о чем не говорят! – небрежно бросил гость, швырнув письмо на стол. – Не вижу причин, почему кто-то не может так же выследить меня, как я выслеживал шпионов по твоему приказу.

– Потому что твоя работа заключается в том, чтобы не оставлять следов. И мне лучше, чем кому-либо другому известно, насколько хорошо ты выполняешь свою работу.

Комплимент заставил агента улыбнуться.

– Допустим, – согласился он. – Впрочем, никто не застрахован, никто... – он задумался на несколько секунд, а потом произнес твердо, тоном принявшего решение человека: – Я найду автора и узнаю, чего он хочет.

– Мне и без того известно, чего он хочет, – Сен-Жюст начал терять самообладание. – Скомпрометировать члена Комитета общественного спасения, нанести удар по репутации председателя Национального конвента. Разве не этого добиваются подосланные Питтом шпионы? Разве не в этом состоит общий план всех заговорщиков, замышляющих против республики? И тут мы сами преподнесли им подарок: драгоценности Бурбонов у Сен-Жюста! О чем ты думал, опустошая карманы этого ублюдка и притаскивая мне его барахло? Откуда ты знаешь, что за тобой тогда никто не следил?

Он мерил комнату широкими шагами, запустив ладонь в волосы. Агент все так же сидел, развалившись в кресле и подперев щеку рукой. Его задумчивый взгляд был устремлен на темный прямоугольник окна, за которым виднелись освещенные окна дома напротив.

– Тебе знаком этот почерк? – спросил он наконец.

– Нет, – покачал головой Сен-Жюст. – Если бы я хоть раз увидел его, то непременно запомнил бы. Постой! – он резко обернулся. – Ты полагаешь, что это кто-то из моего окружения? Кто-то, кого я знаю и кто знает меня? Тогда что ему помешало прийти в Комитет и разобраться меня? К чему это письмо? К чему такой риск?!

– Разоблачить тебя ему помешал банальный, глупый и вполне обоснованный страх. Твоя репутация безупречна. И совершенно очевидно, что члены Комитета не бросятся обыскивать твой секретер, услышав столь абсурдное обвинение из уст... – он запнулся. – Что до анонимного письма, то тут риск минимален.

Сен-Жюст недоверчиво покачал головой.

– Ошибаешься, риск велик. И состоит он в том, что случится то, что случилось: письмо попадет ко мне.

– Один шанс против десяти, – отмахнулся гость.

– Нет, – поправил его Сен-Жюст, – один шанс против пяти. На данный момент только шесть членов Комитета, считая меня, реально участвуют в работе правительства.

– Вот как? – в голосе агента послышалось удивление и, как показалось Сен-Жюсту, разочарование. – Понятно...

Наступила пауза, в течение которой собеседники, погруженные каждый в свои мысли, избегали встречаться взглядами друг с другом.

– Ты сможешь найти автора? – спросил Сен-Жюст, нарушив молчание. – Достаточно будет только имени. Потом я займусь им сам.

– Постараюсь, но на это нужно время... много времени... – в голосе агента прозвучало сомнение, доселе ему незнакомое.

– Сколько? – нетерпеливо спросил депутат.

– Месяц или больше, не могу точно сказать. Мы даже не знаем, кого ищем.

– У меня нет месяца. Нет даже недели.

Шпион молчал, не спуская глаз с оконного проема и освещенного окна за ним.

– Только одному человеку может быть известно, что камней у агента Барера уже нет, – медленно проговорил он, делая ударение на каждом слове. – Это сам Барер. Возможно, он все-таки узнал, что в Англию отправился совсем не тот человек...

Сен-Жюст опустил в кресло напротив собеседника.

– Ты хочешь сказать, что за этим письмом стоит Барер? Исключено. Сейчас мы играем на одной стороне, ему это хорошо известно.

– Как, возможно, – на этом слове шпион сделал короткую паузу, – ему известно и то, что по твоему приказу он потерял своего лучшего агента. Вы играете на одной стороне, говоришь? Допустим. Тогда какого черта ты уже второй день держишь в Консьержери эту Элеонору Плесси? Кстати, стоит поторопиться вытрясти из нее интересующие тебя сведения, пока кто-нибудь из ее покровителей не обнаружил место ее заключения. Если она почувствует, что освобождение близко, то и рта не раскроет.

– Ты прав, – пробормотал Сен-Жюст, взглянув на каминные часы, показывавшие без десяти минут семь, и поднялся. – До заседания Комитета еще два часа. Я успею переговорить с ней. Стоило бы, конечно, дать ей еще один день на размышления, но, к сожалению, времени у меня, действительно, мало. Да, и еще... – он резко обернулся к собеседнику: – Если это Барер, мне нужны доказательства.

– Они у тебя будут, – пообещал шпион, направляясь к выходу. – Что ты намерен делать с камнями? Надо бы избавиться от них, пока не поздно.

– Дались тебе эти камни! – с раздражением воскликнул Сен-Жюст. – Хочешь получить еще один за работу? Слушай, а что если я тебе отсыплю их все, авансом, на несколько лет вперед?

– Ты не будешь в безопасности до тех пор, пока не избавишься от них, – шпион пропустил издевку мимо ушей. – И судя по тому, что они все еще у тебя, ты не знаешь, что с ними делать, а решать надо быстро, очень быстро.

– Знаю, знаю, – пробормотал Сен-Жюст. – Я найду, как их пристроить. Без твоей помощи, – добавил он после секундной паузы.

– Напрасно ты мне не доверяешь, – усмехнулся гость. – Если бы я хотел использовать драгоценности против тебя, я уже сделал бы это.

– Вот именно, – сухо отозвался Сен-Жюст, словно нанес пощечину. – И я все еще не уверен, что это не так.

Шпион покачал головой с осуждающей грустью и вышел, бросив на прощанье:

– Я найду автора. Возможно, тогда ты поверишь мне.

– Барер... Барер... Барер... – шептал Сен-Жюст, расхаживая по гостиной с бокалом красного вина в руке. – Допустим, он узнал об убийстве агента. Допустим, установил, кем был нанесен удар, хотя не вижу, как ему это удалось. Допустим, он знал, что у убитого были драгоценности. Допустим, узнал, что из его кармана они перекочевали в мой. Допустим... Все эти допущения делают версию практически равной нулю. Ну да ладно, допустим, Барер знает обо всем. Но зачем ему разбивать мою репутацию сейчас, когда перед нами стоит сложнейшая задача по уничтожению оппозиционных Комитету фракций? Зачем ослаблять союзника? Зачем вонзать нож мне в спину в тот переломный момент, когда решается судьба Комитетов, а вместе с ней и его собственная судьба? Он умен, достаточно умен, во всяком случае, чтобы понимать, насколько высоки ставки в игре, которую мы затеяли. Пусть ищейка рыщет в поисках доказательств, вряд ли ей удастся что-то отыскать.

Покидая через двадцать минут отель «Соединенные Штаты», Сен-Жюст нисколько не сомневался в непричастности Барера к злополучному письму.

4 вантоза II года республики (22 февраля 1794 г.)

Появление члена всесильного Комитета общественного спасения на пороге главной политической тюрьмы республики, да еще в столь поздний час, не могло остаться незамеченным. Для вечерних и ночных допросов заключенных обычно вызывали в особняк Брион во дворе Карусель, где располагался Комитет общей безопасности. Сами члены правительственных Комитетов переступали порог Консьержери только днем, заранее предупредив консьержа, с кем именно из заключенных они желают переговорить. Приход Сен-Жюста не столько удивил, сколько напугал привратника, который собрался немедленно отыскать начальника.

– Не стоит беспокоить гражданина Бо понапрасну, – остановил его Сен-Жюст. – Мне необходимо задать пару вопросов заключенному, только и всего.

– О, конечно, конечно, – заторопился привратник и тут же побежал к дежурному тюремщику. Через пару минут тот уже шел по узким коридорам, гремя связкой ключей.

Перед Сен-Жюстом распахнулась деревянная дверь, перехваченная в нескольких местах железными скобами. Из темноты комнаты дунуло холодом. Сен-Жюст замешкался на пороге.

– Пусть принесут свечи и растопят камин, – приказал он.

Пока тюремщик отдавал соответствующие распоряжения, он ждал в коридоре.

Когда, наконец, канделябры, расставленные на столе и камине, осветили комнату неровным светом, Сен-Жюст прошел к столу и достал из портфеля несколько чистых листов бумаги. Перо и чернильница на столе уже были. Разведя огонь в камине, тюремщик в нерешительности остановился у дверей, ожидая дальнейших распоряжений.

– Приведите гражданку Плесси, – приказал Сен-Жюст, стягивая перчатки и подставляя руки к огню.

Там же, у камина, Элеонора его и застала. Она вошла, кутаясь в выцветшую шерстяную шаль, проеденную молью.

Услышав ее шаги, Сен-Жюст обернулся и сделал тюремщику знак удалиться.

– Ну, вот и вы, – проговорила Элеонора, лишь только они остались одни. – Я уже отчаялась увидеть вас сегодня.

– Садитесь, – проговорил он вместо приветствия.

Она осталась стоять.

– Здесь так холодно, – снова заговорила она плаксивым голосом. – А у меня совсем нет теплых вещей, да и попросить их не у кого. Ко мне никого не пускают, я даже не могу вызвать свою камеристку, чтобы она принесла одежду.

– Откуда у вас *это*? – поморщившись, спросил Сен-Жюст и взглядом указал на тряпку сомнительной свежести, укрывавшую ее плечи.

– Жена тюремщика дала мне свою шаль, – ответила Элеонора. – Вернее, обменяла на пряжки моих туфель. У меня ведь больше ничего нет. Обмен, конечно, неравен, но от холода в камере пряжки защитить не могут, – горько усмехнулась она.

Сен-Жюст промолчал, поглощенный изучением женщины, стоявшей перед ним. Сутки, проведенные в тюрьме, изменили ее. Светло-каштановые волосы хаотично разметались по плечам; самоуверенная улыбка уступила место усталой грусти. Ее глаза больше не горели вызовом, а взгляд был, скорее, настороженным, чем дерзким. Правда, пропали темные круги под глазами.

– Вы неплохо спали, как я погляжу, – эти слова вырвались у него сами собой.

Глаза Элеоноры расширились от удивления.

– Ну надо же, – она рассмеялась неестественным, натужным смехом. – Сен-Жюст интересуется моим сном! Чего доброго он и в тюрьме меня оставит под предлогом заботы о моем здоровье!

Он не счел нужным ответить.

– Садитесь, гражданка, – повторил он. – У меня мало времени.

– Зато у меня его предостаточно, – вздохнула Элеонора и послушно опустилась на стул. – Не могли бы мы сегодня покончить со всеми вопросами? Вы, помнится, обещали меня отпустить...

– Ваше освобождение целиком зависит от вас, гражданка Плесси, – напомнил Сен-Жюст.

– Что еще вы хотите знать? – устало проговорила она, сложив руки на коленях и приготовившись слушать.

Положительно, перед ним сидела совершенно другая женщина, нежели та, которую он встретил каких-то тридцать часов назад. Ее веселость, живость, остроумие уступили место печальной меланхолии. Она словно померкла, но от этого ее спокойно-высокомерная красота только выиграла. Сен-Жюст отметил в ней трогательную беззащитность, обладавшую невероятной притягательностью, которой не было при их первой встрече.

– Я вас слушаю, – повторила Элеонора, чуть повысив голос, выведший Сен-Жюста из задумчивого наблюдения. – У вас ведь мало времени, – язвительно напомнила она.

– Именно, – холодно ответил он. – Возьмите перо и напишите ваше имя и адрес.

Она вскинула на него удивленный взгляд.

– Вам известно и то и другое.

– Пишите! – резко скомандовал он и пододвинул к ней чернильницу.

Она покачала головой и исполнила приказание. Сен-Жюст быстро взглянул на ее автограф, достал из папки сложенный вдвое листок и положил рядом. Довольная улыбка скривила

его губы: письмо, найденное у убитого, вне всякого сомнения, было написано тем же самым почерком.

– Прекрасно, – он заметно повеселел. – А теперь напишите имя вашего любовника.

– О! – она вымученно улыбнулась. – Не искушайте судьбу, гражданин Сен-Жюст. Этот список будет очень длинным, и я даже не уверена, что полным.

– Меня не интересуют все, кто перебивал в вашем будуаре, гражданка, – сухо проговорил он. – Меня интересует только одно имя. Имя того, к кому обращено это письмо.

Он небрежно подтолкнул к ней листок, извлеченный из портфеля несколько минут назад. Она взяла его, отошла к камину и, отвернувшись, погрузилась в чтение. Сен-Жюст внимательно следил за каждым ее движением. Он заметил, как она слегка передернула плечами, читая строки, не предназначавшиеся для чужих глаз, после чего обернулась к тому, кто посмел оскорбить их своим бесстыдным любопытством.

– Откуда оно у вас? – спросила Элеонора охрипшим то ли от волнения, то ли от гнева голосом.

– А вы как думаете? – молодой человек сидел вполборота, опираясь локтем на спинку стула, и явно наслаждался ее стыдливым замешательством.

– Не знаю... – она выглядела растерянной. – Я только надеюсь, что с ним ничего не случилось... Почему это письмо оказалось у вас? – она перешла на истерический крик. – Ответьте же мне! Вам известно, что с ним?

Она метнулась к нему и, опустившись на колени, схватила за руку. Он вздрогнул, обожженный прикосновением холодных дрожащих пальцев, и встал, заставив Элеонору подняться вместе с ним.

– Прошу вас, успокойтесь, – попросил он, обезоруженный ее отчаянием. – Клянусь, ему уже ничего не угрожает. Как его имя?

– Зачем оно вам? – Элеонора начала обретать самообладание.

– Имя! – с нажимом повторил Сен-Жюст.

Обхватив лицо руками, она порывисто расхаживала по небольшой и совершенно пустой, если не считать стола и двух стульев, комнате. Грязная шаль соскользнула с ее плеч и лежала у ног Сен-Жюста.

– Так вот почему я здесь! – Элеонора остановилась, осененная догадкой, и смерила Сен-Жюста колючим взглядом. – А я-то думала, что дело в... – она запнулась. – К чему же тогда было разыгрывать комедию вчера, выпытывая у меня имена моих влиятельных любовников, если вас интересует тот, кто, единственный из всех, не обладает никаким влиянием?

– Имя, – холодно проговорил Сен-Жюст.

– И вы отпустите меня?

Похоже, она решила, что с ним можно торговаться. Глубокое заблуждение!

– Мои вопросы еще не закончились, – отрезал он. – И я советую вам отвечать на них. Мое терпение на исходе.

Элеонора помедлила, затем подошла к столу, опустил на самый краешек деревянного стула, взяла перо, написала два слова на чистом листе бумаги и протянула его Сен-Жюсту.

Шарль де Лузиньяк. Дворянин на службе Барера. Невероятно! Впрочем, учитывая неустойчивые взгляды последнего, чему тут удивляться? Теперь Сен-Жюст знал подлинное имя убитого шпиона. Дело было за малым: расспросить его любовницу об услугах, которые он оказывал Бареру.

– Могу я узнать, что с ним? – Элеонова встала. Настороженные зеленые глаза в упор посмотрели в холодные серые глаза Сен-Жюста.

– Это письмо было найдено в кармане убитого агента роялистов, – сказал он и отвернулся, не желая становиться свидетелем ее отчаяния.

Он услышал, как она тяжело опустилась на стул, – и больше ничего. Прошло не меньше минуты, прежде чем Сен-Жюст снова взглянул на Элеонору. Она сидела, положив локти на стол и скрыв лицо в ладонях. Поколебавшись, Сен-Жюст приблизился к молодой женщине и тронул ее за плечо. Она вздрогнула и посмотрела на него сухими и как будто потерявшими цвет глазами. Он ожидал, что она заплачет, и с удовольствием поздравил себя, что избежал женской истерики.

– Шарль никогда не служил роялистам, – сказала она охрипшим голосом и, откашлявшись, добавила: – Убитый мог быть не Лузиньяком, верно ведь? – в ее взгляде Сен-Жюст увидел надежду.

– Мне жаль разочаровывать вас, гражданка, но ошибка исключена, – Сен-Жюст сам удивился сочувствию, которое невольно проскользнуло в его тоне.

– Он не служил роялистам, – тихо повторила Элеонора.

– Вот как? Кому же он служил?

– Думаю, никому... Разве обязательно служить кому-то? – она прикоснулась к губам, стараясь унять их дрожь. В горле встал неприятный комок.

– Вы предлагаете мне поверить вам или, может быть, стоит подождать еще пару дней, чтобы вы, наконец, поняли, что отказом отвечать на мои вопросы лишь оттягиваете время вашего освобождения?

– Я начинаю думать, что никогда отсюда не выйду. Если вы убеждены, что Шарль служил роялистам, то я в ваших глазах являюсь его сообщницей.

– А это не так?

– Говорю же вам, он не был связан с роялистами! Политика не интересовала его.

– Чем же он тогда занимался?

– Ничем особенным. У него было состояние, какие-то акции... – предательский комок мешал ей говорить. Она сжала горло, пытаясь помешать рыданиям, готовым вырваться наружу.

– Он спекулировал? Играл на бирже? – быстрые, короткие, как удары топора, вопросы не давали ей времени собраться с мыслями.

– Возможно... точно не знаю... мы никогда не говорили о делах. В деньгах он не нуждался, это все, что я могу сказать. Откуда вы знаете, что это он? Еще пару минут назад вам даже имя его не было известно! – она цеплялась за малейшую надежду, еще теплившуюся в ней.

– Вы знаете его адрес?

– Боже мой! – прошептала она в отчаянии. – Да ответьте же мне!

– Его адрес!

– Я никогда не была у него, – сдалась Элеонора.

– Но письма вы куда-то отправляли?

– Я писала ему лишь дважды. Оба письма были отправлены с его же собственным посыльным, приносившим мне цветы. Он говорил, что чем меньше я буду знать о нем, тем лучше для меня. Да мне ничего и не хотелось знать, кроме того, что... – она замолчала, чувствуя, что на этот раз уже не сможет сдержать рыдания.

– Кроме того, что?... – переспросил Сен-Жюст.

– ... кроме того, что он любит меня, – прошептала Элеонора. – Господи, это просто не укладывается у меня в голове! Кто мог его убить? Как? За что?

Она умоляюще посмотрела на Сен-Жюста, надеясь получить ответы на мучившие ее вопросы, но натолкнулась на безмолвное равнодушие и, наконец, заплакала.

– Ради всего святого, прекратите истерику! – раздраженно вскричал он. – Ваш любовник – не невинная жертва! Он воевал против республики, он проиграл и заплатил за это жизнью. Мы на войне, гражданка, на непрерывной и жестокой войне! И не моя вина, что он играл на стороне врагов французского народа!

Этот крик, в котором, наконец-то, прозвучали человеческие эмоции, сменившие бездушное спокойствие, подействовал на молодую женщину, как ушат холодной воды. Она встрепнулась, отерла слезы дрожащими пальцами и со злостью посмотрела на сидевшего напротив нее человека.

– С чего вы взяли, что он действовал против народа? Кто дал вам право судить? Кто сделал вас защитником народа? Кто наделил вас властью решать, кому жить, а кому умирать? – Элеонора сама не заметила, как перешла на крик.

– Цель любого правительства – забота о гражданах, – высокомерно произнес Сен-Жюст, как будто выступал с трибуны Конвента. Его голос снова потерял всякое выражение, зазвучав равнодушным спокойствием. – Право решать судьбу республики народные представители получили в тот момент, когда были избраны нацией для выполнения этой священной миссии.

– Оставьте ваши напыщенные речи для послушных идиотов, которые еще верят в то, что говорят депутаты! – она все больше распалялась, движимая гневом и ненавистью. – Я знаю достаточно этих самых представителей народа, чтобы понять, насколько они ничтожны и мелочны, насколько увлечены собственной наживой и до какой степени им наплевать и на ваш народ, и на вашу республику.

– Меня нисколько не удивляет ваше представление о депутатах Конвента, учитывая, что именно из них посещает ваш дом. К несчастью для республики, среди тех, кто обязан ее защищать, немало таких, кто пытается извлечь максимальную выгоду из своего положения. Они порочат славное звание народного представителя и провоцируют ненависть к верховным слугам народа. Подождите еще немного, и вы увидите, как республика покарает своих недостойных служителей.

– Республика? – насмешливо спросила Элеонора. – Или горстка ее правителей? Уж не себя ли вы олицетворяете с республикой, гражданин Сен-Жюст? Уж не от вашей ли руки падут те, кого вы так безапелляционно отнесли к недостойным слугам народа? Не много ли вы на себя берете, гражданин член Комитета общественного спасения? Помнится, даже покойный король Франции не мог позволить себе подобной самонадеянности.

– Король Франции не имел никакого права решать судьбу французов, поскольку был узурпатором власти, а не законным ее представителем. Только народ может выбирать, кому он делегирует свою власть и свой суверенитет.

– И эти делегаты затем получают полное право расправиться с народом, так послушно доверившимся им?! – вскричала Элеонора. – Ваши слова тем более чудовищны, что исходят от того, кто наделен властью воплотить их в жизнь!

– Не путайте народ с его врагами, – возразил Сен-Жюст.

– Кто же проводит эту границу? Кто решает, что этот человек – друг, а этот – враг народа? Каким образом вы отделяете зерна от плевел? И как узнаете, что не ошиблись в своем отборе?

– Действия людей говорят сами за себя. Их слова и поступки выдают суть их натуры.

– Слова? – Элеонора покачала головой. – Как можно наказывать за слова? Поступки? Разве существует хоть один человек, ни разу не совершивший ошибки?

– Ошибки? – усмехнулся Сен-Жюст. – Или преступления? Я с трудом назвал бы ошибкой попытку разрушить счастье народа, стремление вернуть Франции короля и утопить ее в крови невинных людей, желавших лишь одного – свободы. А ведь именно в этом был повинен ваш любовник, гражданка. Он был солдатом узурпатора, он пал на поле боя.

– Вы заблуждаетесь! Уверяю вас, он никогда не служил монархии. Ему было вполне комфортно при республике. Шарль не интересовался политикой.

– Или вам известно куда меньше, чем я думал, – разочарованно проговорил Сен-Жюст, – или вы искусно лицедействуете.

– К чему мне обманывать вас? – пожала плечами молодая женщина. – Шарль мертв. Помнится, вы поклялись, что ему уже ничто не угрожает. Неплохая шутка! – она горько усмех-

нулась. – Боюсь, что не смогу сообщить вам ничего интересного. Чего еще вы ждете от меня? Признания в участии в роялистском заговоре? Вы его не получите.

– Сожалею, что приходится разочаровывать вас, гражданка, но ваша особа мне не интересна. Мне нужны только ваши друзья и друзья вашего любовника.

– А-а... – протянула Элеонора. – Мои друзья... Ну конечно! Ведь именно с них мы начали наше знакомство, с моих друзей. Я назвала вам всех, заслуживающих внимания.

– Ваших – возможно, но не друзей Лузиньяка.

– У него не было друзей. Во всяком случае, я их не знала. Он приходил ко мне, когда хотел, уходил, когда ему вздумается. Ни о чем не рассказывал, да я ни о чем и не спрашивала.

Она говорила, растягивая слова, с какой-то грустной ностальгией в голосе, не смотря на сидевшего напротив человека.

– Неужели он никогда не упоминал имени Барера? – спросил Сен-Жюст.

Элеонора встрепенулась и подняла на него вопросительный взгляд.

– Барера? – повторила она, проверяя, правильно ли расслышала имя. – При чем здесь Барер?

– При том, что Шарль де Лузиньяк был агентом Бертрана Барера. И что-то мне подсказывает, что вы прекрасно знали об этом.

– Нет, клянусь вам! – Сен-Жюсту пришлось признать, что этот возглас был совершенно искренним. – Я ничего не знала... Как странно. Очень странно... – она встала и нервно прошлась по комнате, сжав пальцами виски, будто пытаясь справиться с мыслями. – Вы уверены? – она обернулась к нему и, поймав его взгляд, кивнула: – Да, вы уверены. Впрочем... Вы правы: я бы знала, не могла бы не знать... И тем не менее... – она глубоко вздохнула и добавила: – С ними никогда ни в чем нельзя быть уверенной...

– С ними? С кем – с ними? – резкий вопрос Сен-Жюста заставил ее вздрогнуть.

Элеонора облокотилась о стену и растерянно покачала головой.

– Я совершенно запуталась. Только что вы назвали Лузиньяка агентом роялистов, а сейчас говорите, что он служил Бареру, но ведь Барер... – она запнулась, встретив его напряженный взгляд, словно буравивший ее насквозь, и закончила, опустив глаза: – ...ведь Барер – депутат Национального конвента, член Комитета общественного спасения. При чем тут роялисты?

– Вот и мне бы хотелось это знать, – пробормотал Сен-Жюст. – Какая связь может быть между агентом Барера и драгоценностями казненной королевы, найденными в его кармане? В этом мне и нужна ваша помощь. И если я ее получу, даю слово, что вы выйдете отсюда немедленно!

Элеонора провела ладонями по лицу, медленно подошла к Сен-Жюсту и села на стул.

– Послушайте, гражданин Сен-Жюст, – проговорила она, положив локти на стол и опустив подбородок на скрещенные пальцы. – Не знаю, поверите вы мне или нет, но я действительно готова рассказать вам все, что мне известно. Признаться, я перестала что-либо понимать в связях Шарля. Мне трудно поверить тому, что вы говорите, хотя я понимаю, что вам нет нужды обманывать меня. Боюсь, я знаю еще меньше, чем вы. Роялисты, Барер, королевские драгоценности – все это с трудом укладывается у меня в голове. Я только сейчас начинаю осознавать, что совершенно не знала этого человека. Похоже, он скрывал от меня страшные тайны, стараясь, по-видимому, уберечь от обвинений в причастности к его делам...

– Старался уберечь вас или себя? – саркастически уточнил Сен-Жюст и, заметив ее удивление, добавил: – При первом же допросе вы выдали бы его Комитету общей безопасности. К чему рисковать, доверясь слабой женщине?

Она лишь молча опустила голову.

– Почему вас удивила его работа на Барера? – спросил Сен-Жюст, выдержав короткую паузу.

– А вас она не удивила? – Элеонора вскинула голову и с вызовом взглянула на депутата. – Ваш коллега связан с агентом роялистов, и вы спрашиваете, почему это удивляет *меня*?! Выходит, *вас* это не удивляет?

– Я давно уже перестал чему-либо удивляться, – признался он. – В наше-то время!..

Она пожала плечами и ничего не ответила. Сен-Жюст не торопил ее. Он быстро взглянул на карманные часы: почти половина девятого. Пора в Комитет. Убитый агент Барера подождет, а члены правительственных Комитетов ждать не будут. К тому же, ему необходимо было переговорить с Робеспьером до начала заседания.

– Что ж, – он встал и убрал бумаги в кожаный портфель, на котором было вытеснено его имя. – Продолжим через пару дней.

Элеонора подняла на него умоляющий взгляд.

– О нет, я не могу и дальше оставаться здесь! – в ее глазах заблестели слезы. – Вы же обещали...

– Я сказал, что мне нужна ваша помощь. Я ее пока не получил, – проговорил он, направляясь к выходу. – Надеюсь, через пару дней вы вспомните что-нибудь, что могло бы помочь нам обоим. Я отправлю посыльного к вашей горничной за теплыми вещами.

И он вышел, оставив дверь открытой. Элеонора увидела, как, отдав тихий короткий приказ тюремщику, он быстро зашагал по слабо освещенному узкому коридору.

4 вантоза II года республики (22 февраля 1794 г.)

Заседание 22 февраля 1794 года (или 4 вантоза Второго года, по новому революционному календарю), на которое торопился Сен-Жюст, обещало стать историческим. В этот вечер к Комитету общественного спасения должен был присоединиться Комитет общей безопасности, ведь на повестке дня стоял вопрос государственной важности: выработка общей стратегии правительства в борьбе против фракций, раздиравших Французскую республику. Речь шла, ни много ни мало, о спасении республики и сохранении неделимости ее территории.

За полчаса до заседания Зеленая комната начала заполняться членами правительственных Комитетов и секретарями. Последние молча рассаживались по местам, раскладывая перед собой бумаги, в которых могла возникнуть необходимость. Первые же, разбившись на небольшие группы, вполголоса обменивались последними новостями и обсуждали дневное заседание Национального конвента, депутатами которого они все являлись.

Барер появился под руку с Вадье. Несколько членов Комитета общей безопасности шумно приветствовали своего председателя, а один из них, высокий и статный Андре Амар, приблизившись, шепнул ему на ухо несколько слов.

Вадье слегка кивнул и обратился к Бареру:

– Прости, друг мой, здесь наши пути расходятся.

Барер понимающе улыбнулся:

– К счастью, ненадолго.

Вадье с Амаром вышли из зала. Барер же, заметив Жака Николя Бийо-Варенна, перебиравшего бумаги, хаотично раскиданные на столе, направился к нему.

Прямо с порога Сен-Жюст окинул комнату быстрым взглядом и сразу же отметил отсутствие двух коллег – Робеспьера и Давида.

Живописец Давид не любил ночных заседаний и появлялся на них только в исключительных случаях (впрочем, сегодня был именно один из них), да и то всегда с опозданием. Отсутствие же Робеспьера заставило Сен-Жюста нахмуриться: неужели тот, кого прозвали Неподкупным и кто пользовался колоссальным авторитетом как у парижской бедноты – санкюлотов, так и у депутатов Конвента, не примет участия в дискуссии?! Выходит, Барер с его хваленым дипломатическим даром не смог заставить Робеспьера явиться на заседание?

Словно догадавшись, что Сен-Жюст подумал именно о нем, Барер махнул рукой коллеге, приглашая его присоединиться к нему и Бийо. Протиснувшись между столами, вокруг которых члены Комитетов – кто громко, кто напряженным шепотом – обсуждали положение дел, пытаясь проникнуть в намерения друг друга, Сен-Жюст оказался рядом с Барером и Бийо.

– Робеспьер знает, о чем пойдет речь сегодня? – спросил он у Барера, и тот услышал осуждающие нотки в его голосе. – Насколько я понимаю, ты последним видел его.

– Я говорил ему о заседании... – начал Барер почему-то извиняющимся тоном.

– И?

– Он обещал быть.

– Он придет, – заверил Бийо, высокий и худощавый человек тридцати восьми лет с острым носом и хитрым взглядом лисицы. – Вот увидишь. В его же интересах присутствовать при обсуждении нашей политики по отношению к его друзьям-дантонистам.

Сен-Жюст посмотрел на каминные часы, показывавшие без десяти минут девять, и с сомнением покачал головой.

– Как продвигается твоя речь? – сменил тему Бийо. – Колло с таким восторгом расхваливал идею с имуществом подозрительных. Я поддерживаю ее, если потребуется. Это ровно то, что нам сейчас нужно!

– Именно, – согласно кивнул Сен-Жюст. – Если мы станем в глазах санкюлотов большими радикалами, чем Эбер и его клика, они потеряют свою популярность, – он помолчал немного и добавил, не спуская с Бийо цепкого взгляда: – Мы должны также убедить Робеспьера пожертвовать Демуленом. В этом я тоже могу на тебя рассчитывать?

– Бийо придерживается того же мнения, что и мы с тобой, – ответил за коллегу Барер. – Ударить по обеим фракциям, иначе... – он осекся и уставился на дверь.

– А вот и Робеспьер! – воскликнул Бийо, оборачиваясь в том же направлении. – Я же говорил!

Максимилиан Робеспьер с портфелем подмышкой, в старомодном накрахмаленном парике, щегольском темно-синем сюртуке, бежевых, чуть ниже колен панталонах, белоснежных шелковых чулках и туфлях с начищенными до блеска пряжками, возник на пороге Зеленой комнаты, встреченный шумными приветствиями. Скромный и даже как будто застенчивый тридцатилетний адвокат из Арраса с тихим голосом, бесцветными глазами и землистым цветом лица был кумиром парижан и одним из лидеров Якобинского клуба, самого посещаемого из всех клубов республики.

– Прекрасно, – довольно пробормотал Сен-Жюст. – Теперь все в сборе. Я оставлю вас, – обратился он к собеседникам. – Рад, что мы поняли друг друга.

Подойдя к окруженному коллегами Робеспьеру, принимавшему поздравления с выздоровлением, Сен-Жюст приветливо кивнул ему.

– Рад тебя видеть, – только и сказал он.

– Слышал о твоём избрании председателем Конвента, – ответил Робеспьер, слегка улыбуясь. – Мои поздравления.

Больше ни слова при посторонних. Сен-Жюст, помедлив, едва заметно мотнул головой в сторону, приглашая Робеспьера присоединиться к нему, и направился к самому дальнему окну, возле которого за столом расположились три секретаря Комитета общей безопасности.

Робеспьер поблагодарил коллег за радушный прием и последовал за ним.

– Граждане, – обратился Сен-Жюст к секретарям, – оставьте нас на пару минут.

Те послушно встали и отошли к соседнему столу.

– Я уже думал, что ты не придешь, – заговорил Сен-Жюст, понизив голос.

– Я встретил Вадье и Амара на лестнице. О чем это они там шепчутся? – Робеспьер сделал вид, что не расслышал замечания собеседника.

– Понятия не имею, – небрежно бросил Сен-Жюст. – Их секреты меня не интересуют. Куда больше меня заботит, чью сторону ты намерен принять сегодня.

– Опасаешься, что мы окажемся по разные стороны барьера, Антуан? – прищурившись, спросил Робеспьер.

– Надеюсь, ты в курсе, о чем пойдет речь?

– Я знаю, что тебе нужно, – Робеспьер положил портфель на стол и поправил очки. – Ты хочешь голову Демулена. Я уже говорил тебе, что не готов жертвовать друзьями. У меня их почти не осталось. Мы с Камиллом слишком долго знаем друг друга, чтобы я мог сомневаться в его патриотизме.

– Ты читал его газету, – зашипел Сен-Жюст, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать. – По-твоему, это мысли патриота?!

– Он уже несколько недель ничего не пишет. И не напишет, можешь мне поверить, – заверил Робеспьер. – Камилл не опасен для республики.

– А Дантон? – возразил молодой человек. – Он тоже безобиден?

– Дантон – другое дело. Но Дантон нам сейчас крайне необходим. Эбер с его экстремистскими требованиями – вот наш главный враг. Дантон и Камилл действуют в наших интересах, взяв борьбу с ним на себя. Разобьем Эбера – тогда посмотрим.

– Тогда будет слишком поздно, – ответил Сен-Жюст. – Надо решать сейчас, сегодня. Для этого мы и собрались.

– Видно будет, – холодно заключил Робеспьер и потянулся к портфелю.

– Комитет безопасности встанет на мою сторону, – заверил Сен-Жюст. – Половина Комитета спасения тоже. Ты останешься в меньшинстве.

– Не уверен, – бросил Робеспьер и, желая покончить с тяготившим его разговором, посмотрел на часы. – Четверть десятого. Пора бы начинать.

Он направился к своему месту, призывая собравшихся последовать его примеру.

Вадье и Амар вошли в Зеленую комнату в сопровождении еще нескольких членов Комитета безопасности, прибывших только что.

Сен-Жюст занял место между Барером и Бийо-Варенном, рядом с последним примостился его товарищ Колло д'Эрбуа. Члены Комитета общей безопасности расположились вокруг своего председателя Вадье. Секретари усадились за дальними столами.

– Удалось чего-нибудь добиться от Робеспьера? – шепнул Барер на ухо Сен-Жюсту.

Тот лишь покачал головой.

– Дорогие коллеги! – Бийо-Варенн возвысил голос, стараясь перекрыть громкую тишину, воцарившуюся в Зеленой комнате и составившуюся из перешептываний двух десятков человек.

Члены Комитетов замолчали и посмотрели на говорившего.

– Чтобы резюмировать цель чрезвычайного заседания двух правительственных Комитетов, о которой вы уже, безусловно, догадываетесь, предлагаю предоставить слово Сен-Жюсту, подготовившему несколько интересных предложений, которые будут вынесены на обсуждение Комитетов.

Сен-Жюст кинул Бийо благодарный взгляд. Тот ответил ему ободряющей улыбкой. Они поняли, что в этой партии играют на одной стороне.

Молодой человек поднялся и заговорил строгим и несколько высокомерным тоном, каким учитель обычно объясняет урок ученикам:

– Дорогие коллеги, ситуация, в которой находится республика, крайне тяжела. После первых побед французские армии с трудом удерживают отвоеванные позиции, солдаты нуждаются в самом необходимом – обуви, продовольствии, оружии. Но главным нашим врагом является вовсе не неприятельская армия. Враги, действующие внутри страны, куда опаснее врагов внешних. Именно они распространяют ложные слухи, порочащие республику, плетут

интриги с целью уничтожить революционное правительство и настраивают население против Конвента и его Комитетов. Франция наводнена шпионами Англии, английское золото подбивает курс ассигнатов, подкупает чиновников и даже депутатов Национального конвента. Продовольственная проблема в городах порождает недовольство, которым пользуются агитаторы-экстремисты, настраивая народ против правительственных Комитетов.

Он сделал паузу и окинул внимательным взглядом собравшихся, словно выискивая, не скрываются ли продажные слуги народа и среди членов Комитетов.

– Но, – продолжил Сен-Жюст, возвышая голос, – еще опаснее этих шпионов те, кто называют себя революционерами, пряча под маской патриотизма и любви к отечеству планы по уничтожению свободы; те, кто сеет раздор в Конвенте и издает газеты, призывая сменить правительство, – быстрый взгляд в сторону Робеспьера. – И неважно, исходит этот призыв от тех, кто, вместе с Эбером, требует усилить террор и заставить гильотину работать с удвоенной силой, или от тех, кто, подобно Дантону, ратует за разрушение тюрем и освобождение подозрительных, оказавшихся там в результате бдительности Комитета общей безопасности, – короткий кивок в сторону Вадье, тонко улыбнувшегося комплименту. – Именно эти две фракции, две преступные клики, одна из которых заседает среди вас в Конвенте, а другая оккупировала Парижский муниципалитет, представляют самую серьезную угрозу для республики и торжества свободы. Уже несколько месяцев в прессе и на трибунах революционных клубов мы наблюдаем дуэль эбертистов и дантонистов. Наблюдаем молча, снисходительно, проявляя тем самым слабость к друзьям и коллегам, примыкающим к этим группировкам.

Сен-Жюст замолчал и посмотрел на Робеспьера. Тот сидел, положив локти на стол и сжав виски кончиками пальцев. Его неподвижный взгляд был устремлен в пустоту.

– Пора покончить с преступным молчанием, с немым ожиданием, кто же одержит верх в этой жестокой борьбе, – продолжал оратор. – Комитеты не имеют права и дальше оставаться в стороне.

Правители согласно закивали.

– Именно с целью нарушить нейтралитет Комитетов в борьбе фракций мы и собрались сегодня, – подытожил молодой человек. – Нам необходимо принять решение, каким образом и на чьей стороне мы включимся в игру. От этого решения зависит не только судьба революционного правительства и ваша судьба как его членов, но и судьба Французской республики, свобода и счастье нации.

Красивый финал, поздравил себя Сен-Жюст и опустился на стул.

– Прекрасные слова! Лучше и не скажешь! – раздалось несколько голосов.

– Насколько я могу судить, – медленно, подбирая каждое слово, заговорил Робеспьер, когда возбуждение, вызванное коротким выступлением оратора, стихло, – у тебя готовы предложения, как должны поступить Комитеты. Интересно было бы их послушать.

Сен-Жюст движением головы отбросил со лба прядь волос и с вызовом посмотрел на Робеспьера.

– Да, у меня есть предложения! – сказал он. – С этими предложениями я ознакомил некоторых коллег из Комитета общественного спасения и встретил полную их поддержку.

Он посмотрел, ища подтверждения своим словам, направо, где сидели Колло и Бийо, и налево, где вальяжно раскинулся Барер. Все трое ответили кивком головы.

– Дозволь же и нам услышать, что ты предлагаешь, – все так же спокойно, даже слишком спокойно попросил Робеспьер.

– Ну что ж, – Сен-Жюст набрал воздух в легкие и шумно выдохнул. – Я убежден, что Комитеты должны разгромить обе фракции. Дантонисты с призывами к всеобщему милосердию не менее опасны, чем эберисты с идеей утопить Францию в крови. Пока в республике останется хоть одна воля, отличная от воли правительственных Комитетов, свобода не восторжествует.

– Интере-есно, – протянул Робеспьер. – И все члены Комитетов согласны с этим? – он обвел присутствующих испытующим взглядом.

– Я согласен, – откликнулся Барер, верный своему слову.

– Я тоже, – подхватил Колло.

– И я, – раздался голос Бийо-Варенна.

– Комитет общей безопасности разделяет мнение Сен-Жюста, – ответил Вадье за весь свой Комитет, дав в очередной раз понять, что именно он – и он один – определяет политику главного полицейского органа республики.

– В принципе, мы все согласны с этим предложением, – раздался громкий, хорошо поставленный голос Лазаря Карно, выделявшегося среди коллег военной выправкой, немедленно выдававшей в нем выпускника Военно-инженерного училища. – Однако мне хотелось бы напомнить, с какими противниками нам предстоит столкнуться, включись мы сейчас в борьбу фракций. Думаю, каждый из вас помнит, что Дантон еще не потерпел ни одного поражения на трибуне и что Демулен пользуется безусловным авторитетом у депутатов, а его газета продается...

– Продавалась, – поправил Сен-Жюст.

– Пусть так, – кивнул Карно, одарив коллегу злым взглядом. – ...Продавалась огромным тиражом. Сен-Жюст совершенно справедливо напомнил, что за Эбером стоит весь Парижский муниципалитет, тот самый муниципалитет, который сверг с престола Людовика XVI и настоял на изгнании из Конвента, а затем и казни двух десятков депутатов от Жиронды еще каких-то полгода назад. Отдаешь ли ты себе отчет, Сен-Жюст, что, выступив разом против обеих фракций, ты объединишь их лидеров против Комитетов? Случись это, я не ручаюсь за голову ни одного из нас.

– Ты, как всегда, разумен и осторожен, Карно! – воскликнул Бийо, и в этом возгласе слышался вовсе не комплимент.

– Кому-то надо быть осторожным, – вступился за Карно его помощник по Военному бюро тридцатилетний Клод Приер, обладатель приятной наружности и не менее приятного голоса, действовавшего успокаивающе среди самых жарких диспутов, которых Зеленой комнате пришлось повидать немало. – Поспешность никогда не была добродетелью политиков.

– Зато стремительность всегда была добродетелью революционеров, – все больше распалялся Бийо.

– Выступить сразу против обеих фракций – это безумие, – все так же тихо проговорил Робеспьер. – Выступить против Дантона сейчас, когда он так успешно борется против Эбера, – еще большее безумие. Я поддерживаю Карно: осторожность превыше всего.

– Малейшее промедление губительно для Комитетов, – возразил Барер. – Еще немного – и мы потеряем возможность влиять на события. Кстати, где гарантия, что Дантон одержит верх над Эбером, а не наоборот? У Коммуны Парижа есть надежный способ расправиться с неугодными депутатами: осадить Конвент и потребовать их выдачи народу. Мы уже видели это на примере жирондистов. Подобного произвола больше допускать нельзя!

– Согласен, – кивнул Робеспьер. – Но объявлением войны Эберу мы не предотвратим восстания Коммуны, скорее, напротив, только сильнее разожжем едва теплющийся костер мятежа.

– Никто и не говорит об открытом объявлении войны, – возвысил голос Сен-Жюст. – Никто не говорит о борьбе против двух фракций одновременно. Разом выступить против эбертистов и дантонистов означало бы заставить их сплотиться против Комитетов, как верно заметил Карно. Фракции надо разбивать поодиночке. И для этого вовсе не обязательно открыто заявлять о поддержке одной из них и объявлять войну другой.

Молча наблюдая за разногласиями членов Комитета общественного спасения, Вадье мысленно поздравил себя с тем, что в его ведомстве ничего подобного произойти бы не могло.

Недаром члены Комитета общей безопасности молча ожидали, к кому примкнет их председатель, чтобы затем единогласно поддержать его.

– Каковы твои конкретные предложения? – спросил Робеспьер.

– Наносить скрытые удары по обеим кликам, чтобы ни одна из них не чувствовала за собой поддержку Комитетов, и в то же время предлагать меры, более популярные, чем те, что предлагают наши противники, – ответил Сен-Жюст.

– Нет, так не пойдет, – вступил наконец Вадье, с лисьей улыбкой обводя взглядом собравшихся. – Затевая игру в кошки-мышки, мы должны выбрать, кого поразить первым. Играя одновременно на два фронта и нанося удары по обеим фракциям, мы и сами не заметим, как будем втянуты в бесконечную борьбу интересов. Подобная политика опасна для нашего собственного единства. Нам надо решить сегодня раз и навсегда, в какой последовательности мы собираемся уничтожать фракции. Разбив одну из них с помощью другой, можно будет приняться за вторую. Только так мы сохраним гармонию в правительстве.

Это предложение было, безусловно, мудро. Барер обменялся с Вадье понимающим взглядом. Карно одобрил его слова решительным кивком головы. Сен-Жюст постарался скрыть довольную улыбку: предложение Вадье полностью соответствовало его собственным представлениям о стратегии Комитетов. Робеспьер молчал, закусив нижнюю губу и не поднимая глаз от лежащего перед ним портфеля.

– С кого предлагаешь начать *ты*, Вадье? – глухо спросил Карно, нарушив повисшую паузу.

– С Дантона, – приговор Великого инквизитора был безапелляционен.

– Кто бы сомневался, – еле слышно прошептал Сен-Жюст.

Все взгляды, как один, устремились на Максимилиана Робеспьера. Тот медленно поднял голову от стола и в упор посмотрел на Вадье.

– Это было бы большой ошибкой, – только и сказал он.

– Ты предпочитаешь оставить его в живых, это очевидно! – закричал Колло д'Эрбуа, страстно ненавидевший Дантона.

– Так не получится, Робеспьер, – вмешался Бийо. – Помочь одной фракции одержать победу над другой и затем позволить ей наслаждаться плодами этой победы означает усилить ее и сделать серьезным противником революционного правительства. Слишком большой риск.

– Я не сказал, что отказываюсь выступать против Дантона, – возразил Робеспьер. – Я лишь сказал, что начать с дантонистов было бы серьезной ошибкой.

– Ну что ж, – пожал плечами Барер. – Начем с Эбера. В конце концов, какая разница?

– Разница колоссальна! – с пылом отозвался Робеспьер. – Свалить Дантона мы сможем и без помощи Эбера, а вот выступить в одиночестве против усилившихся после гибели Дантона эбертистов – вряд ли. Нам необходима помощь умеренных для победы над экстремистами.

– Какие гарантии мы получим, что, расправившись с Эбером, ты станешь помогать нам в борьбе с Дантоном? – подозрительно спросил Амар, правая рука Вадье, все это время молча сидевший рядом с шефом. Ни для кого не было секретом, с какой ненавистью относились эти двое к Народному трибуну, как именовали Дантона в Конвенте.

– В яблочко! – пробормотал Сен-Жюст.

Барер, расслышавший эти слова, понимающе улыбнулся.

– Мои главные гарантии – воля к свободе и любовь к отечеству, – надменно проговорил Робеспьер, смерив Амара презрительным взглядом. – Еще никто и никогда не получал возможности усомниться в моих чувствах к республике. Если Дантон препятствует счастью французского народа, я первым выступлю против него.

Вадье наклонился к Амару и зашептал ему что-то на ухо. Тот слушал сосредоточенно, периодически кивая.

– Комитет общей безопасности согласен включиться в борьбу фракций на стороне дантонистов при условии, что наш докладчик выступит в Конвенте с разоблачением наводнивших страну заговоров, – озвучил Амар позицию своего Комитета, вернее, позицию его председателя.

– В этом нет необходимости, – отозвался Карно, относившийся куда с большей симпатией к умеренным, чем к экстремистам. – К чему раньше времени раскрывать наши карты?

– А почему бы и нет? – воскликнул Колло. – Достаточно лишь, чтобы ваш докладчик говорил от имени одного Комитета общей безопасности. В конце концов, заговоры – это ваша епархия.

– Я против, – возразил Робеспьер. – Доклад должен быть сделан от имени обоих Комитетов, и сейчас слишком рано.

– Я согласен с Робеспьером, – сказал Карно.

– Если такой ценой мы получим поддержку Комитета безопасности, я не стану возражать, – откликнулся Барер.

– Мой Комитет принимает равное участие в борьбе с врагами республики, – проговорил Вадье. – И он имеет такое же право на публичные выступления, как и Комитет общественного спасения. Мы готовы выступить против Эбера лишь на этом условии.

– Нам остается только уповать, что доклад будет направлен на достижение нашей общей цели, – с легкой издевкой отозвался Сен-Жюст. – Но что-то подсказывает мне, что Комитет безопасности воспользуется трибуной исключительно для того, чтобы в очередной раз подчеркнуть свою значимость для...

Он не договорил, почувствовав на себе напряженный взгляд членов правительственных Комитетов. Он сказал слишком много и понял это. Сейчас не время разжигать огонь ревности и соперничества между двумя органами управления.

– О чем вы намерены доложить Конвенту? – обратился Барер к Вадье, пытаясь замять неловкость.

– Мы подготовим почву для более конкретной атаки против эбертистов и в то же время дадим понять дантонистам, что не собираемся терпеть снисхождения к врагам республики, – ответил Вадье. – Если ты опасешься, что мы вторгнемся в сферу твоих интересов, Сен-Жюст, можешь не волноваться. Обвинительную речь мы оставим тебе, – добавил он, криво усмехнувшись.

Сен-Жюст предпочел промолчать.

– Что ж, если по-другому твоей поддержки не добиться, Вадье, черт с тобой, – сухо проговорил Робеспьер.

Вадье растянул губы в довольной улыбке.

– При одном условии, – добавил Неподкупный. Улыбка немедленно слетела с уст главы политической полиции. – В этом докладе не должно быть названо ни одного имени: ни Эбера, ни Дантона, ни тем более Камилла Демулена. Ты даешь мне слово?

– Ты действительно считаешь сберечь Демулена?! – Сен-Жюст больше не скрывал своего раздражения. – Неужели ты еще не понял, что он будет скошен той же косой, что и Дантон?! Они слишком тесно связаны друг с другом!

– Замолчи! – резко оборвал его Робеспьер. – Твоя ненависть к Камиллу всем известна. Так ты согласен? – обернулся он к Вадье.

– Да, – ответил тот. – Для имен слишком рано. Хотя Сен-Жюст прав: при падении Дантона падение Демулена неминуемо.

– Это мы еще увидим, – неопределенно отмахнулся Робеспьер.

– Итак, решение принято, – торжественно проговорил Барер, поднимаясь со своего места. – Комитеты включаются в борьбу фракций на стороне умеренных, поставив при этом

целью поразить обе группировки. Комитет общей безопасности представит доклад... – он запнулся и обратился к Амару: – Ты будешь докладчиком?

– Я предлагаю поручить доклад Дюбаррану, – ответил за него Вадье. – Что скажешь? Я готов помочь, – эти слова обращались уже к потенциальному докладчику, сидевшему чуть в отдалении от своего председателя. Тридцатитрехлетний Жозеф Дюбарран не был блестящим оратором, но заслужил репутацию безжалостного служителя суровых законов республики, за что пользовался особой благосклонностью Вадье.

– Хорошо, – кивнул Дюбарран. – Когда нужен доклад?

– Не стоит затягивать, – вмешался Колло. – Пары дней хватит на подготовку речи?

– Думаю, да, – поразмыслив, отозвался Дюбарран.

– Вот и отлично, – одобрил Колло.

– Итак, – продолжал подытоживать Барер, – 7 вантоза Конвенту будет представлен доклад о заговорах в республике от имени Комитета общей безопасности. Можно считать, что первый вопрос повестки дня решен. Осталось лишь определить стратегию борьбы против экстремистской фракции.

– Уверен, что и тут у Сен-Жюста готов план действий, – злая ирония, слышавшаяся в тоне Робеспьера, заставила членов правительства недоуменно переглянуться: они привыкли считать этих двух не только единомышленниками, но и друзьями.

– Верно, – ответил Бийо-Варенн за Сен-Жюста. – У Сен-Жюста есть план, и еще какой!

Неподкупный с интересом обернулся к молодому человеку, с самодовольным видом поднявшемуся со своего места.

– Идея принадлежит не мне, – скромно начал он, – а члену революционного комитета Руана. Однако прежде, чем представить ее на суд Комитетов, позволю себе краткую преамбулу. Почему так трудно выступить против Эбера и других сторонников экстремистской политики? Потому что они полностью завладели умами народа, выставляя себя в качестве единственных выразителей его интересов. Чтобы одержать над ними верх, мы должны отнять у них это почетное звание. Мы должны стать еще большими экстремистами, еще большими революционерами, чем они.

Вадье не спускал с оратора внимательного взгляда чуть прищуренных глаз.

– Он прав, черт его побери! – прошептал он на ухо Амару.

– Именно об этом я и подумал, когда прочитал предложение патриота из Руана, – продолжал Сен-Жюст. – И поддержка коллег, находившихся в это время в Комитете, убедила меня, что я на правильном пути.

При этих словах Карно нахмурился. Уж он-то точно был далек от того, чтобы поддержать не только абсурдную, но и опасную идею Сен-Жюста.

– Идея состоит в том, – говорил Сен-Жюст, – чтобы предложить Конвенту принять два декрета, первый из которых постановил бы конфисковывать в пользу республики все имущество подозрительных граждан, подвергшихся аресту, а второй распределял бы его между неимущими патриотами. Как видите, все очень просто. Уверен, что подобное предложение, исходящее от правительственных Комитетов, заставит санкюлотов отвернуться от эбертистов и ослабит их поддержку в народе.

Одобрительный шепот стал ответом на предложение Сен-Жюста.

– То, что надо! – Вадье не смог сдержать возглас восторга. – Прекрасно придумано!

– Считаю, что дело сделано, – шепнул Колло на ухо Сен-Жюсту. – Комитет общей безопасности – наш.

– Подожди, у нас еще нет поддержки Комитета спасения, – так же тихо ответил Сен-Жюст. – Он беспокоит меня куда больше.

– Считаю нужным повторить еще раз... – возвысил голос Карно.

– Я же говорил! – шепнул Сен-Жюст Колло.

– ... что это предложение опасно и противоречит основным принципам республики: свободе, счастью граждан и праву владения имуществом. Мы не можем позволить себе пренебречь всем, за что боремся вот уже пятый год, ради победы над жалкой кучкой экстремистов. Священные и нерушимые права человека должны остаться священными и нерушимыми!

– Сдается мне, что Карно, все свое время посвящающий борьбе с врагом внешним, плохо представляет себе опасность, которую представляет враг внутренний, – наигранно-добродушным тоном проговорил Бийо. – Мы имеем дело не с жалкой кучкой экстремистов, как изволил выразиться дорогой коллега, а с силой, отправившей десятки депутатов на эшафот.

– Все средства хороши, если это приведет к желанной цели, – философски заметил Барер. – Провозгласить – еще не значит применить, не так ли? – небрежно бросил он.

Сен-Жюст слегка улыбнулся и еле заметно кивнул.

– Барер прав, – откликнулся Амар. – План хорош, во всяком случае, ничего другого у нас нет.

– Нас будут судить не только по нашим делам, но и по нашим принципам, – проговорил сидевший рядом с Карно член Комитета общественного спасения Робер Ленде, за этот вечер еще не проронивший ни слова. – Эти декреты покажут другой образ революции, и этот образ испугает наших друзей и обрадует наших врагов, ибо он отвратителен. Я не стану голосовать за это предложение.

– Я тоже, – отозвался Приер.

– К счастью, среди нас еще остались благоразумные люди, – с облегчением выдохнул Карно.

– Что скажешь ты, Робеспьер? – спросил Барер, чувствуя, что выиграть эту партию им будет куда сложнее, чем представлялось вначале.

– Идея мне нравится, – холодно заметил тот. – Только вот представлять эти два декрета надо не в один день. Пусть депутаты свыкнутся сначала с мыслью о конфискации имущества, и тогда, декады через две, мы представим декрет о его перераспределении.

– У нас нет времени, – в тон ему, таким же спокойно-ледяным голосом возразил Сен-Жюст. – Я согласен разделить декреты не более, чем декадой. Через пару декад с фракциями должно быть покончено.

– Ты что, в самом деле, надеешься свалить таких титанов, как Дантон и Эбер, за две декады?! – хихикнул Вадье. – Ну-ну...

– Чем раньше это случится, тем меньше вреда они принесут республике, – парировал оскорбленный его насмешкой Сен-Жюст.

– Предлагаю перейти к голосованию! – возвысил голос Колло, желая положить конец опасным прениям. – Кто из членов Комитетов высказывается за предложение Сен-Жюста?

Десятки рук взлетели вверх.

– Против?

Карно, Клод Приер, Робер Ленде, отвечающий в Комитете общественного спасения за снабжение страны продовольствием, а также Лавиконтери и Гуффруа из Комитета общей безопасности подняли руки и тут же опустили их, осознав свое поражение. Вадье нахмурился: эти двое видели его позицию и осмелились открыто пойти против него.

– Прекрасно! – Барер не скрывал торжества. – Осталось лишь назначить дату двух речей Сен-Жюста об имуществе заключенных.

– Я готов выступить на следующий день после Дюбаррана, – отозвался Сен-Жюст.

– Итак, 8 вантоза, – поставил точку в дискуссии Барер.

– Что до твоего второго выступления, – заметил Бийо-Варенн, – то мне кажется, что оно должно быть сделано до 16 вантоза, пока ты еще занимаешь кресло председателя Конвента. Это избавит нас от лишних дискуссий.

– Здравая мысль, – поддержал его Колло.

Робеспьер с сомнением покачал головой:

– Слишком рано.

– Я сделаю второй доклад через несколько дней после первого, – заверил Сен-Жюст, не обращая внимания на слабый протест Неподкупного.

– Что ж, – Вадье поднялся со своего места. – Похоже, мы обо всем договорились. Покойной ночи.

И не произнеся больше ни слова, он покинул Зеленую комнату. Члены Комитета общей безопасности последовали его примеру.

Уход полицейского Комитета несколько разрядил обстановку. Восемь членов Комитета спасения почувствовали себя среди своих.

– Ты был очень неосторожен с Вадье, – с укором сказал Барер Сен-Жюсту, сказал громко, чтобы слышали все.

– Он тянет одеяло на себя, – покачал головой молодой человек. – Мы не должны этого допустить.

– И все же вы одобрили представление его Комитетом доклада Конвенту, – осуждающе возвысил голос Робеспьер, поднимаясь со своего места и подходя к Бареру, Колло, Сен-Жюсту и Бийо-Варенну, все еще сидевшим за столом.

– А что нам оставалось? – развел руками Бийо. – Будь его воля, он немедленно отрубил бы Дантону голову. Только так можно было получить его согласие на борьбу с эбертистами.

– Ошибаешься, Бийо, – вступил Карно. – Вадье – умный политик. Он не хуже нас понимает, что за Дантона братья не время, если за него вообще стоит братья.

Колло и Сен-Жюст хмуро переглянулись.

– Он бы и так согласился, – продолжал Карно. – Он блефовал, и мы поддались на его блеф.

– И все-таки ты сказал слишком много, Сен-Жюст, – повторил Барер свой укор. – С Вадье надо быть осторожным. Вы видели, кто заправляет в Комитете безопасности. Без его согласия там не принимается ни одно более или менее важное решение.

– Однако Гуффруа и Лавиконтери проголосовали против, – заметил Ленде.

– Гуффруа не задержится в Комитете, – заверил его Барер. – Мы как раз сегодня вечером говорили об этом с Вадье. Старик хочет вышвырнуть его, и что-то мне подсказывает, что он этого добьется.

– Главное, что победа осталась за нами! – сообщил Бийо-Варенн, довольно потирая руки. – Мы получили от старого лиса все, что хотели.

– Вы торопитесь, – повторил Робеспьер, переводя взгляд с Бийо на Сен-Жюста, – вы оба очень торопитесь.

– Мы слишком долго оставались в стороне, – возразил Сен-Жюст. – Необходимо наверстать упущенное. Борясь друг с другом, экстремисты и снисходительные ослабляют Комитеты. Победившая фракция принялась бы затем за нас.

– Покажешь мне свой доклад? – спросил Робеспьер.

– Ты услышишь его в Конвенте, если, конечно, согласишься явиться на заседание, – резко ответил Сен-Жюст. – Уже две декады ты носа из дома не показываешь.

– Я неважно себя чувствовал.

– Однако сейчас ты в прекрасном здравии, – заметил Барер.

– Моя поддержка в борьбе с Эбером вам не нужна. А больше в Конвенте на данный момент ничего не происходит. Но вот с твоей речью, Антуан, я хотел бы ознакомиться заранее...

– Не доверяешь мне? – подозрительно спросил Сен-Жюст. – Опасаешься, что достанется дантонистам?

– Именно, – сухо кивнул Робеспьер. – Боюсь, что ненависть к ним слишком увлечет тебя и испортит впечатление от доклада.

– Не стоит беспокоиться, – заверил Сен-Жюст. – Я не отступлю от намеченной Комитетами политики не трогать дантонистов. *Пока* не трогать, – добавил он.

– Как знаешь, – Робеспьер отвернулся и направился к выходу. – До свидания, граждане, – бросил он, не оборачиваясь, и вышел.

Из приемной раздался сухой грудной кашель, продолжавшийся не менее тридцати секунд, смешиваясь со стуком каблучков о паркет и эхом отлетая от стен пустого зала.

– Какая кошка между вами пробежала? – спросил Бийо Сен-Жюста. – Еще какой-то месяц назад вы казались лучшими друзьями.

– Месяц назад я был в Северной армии, – нехотя ответил Сен-Жюст. – А после возвращения с трудом узнал Робеспьера. Он снова сошелся с Демуленом, и эта дружба не пошла ему на пользу.

– Ах вот в чем дело! – воскликнул Барер. – Кстати, за что вы с Камиллом так ненавидите друг друга?

– Это давняя история, – уклончиво ответил Сен-Жюст, давая понять, что тема закрыта.

– Я заказал кабинет в «Прокопе», – наигранно-беззаботным тоном сказал Бийо, стараясь разрядить обстановку. – Хотите присоединиться?

– Охотно, – отозвался Барер. – Ты пойдешь? – предложил он Сен-Жюсту. – Заодно и обсудим твой доклад.

– Нет, – ответил молодой человек. – Пойду домой. Сегодня был тяжелый день. Речь почти готова, так что обсуждать нечего.

– Я с вами, – сказал Колло.

Карно, Приер и Ленде сделали вид, что не слышали приглашения. Впрочем, зная, от кого оно исходило, не трудно было догадаться, что к ним оно не относилось.

Через десять минут Зеленая комната опустела. Тюильри погрузился во мрак.

5 вантоза II года республики (23 февраля 1794 г.)

На следующее утро Бертрана Барера разбудил солнечный луч, просочившийся в щель между плотными шторами и бивший ему прямо в глаза. Было около десяти утра.

– Дьявол, – пробормотал он, резко поднявшись с кровати, и тут же почувствовал, как пол качнулся под его ногами, а к голове прилила кровь, наполнив ее свинцом.

– Черт бы побрал Колло, – снова выругался Барер, схватившись за голову обеими руками.

Ужин в «Прокопе» затянулся до трех часов утра, и любитель выпить Колло д'Эрбуа, не переставая, подливал бордо в бокалы коллег. Предчувствуя, что утро не будет ранним, Барер, вернувшись, велел камердинеру отменить утренний прием. Тогда же, видимо, он попросил не будить его. Этого Барер уже не помнил, но догадался по тому, что камердинер не появился на пороге его спальни, как всегда, в восемь часов.

Посидев пару минут на кровати и приведя в порядок мысли, Барер вспомнил, что намеревался поговорить с Давидом. Как и предсказывал Вадье, на вечернем заседании Комитетов художник не появился. Барер всегда считал, что живописец Давид был избран в Комитет общей безопасности по недоразумению или, как поговаривали в кулуарах, с целью служить Робеспьеру, его личному другу, глазами и ушами. Вчера Робеспьер присутствовал на заседании, следовательно, глаза и уши Давида были ему не нужны.

Подойдя к окну и отдернув тяжелые светло-голубые шторы, Барер поморщился от яркого февральского солнца, первого вестника приближающейся весны. Он распахнул окно и вдохнул морозный воздух. Это освежило его и придало ясность мыслям. Теперь, когда возникла определенность в политической борьбе, самое время заняться личными делами и приступить к

поискам Элеоноры Плесси. Чем раньше он увидится с Давидом, тем быстрее тот начнет поиски и тем раньше Элеонора обретет свободу. Накинув расшитый золотой нитью красный халат, Барер дернул шнурок.

– Давай умыться, – приказал он явившемуся на зов камердинеру.

Через сорок минут Барер де Вьезак, член Комитета общественного спасения и представитель народа в Национальном конвенте, сел в личный экипаж, приказав ехать к особняку Жака Луи Давида, члена Комитета общей безопасности, главы Комитета по идеологии и главного художника Французской республики.

Тридцатишестилетний живописец встретил коллегу радостным возгласом. Не то чтобы они были очень близки, но Давид любил общество умных и живых собеседников, каким являлся Барер. К тому же, тот, наверняка, принес новости о последнем заседании Комитетов.

– Как я рад тебя видеть! – вскричал Давид, чуть ли не бросаясь в объятия вошедшему в салон Бареру. – Прощу тебя, садись! Ты уже завтракал? Если нет, с удовольствием разделю с тобой трапезу.

Художник обрушил на него поток слов и восторгов, удививших и несколько смутивших посетителя. Барер редко заходил к создателю знаменитой «Клятвы в зале для игры в мяч», той самой картины, над которой Давид работал с самого 1789 года и которая предназначалась для зала заседаний Национального собрания. Именно это полотно, на котором были представлены все самые яркие депутаты начала революции, в том числе и Бертран Барер, и свела последнего с художником. Несколько сеансов позирования повлекли за собой нечастые, но интересные дискуссии, не вылившиеся, правда, в такую крепкую дружбу, которая связывала Давида с Максимилианом Робеспьером или Жоржем Кутоном, еще одним членом Комитета спасения. Тем не менее, они испытывали друг к другу нескрываемую симпатию и взаимный интерес.

Только тут Барер вспомнил, что, торопившись повидать Давида, даже не подумал о завтраке. Несмотря на то, что приближалось время обеда, он согласно кивнул на приглашение хозяина.

Давид довольно потер ладоши и улыбнулся. Его улыбку искажила вздутая левая щека, следствие дореволюционного ранения на дуэли. Этот вечный флюс, оттягивавший вниз губу и деформировавший щеку, мешал Давиду выступать в Конвенте. Его выступления каждый раз были подчеркнуты короткими, и оратору приходилось тщательнее проговаривать слова, произнося их с трибуны. В обычном разговоре дефект речи был почти не заметен, правда, улыбка живописца больше походила на гримасу, но друзья быстро к этому привыкали, а врагов у Давида не было: политических амбиций он не проявлял, а конкуренты-живописцы давно оставили надежду затмить талант и политическое влияние Давида.

Хозяин огромного особняка с просторной мастерской на левом берегу Сены пригласил гостя в столовую. На небольшом изящной работы столе с резными позолоченными ножками их ожидали горячие булочки, джем и кофе.

– Я поздно встаю, – заговорил Давид, намазывая джем на мягкий хлеб. – Так что завтрак в этом доме происходит во время обеда, обед заменен работой в мастерской, а ужин у меня после полуночи. Впрочем, – добавил он, – как у многих из нас.

– Над чем работаешь сейчас? – поинтересовался Барер, стараясь за светской беседой не забыть о цели своего визита.

– Делаю эскизы аллегорических фигур Республики, Разума, Справедливости, Добродетели. Мы же готовим праздник... – ответил художник и тут же осекся.

– Праздник? – удивился гость. – Какой праздник?

– Да так, – отмахнулся Давид, приняв безразличный вид, – ерунда. Провинциальные шествия в честь богини Разума.

– В самом деле? – насторожился Барер. – С каких это пор официальный художник республики увлекается провинциальной самодеятельностью?

– Послушай, – проговорил Давид, – я и так сказал слишком много. Максимилиан просил хранить молчание. Вернемся к этому разговору месяца через три.

– Хм, – покачал головой Барер, – не нравится мне эта история с праздником... К чему такая таинственность?

– Никакой таинственности! – запротестовал Давид, поняв, что слишком много он сказал как раз только что. – Очередная годовщина взятия Бастилии. Робеспьер готовит что-то типа сценария, а я занимаюсь оформлением.

– До 14 июля еще далековато, – пробормотал Барер.

– Мы приближаемся к марту! – вскричал Давид, – а я всего лишь на стадии набросков! Ты даже представить не можешь, сколько времени уходит на подготовку подобных мероприятий!

Он говорил совершенно искренне, и Бареру ничего не оставалось, как согласиться с его доводами. И тут он понял, что судьба сама дает ему в руки возможность заговорить об Элеоноре, не вызвав ненужных подозрений.

– Кстати, – небрежным тоном произнес он, – у меня есть на примете одна модель для твоих аллегорий. Стройна, красива, даже очень красива.

– Я ее знаю? – оживился Давид.

– Возможно, – ответил Барер. – У нее особняк на острове Сен-Луи, она много принимает.

– Уж не об Элеоноре ли Плесси ты говоришь? – на лице художника снова появилась улыбка-grimаса.

Барер притворился удивленным:

– В самом деле! Так ты знаком с ней!

– Я часто посещаю ее салон, кстати, один из лучших в Париже. Единственное, о чем я сожалею, вспоминая аристократическое общество, так это об интеллектуальных салонах. Слишком много политики вошло в нашу жизнь и слишком мало осталось умных и образованных людей, интересующихся искусством и литературой в большей мере, чем ценами на зерно или маневрами французских армий.

– Бурное время оставляет мало места для светских бесед, – согласился Барер. – Мы на войне даже тогда, когда спокойно завтракаем в обществе друзей.

– Вот почему я люблю посещать гражданку Плесси. Она умеет вести беседы и очень удачно подбирает гостей. Редкий талант, почти потерянный в нашем обществе после эмиграции аристократов.

– Ой-ой, – лукаво улыбнулся Барер, – если бы эти слова исходили не от тебя, я бы сильно засомневался в патриотизме произнесшего их.

– Оставь! – отмахнулся Давид. – Мы оба знаем, что это правда. Франция потеряла изящество. Но, – он поднял вверх указательный палец, привлекая внимание собеседника, – кое-что она и приобрела. Подобной свободы выражения искусство не знало со времен Ренессанса. Мы творим нечто совершенно новое, мы создаем новое общество, Бертран. Правда, результатами насладимся уже не мы.

– Как знать, – протянул Барер. – Посмотри, сколько сделано всего за несколько лет!

– Но сколько еще осталось! – возразил художник. – Иногда мне страшно от одной мысли об этом. Как бы ноша, которую мы взвалили на себя, не оказалась слишком тяжелой для наших плеч.

Барер ничего не сказал. В глубине души он был согласен с Давидом, но открыто признаться в этом никогда бы не посмел. Республике нужны смелость и дерзость, слабость неприемлема, более того, она губительна. Давид позволяет себе многое, пользуясь дружбой и защитой Робеспьера. То же думает о себе Камилл Демулен, вспомнил Барер об ироничном журналисте, потому и осмеливается говорить так, как не дозволено говорить никому другому. Впрочем, Камиллу это грозит куда большими неприятностями, чем организатору революционных торжеств.

– Так вот, – заговорил Барер после затянувшейся паузы, которой художник воспользовался, чтобы доесть одну булочку и приняться за вторую, – я бы предложил тебе в качестве модели нашу общую знакомую Элеонору Плесси.

– Я уже предлагал ей позировать мне, – кивнул художник, продолжая жевать.

– В самом деле? – очень натурально удивился Барер. – И что она ответила?

– Обещала подумать. Полагаю, это означает согласие, – гримаса, означавшая улыбку, вновь исказила лицо художника.

– Прекрасно! Значит, ты можешь начать хоть сегодня!

– А вот в этом я сомневаюсь, – покачал головой Давид.

Барер бросил на него вопросительный взгляд.

– Похоже, нашу музу арестовали на днях, – Давид произнес эти слова с небрежностью человека, не очень сожалеющего о потере модели.

– Неужели? – теперь Барер удивился по-настоящему. Удивился осведомленности живописца и его безразличию к судьбе Элеоноры.

– Прямо перед тобой приходил Огюстен Робеспьер, – оживленно заговорил Давид, с аппетитом дожевывая третью булочку. – Он-то меня и разбудил. Пришел весь возбужденный, таким я его никогда не видел. Говорит: только ты можешь мне помочь. Я спросил, в чем дело. А он: ее арестовали, я не знаю, кто, уже несколько дней никаких известий. Я спрашиваю: кого арестовали? А он: Элеонору! Признаться, я сначала подумал, что речь идет об Элеоноре Дюпле, у отца которой квартирует Максимилиан. Но оказалось, что это наша красавица.

– И о чем тебя попросил Огюстен? – Барер старался придать своему тону небрежное равнодушие, давшееся его ревнивой натуре совсем непросто.

– Помочь в ее освобождении. О чем же еще? – пожал плечами Давид. – Бедняга! Решил навестить ее перед отъездом в миссию в Лион, и нате пожалуйста: дама исчезла в неизвестном направлении!

– Верно, ему предстоит длительное отсутствие. Если память мне не изменяет, он собирался пробыть на юге до лета, – Барер почувствовал облегчение.

– Вот-вот, и уезжая, просил меня заняться поисками его подопечной, – кивнул Давид.

– И ты обещал ему?

– Обещал. В конце концов, я тоже пострадал, потеряв модель, да еще какую модель!

– А почему он не обратился за помощью к брату? – эта мысль, настолько очевидная, только что пришла Бареру в голову.

– Ха! – хохотнул Давид. – Хочешь кофе?

Барер машинально кивнул. Давид наполнил маленькую фарфоровую чашечку ароматным напитком и продолжал:

– Ты представляешь реакцию Максимилиана, если он узнает, кто входит в круг общения его брата? Нет-нет, Огюстен ни за что не пойдет к нему.

– Многие посещают ее салон, – пожал плечами Барер. – Ты, я, Эро де Сешель, Карно, Шенье... Да мало ли кто еще.

– Одно дело проводить вечера в обществе красивой женщины сомнительной репутации, – философски заметил живописец, – и совсем другое – проводить с ней ночи.

– Ты думаешь, что Огюстен Робеспьер... – начал Барер, но Давид не дал ему договорить.

– Я не думаю, он сам признался мне в этом только что. Он действительно влюблен в эту женщину. И я его прекрасно понимаю.

Барер молчал. Конечно, он никогда не тешил себя мыслью, что один пользовался особым расположением гражданки Плесси. В конце концов, он тоже не клялся ей в верности до гроба. Но то, что он делил любовницу с младшим братом Максимилиана Робеспьера, обескуражило его.

– И как ты думаешь помочь ему? – спросил он, наконец, стараясь скрыть свою растерянность под маской равнодушия.

– Для начала нужно узнать, кто подписал постановление об аресте и каков его мотив, затем – где ее содержат, а дальше... – Давид замолчал на мгновение, – ... дальше все будет зависеть от ответов на первые два вопроса. Если речь идет о безобидном доносе кого-то из соседей и аресте, осуществленном местным революционным комитетом, моего вмешательства будет достаточно, чтобы вернуть ей свободу. Это вполне в моей компетенции как члена Комитета общей безопасности. Если же против нее выдвинуты серьезные обвинения... – он снова замолчал, но на этот раз так и не закончил мысль.

Впрочем, Барер не нуждался в пояснениях, он и так все понял. Узнав, что приказ исходил из Комитета общественного спасения, Давид не станет вмешиваться. Вадье предупреждал его об этом. Тут Бареру придется действовать самому.

– Дай мне знать, как только получишь информацию о месте ее содержания, – сказал он после короткого размышления. – Обещаю, через два дня у тебя будет твоя модель.

– До-рились, – жуя, пробормотал Давид что-то невнятное.

Барер облегченно вздохнул. Все решилось куда проще, чем он думал. Правда, участие Робеспьера-младшего и, тем более, характер его отношений с Элеонорой Плесси оставили у него неприятный осадок.

– Я обещал Огюстену заняться этим делом сегодня же, – допивая кофе, снова заговорил Давид. – Как разузнаю что-нибудь, сразу сообщу тебе.

– Отлично! – Барер поднялся.

– Уже уходишь? – Давид был явно разочарован.

– Разве тебе не пора в Комитет? – спросил Барер. – Уже полдень.

– Это терпит, часом раньше, часом позже... Я надеялся, что ты расскажешь о вчерашнем заседании.

Барер нехотя снова опустился на стул.

– Обсуждали борьбу фракций, – он старался говорить как можно более кратко, избегая подробностей, чтобы не породить дополнительных вопросов, – приняли решение о двух докладах – Дюбаррана и Сен-Жюста против экстремистов. Вот, собственно, и все.

– Ага, – хитро прищурился Давид, – значит, Дантона и Камилла решили оставить в покое. Робеспьер говорил мне, что добьется своего!

Тут уж Барер не пожалел, что остался.

– Что именно он тебе говорил? – уточнил он, стараясь не выказывать излишней заинтересованности.

– Сказал, что не хочет подвергать Камилла опасности, и что Камилл больше не будет писать, и что Сен-Жюст хочет голову Камилла любой ценой, и что он все меньше видит поддержки в Комитете...

Барер с трудом верил своим ушам. Неужели Робеспьер не опасался, откровенничая с Давидом, что тот будет пересказывать его откровения на каждом перекрестке?!

– И давно ты видел его? – как бы между прочим спросил Барер.

– Позавчера. Я навешал его у Дюпле, и мы проговорили больше часа. Кстати, уходя, я столкнулся с Демуленом. А вот Сен-Жюст, похоже, ни разу не навещил Максимилиана во время его болезни, – в голосе Давида слышался укор, явно позаимствованный у Робеспьера. Этот же укор Максимилиан высказал Бареру, когда тот приходил к нему по просьбе Сен-Жюста несколько дней назад.

– Сен-Жюст очень занят, – зачем-то бросился на защиту коллеги Барер. – С тех пор, как он избран председателем Конвента и начал работу над большим докладом, сомневаюсь, что у него хватает времени даже на сон.

Давид пожал плечами.

– Это меня не касается, – сказал он, – я лишь передаю то, что мне говорил Максимилиан. В конце концов, Демулена он знает с детства. Это кое-чего да стоит, не так ли?

– Определенно, – согласился Барер.

Повисла тяжелая пауза. Каждый из собеседников погрузился в свои мысли.

– Я не стану голосовать за арест Дантона и Демулена, если Робеспьер будет против, – первым нарушил молчание художник.

– В таком случае, тебе придется пойти против председателя твоего Комитета, – напомнил Барер. – Вадье только и думает о том, как бы свалить Народного трибуна. Камилл последует за ним, это неизбежно. Лес рубят – щепки летят.

– Гнев Вадье меня не пугает, – пожал плечами Давид. – Кто, если не я, будет заниматься организацией революционных торжеств! Да и в Комитете общей безопасности я состою не потому, что это надо Вадье, а потому, что это надо Робеспьеру.

Барер согласно кивнул. Ничего удивительного, что Давид чувствовал себя неуязвимым: он таковым и являлся.

Разговор начинал тяготить их обоих. На этот раз сам Давид решил покончить с ним.

– Что ж, – сказал он, поднимаясь, – мне, действительно, пора в Комитет. Я дам тебе знать, как только получу сведения о гражданке Плесси.

Барер снова поблагодарил за завтрак и с облегчением покинул особняк на берегу Сены. Ему стоило только перейти реку, чтобы оказаться у Тюильри. Но он не торопился. Слишком много пищи для размышлений он получил вместе с поздним завтраком. Что за таинственный праздник готовит Робеспьер? Насколько серьезны отношения Элеоноры с братом Неподкупного, и осведомлен ли Огюстен Робеспьер о ее связи с ним, Бертраном Барером? Направляясь к Давиду, Барер надеялся решить одну проблему, а вместо этого получил две другие. «Интересно, кто еще знает о празднике?» – думал он.

Барер стоял, облокотившись о каменный парапет Национального моста, соединяющего левый берег Сены с правым и построенного предком последнего короля Франции, казненного с другой стороны парка Тюильри, на бывшей площади Людовика XV, называющейся теперь площадью Революции. Справа от него находился павильон Флоры, переименованный в павильон Равенства, а за ним – Малая галерея с разместившимся в ней Комитетом общественного спасения. Какие тайны скрывают эти нарядные фасады? И как он, всеведущий Барер, бывший в центре революционных событий четыре с половиной года – с того самого дня, когда собравшиеся в огромном версальском зале для игры в мяч депутаты поклялись не расходиться, пока не сделают милой Франции лучший подарок, о котором только можно мечтать – справедливую конституцию, – как он мог остаться непосвященным в закулисные игры одного из своих коллег? Как он, виртуоз дипломатии, король переговоров, царь интриг, мог покинуть дом Давида, ничего не выведав у далекого от политических интриг художника о готовящемся торжестве, которое Робеспьер – явно не без причины! – держит в секрете?

Холодный влажный ветер, обдувавший лицо и пробиравший до самых костей, вывел Барера из тревожного раздумья. Через пять минут он уже поднимался по широкой мраморной лестнице, ведущей в Зеленую комнату.

6 вантоза II года республики (24 февраля 1794 г.)

Утром 24 февраля Огюстен Лежен, служащий Министерства иностранных дел Французской республики, вскочил с постели в шесть утра. Добровольно он ни за что не совершил бы подобного подвига, но когда тебе приносят записку от члена Комитета общественного спасения с приглашением в гости, отказаться невозможно. Тем более что приглашение это очень напоминало приказ.

– Они там вообще спят? – недовольно ворчал клерк, натягивая панталоны и сапоги из коровьей кожи, привычку носить которые он приобрел в армии и сохранил на гражданской службе, где состоял уже полгода.

Выйдя из дома в начале седьмого утра, когда зимний Париж был погружен во тьму и тишину, Лежен глотнул морозный воздух, который, вслед за умыванием ледяной водой (подогреть ее не было времени), согнал с него сонливость. Благо, путь был недолгий. Но и он мог грозить опасностью прилично одетому одинокому прохожему в накрытом темнотой городе. Впрочем, в этот час даже грабители были погружены в сладостный сон, заключил молодой человек, ускоряя, на всякий случай, шаг, насколько позволяла ему хромота, следствие боевого ранения. Чтобы как-то отвлечься от мыслей о теплой постели, он развлекал себя тем, что придумывал приветственную фразу, которая отразила бы все его негодование и злость.

– Мы не виделись два месяца, и вдруг я ему понадобился в шесть утра! – все больше распалялся он. – Если у него бессонница, притащился бы ко мне сам. Хоть бы извинился, а то: «Ты мне нужен, приходи немедленно»! Слабо напоминает дружеское приглашение!

Спустя четверть часа он остановился у отеля «Соединенные Штаты» и хотел постучать в ворота, когда увидел, что они чуть приоткрыты: его ждали. Поднявшись на второй этаж, Огюстен Лежен толкнул дверь, ведущую в апартаменты пригласившего его. Она подалась.

Он оказался в темной прихожей, в которую из гостиной пробивался лишь слабый свет полыхавшего в камине пламени.

– Входи, входи! – послышался голос хозяина из дальней комнаты. – И закрой дверь на ключ, пожалуйста.

Гость пересек гостиную и оказался в уютном кабинете, служившем также спальней и библиотекой. За столом, на котором возвышались два канделябра, сидел Сен-Жюст и что-то быстро писал.

Он приветливо кивнул Лежену и проговорил, не прерывая своего занятия:

– Подожди пару минут, я почти закончил.

Огюстен взглянул на опрятно застеленную кровать. «Похоже, он, правда, не ложился», – промелькнуло у него в голове. Сняв пальто и шляпу, он опустился в кресло в углу, рядом с двумя шкафами, заполненными книгами, и закрыл глаза. В теплой квартире на него снова накатила дремота.

– Рад тебя видеть, Огюстен! – разбудил его звучный голос.

Лежен встрепенулся и открыл глаза. Сен-Жюст стоял напротив него и, улыбаясь, смотрел на спящего гостя.

– Сожалею, что пришлось поднять тебя ни свет ни заря, – весело проговорил он, но сожаления в его тоне Огюстен не услышал.

– Надеюсь, у тебя была на то важная причина, – проворчал он, стараясь придать своему голосу как можно больше суровости, чем крайне развеселил Сен-Жюста.

– И еще какая! – смеясь, ответил он и заключил поднявшегося с кресла друга в объятия. – Я действительно рад тебя видеть!

Огюстен был тронут таким приемом и вмиг позабыл свой гнев.

– Ты вообще не спал этой ночью? – спросил он, вглядываясь в бледное лицо Сен-Жюста и ища там признаки усталости.

– И не только этой! – ответил тот. – Ты даже себе представить не можешь, сколько работы свалилось на Комитет за последний месяц. Вам в Министерстве и не снилось!

– Это точно, – ухмыльнулся Лежен, – не могу сказать, чтобы я был перегружен работой.

– Слушай, – Сен-Жюст перешел на серьезный тон, – мне, действительно, жаль, что пришлось побеспокоить тебя в такую рань, но дело важное, и я просто не знаю, когда еще у нас будет время спокойно поговорить.

– Ладно, ерунда, – отмахнулся Огюстен. – Рассказывай, что за дело.

Они перешли в гостиную, куда Сен-Жюст перенес канделябры, пододвинули кресла к камину и сели друг напротив друга.

Отблески пламени бросали неровный свет на их мальчишеские лица, и стороннему наблюдателю могло показаться, что это два студента устроились повторить урок или посплетничать о подружках.

Их дружба началась два с половиной года назад, когда никому не известный автор только что опубликованного политического трактата Луи Антуан Сен-Жюст на одном из провинциальных вечеров в Суассоне познакомился с молодым многообещающим юристом Огюстеном Леженом. Первому было двадцать три года, второму едва исполнилось двадцать. Они проговорили до утра и решили повторить встречу. Дискуссии о политике и литературе переросли в крепкую дружбу. Но через год их пути разошлись: Сен-Жюст был избран депутатом Конвента и уехал в Париж, Лежен поступил на военную службу сержантом и отправился в армию. Войдя в состав всемогущего Комитета общественного спасения, Сен-Жюст вспомнил о друге и предложил ему место в Министерстве иностранных дел, пообещав быстрое продвижение, если государственная служба придется тому по душе. Огюстен, получивший к тому времени ранение, закрывшее перед ним военное поприще, переехал в Париж и старался как можно добросовестнее служить Французской республике, хотя и считал свою работу бумагомарательством. Министерства потеряли реальную власть, перешедшую к Комитету общественного спасения, и служили лишь исполнителями исходивших оттуда директив. За те полгода, что молодой юрист жил в Париже, с Сен-Жюстом он встречался от силы раза три-четыре. Это были короткие случайные встречи в коридорах Тюильри или в Комитете общественного спасения, куда Лежен заходил по служебным делам. Долгие дружеские беседы и страстные дискуссии о наилучшем государственном устройстве остались в прошлом, и Огюстен уже не надеялся когда-нибудь снова посидеть с другом у горящего камина.

– Я давно хотел повидать тебя, – начал Сен-Жюст, – но каждый раз возникали неотложные дела. А разговаривать при посторонних в Тюильри мне не хотелось.

Лежен понимающе кивнул.

– У меня к тебе две просьбы, очень серьезные просьбы, – продолжал Сен-Жюст, переходя сразу к делу. – И я рассчитываю не только на твою помощь, но и на твое молчание.

Лежен снова кивнул, приготовившись слушать.

– Не буду вдаваться в ненужные объяснения ситуации в правительстве. Она тебе хорошо известна. Сконцентрировав власть в Комитете общественного спасения, мы добились, наконец-то, эффективного управления делами республики. Конечно, такая организация не является ни конечной, ни идеальной, но на данный момент только она способна успешно функционировать.

Лежен снова кивнул. Это верно, до идеала революционному правительству далеко. Но верно и то, что эта система работает, и довольно эффективно.

– Наверное, любое молодое государство должно пройти через период становления, через войны, бури, через террор, в конце концов, – продолжал Сен-Жюст. У его друга возникло впечатление, что эта преамбула не столько была обращена к нему, сколько служила своего рода моральным оправданием для самого члена правительственного Комитета. – Но скоро этому придет конец. Все мои мысли обращены к тому государству, что мы построим на руинах монархии, как только покончим со всем, что может помешать этому строительству. И покончим мы с ним довольно скоро.

Лежен опустил глаза. Несколько месяцев, проведенных на государственной службе, не позволяли ему разделить уверенность Сен-Жюста.

– Через какой-нибудь месяц не будет больше раздирающих Конвент фракций. Через полгода, а то и раньше мы победоносно закончим войну, и тогда сможем перейти от чрезвычайного управления к нормальному.

«Через полгода?! Ну и оптимизм!» – подумал Лежен, но предпочел промолчать.

– Впрочем, нам придется еще немало потрудиться. Мы должны подготовить Францию к этому переходу, для чего необходимо избавить революционное правительство от внутренних препятствий, мешающих его эффективной и четкой работе. Улавливаешь, о чем я?

Лежен вынужден был признать, что не совсем.

– Комитет общественного спасения контролирует все основные сферы управления, кроме одной, – пояснил Сен-Жюст и сделал паузу, предоставив другу самому догадаться, что он имеет в виду.

Ах, вот он о чем! Лежен не мог сдержать легкой улыбки. Разумеется! Комитет общей безопасности.

Сен-Жюст заметил его улыбку и кивнул:

– Кроме полиции. Вот это-то и не дает мне покоя.

– По-моему, Комитет безопасности вполне справляется с возложенной на него задачей, – робко заметил Лежен.

– Я говорю не о том, что он работает плохо, – отмахнулся Сен-Жюст, – а о том, что контроль за полицией – единственное, чего не хватает Комитету спасения для полной концентрации власти в своих руках. Это ослабляет правительство. Борьба с политическими преступлениями набирает обороты, что порождает произвол в провинции. Комиссары, посланные в департаменты, творят самосуд. В период, когда во Франции царил полный хаос, они сослужили отличную службу республике, но сейчас настало время централизовать систему правосудия. Она должна перейти к Комитету общественного спасения.

– Ты понимаешь, кому перебежишь дорогу? – настороженно, даже испуганно спросил Лежен.

Сен-Жюст лукаво улыбнулся.

– Вот уж не думал, что и ты относишься к числу тех, на кого Вадье наводит такой страх!

Лежен покраснел. Он никогда лично не встречался с главой Комитета общей безопасности, но слышал о нем достаточно, чтобы всем сердцем желать и дальше пребывать в столь счастливом отдалении от него. В конце концов, прозвище *Великий инквизитор*, данное Вадье, вряд ли было случайным.

– Послушай, – проговорил Лежен, немного справившись с волнением, – ты вправе делать все, что тебе вздумается. Но я, на твоём месте, тысячу раз подумал бы, прежде чем упразднить Комитет общей безопасности.

– А кто говорит о его упразднении?! – казалось, Сен-Жюст сам удивился выводу, который друг сделал из его слов. – Я пока еще не лишился рассудка, Огюстен! Разве существование Военного комитета помешало созданию Военного бюро в Комитете общественного спасения? Для того, чтобы контролировать политическую полицию, вовсе необязательно распускать Комитет общей безопасности.

Лежен вынужден был согласиться с другом. Впрочем, это его не очень успокоило. Всем известно, что Военный комитет послушно выполняет распоряжения Комитета общественного спасения, чего нельзя сказать о Комитете общей безопасности, пользующемся полной автономией. Подчинить Комитет Вадье Комитету общественного спасения было равносильно пощечине, нанесенной лично Великому инквизитору. Неужели Сен-Жюст осмелится?!

– Так вот, – продолжал член правительства, поднимаясь со своего места и прохаживаясь по комнате, скрестив руки на груди, – я подумал, что создать полицейское бюро внутри Комитета общественного спасения было бы не такой уж плохой идеей. Мы разгрузим Комитет безопасности, оставив ему руководство делами Революционного трибунала, а сами займемся рассмотрением дел арестованных до того, как они поступят в распоряжение ведомства Вадье. Причем дела эти будут поступать в Бюро полиции со всей Франции, что положит конец произволу на местах. Все приказы об освобождении или отправке в Трибунал будут исходить исклю-

чительно от Комитета общественного спасения. Так постепенно правосудие войдет в нормальное русло, и комиссары в департаментах перестанут распоряжаться жизнью и смертью граждан.

Его голос зазвучал громче, в глазах появился задорный блеск, он все больше воодушевлялся своей идеей, казавшейся решением стольких проблем. Лежен не сводил глаз с расхаживавшего по комнате друга, с трудом веря своим ушам.

– Конечно, это дело не завтрашнего дня, – признал Сен-Жюст, понижая голос, перешедший было на крик. – Сначала надо покончить с фракциями. Но вот через месяц, самое большее, через два, такое бюро будет просто необходимо.

– Комитет общей безопасности никогда не согласится с созданием твоего бюро, – ответил Огюстен, покачивая головой.

– А кто будет спрашивать у него согласия? – Сен-Жюст остановился и взглянул на молодого человека сверху вниз. – Предложение выйдет из Комитета спасения и будет представлено Конвенту. Если Конвент вотирует декрет, в чем я нисколько не сомневаюсь, Комитету безопасности придется подчиниться.

«Еще бы! – подумал Лежен. – Только какого черта тебе понадобилось тринадцать лишних врагов в лице его членов?»

Он сидел в кресле, опустив голову на руку, и молчал. Не желая мешать его раздумьям, Сен-Жюст отошел к окну и взглянул на начинавшую пробуждаться улицу, освещенную бледным утренним светом.

– Ты с кем-то делился этим проектом? – спросил Лежен через пару минут, прервав размышления и подняв глаза на друга.

– Еще нет. Ты – первый, – эти слова были произнесены таким тоном, словно Лежен должен был почувствовать себя польщенным. – Я поговорю об этом с Робеспьером, когда придет время. Ему сейчас не до этого.

И тут Лежен понял, что не случайно Сен-Жюст поднял его в шесть утра. «Что ему от меня-то понадобилось?» – мелькнуло в голове министерского служащего. Слабая догадка начала проникать в его окончательно пробудившийся мозг, и эта догадка ему очень не понравилась. Решив покончить с сомнениями, он подошел к другу и спросил:

– Могу я узнать, чем заслужил честь быть посвященным в твои намерения в семь часов утра?

Вопрос прозвучал резче, чем он рассчитывал. Сен-Жюст с недоумением посмотрел на него, обескураженный подобным тоном, и мягко проговорил:

– Мне нужна твоя помощь, Огюстен.

– Тебе... нужна... моя... помощь? – переспросил Лежен, делая паузу после каждого слова.

– Именно, – кивнул Сен-Жюст. – У меня мало друзей, заслуживающих доверия, и ты один из них.

Это признание вызвало у Огюстена широкую улыбку, но она немедленно слетела с его губ, когда он услышал последовавшие за ним слова:

– Поэтому я и решил предложить тебе возглавить новое Бюро полиции.

Ответа не последовало. Лежен был потрясен и напуган одновременно. Он не знал, что делать: благодарить за честь или молить о пощаде? Впрочем, в одном он был совершенно уверен: его ответом будет решительное *нет*. Сен-Жюст не спускал с него испытующего взгляда, терпеливо ожидая согласия, которое – в этом он нисколько не сомневался – не замедлит последовать. Сделав глубокий вдох, Лежен произнес еле слышно:

– Нет, Антуан.

– Что – нет? – не понял тот.

– Мой ответ – нет, – повторил молодой человек. Его губы дрожали от волнения, он опустил глаза, стараясь не встречаться взглядом с Сен-Жюстом, но даже в тихом голосе Огюстена звучала упрямая твердость.

Сен-Жюст, не отрываясь, смотрел на друга. Столь решительный и прямой отказ поверг его в оцепенение: он не сразу нашелся, что сказать. Избегая взгляда собеседника, Лежен отвернулся к окну, поджал губы и про себя решил не нарушать молчания первым. В конце концов, добавить ему было нечего.

– Я могу узнать причину твоего отказа? – резкий, враждебный голос нарушил давящую тишину. Этот голос был совершенно незнаком Огюстену, никогда Сен-Жюст не говорил с ним таким тоном.

– Послушай, Антуан, – почти умоляюще заговорил Лежен, – ты же знаешь, что такая работа не для меня.

– Это почему же?

Лежен молчал. Как объяснить члену революционного правительства, что разбивать судьбы одним росчерком пера, посылать десятки людей в Трибунал и ежедневно подписывать смертные приговоры дано не каждому? Как объяснить это тому, для кого подобная работа превратилась в рутину?!

– Тебе нечего ответить, – с горечью проговорил Сен-Жюст, – потому что причиной твоего отказа является трусость. Ты разочаровал меня, Огюстен. Ты оказался одним из тех болтунов, что часами разглагольствуют о счастье народа, о справедливом правлении, о благотельной свободе, а когда им предоставляется возможность самим поработать на это самое счастье, поучаствовать в этом самом правлении и побороться за эту самую свободу, заявляют, что такая работа не по ним! Такие люди могут вызвать лишь одно чувство – презрение.

Эти слова были произнесены без всякого выражения. Сен-Жюст все так же стоял у окна, скрестив руки на груди и не спуская с друга острого взгляда. Это спокойствие задело Лежена куда больше, чем самая бурная ярость. Он приготовился уже ответить страстной тирадой, но вовремя удержался. «Он только этого и ждет, – скомандовал себе Огюстен. – Как только я начну обороняться, моя партия проиграна». За тот небольшой срок, что он находился в Париже, молодой человек прекрасно усвоил тактику ораторского искусства, которым Сен-Жюст владел в совершенстве. Лучшее, что мог сделать Лежен, чтобы сохранить достоинство и не потерять друга, это ответить ему тем же равнодушным спокойствием.

– Прости, Антуан, если не оправдал твоих надежд, – заговорил он и сам удивился тому, насколько ровно звучал его голос. – Только ты напрасно теряешь время, оскорбляя меня. Мое решение останется неизменным: никогда моя рука не обречет на смерть.

– Хорошее же у тебя представление о работе Комитетов! – насмешливо проговорил Сен-Жюст, но обиды в его голосе не было. – Впрочем, хочу тебя успокоить. Ты неправильно меня понял, Огюстен, а я, видно, плохо объяснил. Речь идет не о том, чтобы усилить террор, а о том, чтобы его упорядочить. Я прошу тебя не арестовывать невинных, а освобождать невинно арестованных! Я хочу положить конец произволу, а не порождать новый. И только ты можешь мне в этом помочь. Когда ты сказал, что эта работа не для тебя, ты сказал именно то, что я и надеялся услышать.

«Правда? – усмехнулся про себя Лежен. – Мне так не показалось».

– Именно потому, что она не для тебя, только ты и можешь ее выполнять! Поручить ее тому, кто получает от этого удовольствие, означало бы запустить волка в курятник. Беспристрастность, уважение к законам и любовь к республике – вот качества, которые необходимы шефу Бюро полиции. В тебе я нахожу самое совершенное их сочетание. Только тебе я могу доверить столь важную миссию. Я ошибся, говоря, что нуждаюсь в твоей помощи. Не я, а республика нуждается в тебе.

Запрещенный прием. Лежен мог отказать в помощи другу, но отказать в ней республике... Так вот к чему это лицедейство! Положительно, будь Сен-Жюст на месте министра иностранных дел, французская дипломатия только выиграла бы!

– Я уже дал тебе мой ответ, он окончателен, – Лежен решил стоять на своем до конца. Эти сказки о человеколюбии и желании покончить с произволом его не убедили: для этого не надо создавать новую полицию, достаточно лишь упразднить старую.

– Ну и упрямец! – вскричал Сен-Жюст, теряя терпение. – Что еще я должен сделать, чтобы ты изменил решение?! Несколько десятков человек в твоём подчинении, жалование министра, я буду единственным твоим начальником! Что еще, Огюстен? Что еще тебе надо? Разве не за этим ты поступил на службу республике?! Не собираешься же ты до конца своих дней перекладывать бумажки в своём сонном Министерстве, где ничего не происходит?! Назови свои условия!

– Ты в самом деле думаешь, что мой отказ вызван желанием получить для себя какие-то привилегии? – эти слова были пронизаны таким презрением, что Сен-Жюсту пришлось признать несправедливость своих слов.

– Ты прав, Огюстен, – примирительно проговорил он, – я погорячился. Ты прекрасно знаешь, как высоко я ценю твои качества. Мне тяжело принять твой отказ. Ты бросаешь меня в ту самую минуту, когда я больше всего нуждаюсь в тебе, и я абсолютно беспомощен перед твоей упрямой решимостью.

– Оставь эту идею, – Лежен рассудил, что настал подходящий момент урезонить друга. – Зачем тебе ссориться с Вадье?

– При чем тут Вадье?! – вскричал Сен-Жюст. – Он волнует меня в последнюю очередь!

– А зря, – настаивал Огюстен.

– Мы еще вернемся к этому разговору, – проговорил Сен-Жюст, проигнорировав реплику Лежена.

– Мой ответ будет всегда одинаковым.

– Увидим.

Повисло неловкое молчание. Эта встреча разочаровала их обоих. Их дружба оказалась не столь устойчивой к натиску революционной бури, как они ожидали.

– Я собирался попросить тебя еще кое о чем, – сказал Сен-Жюст и, поймав испуганный взгляд Лежена, в котором ясно читалось: «Как? Еще что-то?!», рассмеялся: – Не волнуйся, в председатели Революционного трибунала я тебя не позову! Я хочу подыскать себе квартиру побольше, а заниматься этим самому нет времени. Если работа в Министерстве позволит тебе уделить время поиску квартиры, я был бы очень признателен. Возьмешься?

Вздых облегчения вырвался из груди клерка.

– Конечно! – с готовностью отозвался он. – Если бы все твои просьбы можно было выполнять с такой же легкостью! Когда ты хочешь переехать?

– Это терпит, – ответил Сен-Жюст. – Через два или три месяца, как найдешь что-то подходящее.

– Займись немедленно! – Огюстен чувствовал необходимость искупить свою вину.

– Вот и отлично! – Сен-Жюст хлопнул друга по плечу. – А теперь, если позволишь, мне надо собираться на конную прогулку.

– Я дам тебе знать, как найду подходящую квартиру, – проговорил Лежен, направляясь к дверям, и замялся на пороге. – Береги себя, Антуан.

– О, обо мне можешь не беспокоиться! – заверил Сен-Жюст.

6 вантоза II года республики (24 февраля 1794 г.)

Переступая порог Зеленой комнаты в утренний час, Жак Луи Давид никак не ожидал увидеть там сразу шестерых членов Комитета общественного спасения. Стрелка часов подходила к половине десятого, когда он пересек двор Карусель, направляясь из Комитета безопасности в Комитет спасения. Этот путь он мог бы проделать, не выходя на улицу, воспользовавшись деревянной галереей, соединявшей особняк Брион, где располагался Комитет безопасности, с дворцом Тюильри. Правда, потом ему предстояло бы пересечь коридор, тянувшийся вдоль зала заседаний Конвента, протискиваться между зрителями и депутатами, столпившимися там в ожидании начала заседания, отвечать на приветствия, раздавать рукопожатия, принимать или отклонять приглашения на обед или ужин, узнавать и сообщать новости. «Этак я и за час не доберусь», – решил Давид и в одном сюртуке вышел в февральский мороз. Он бегом добрался до входа в бывшие апартаменты королевы, поздоровался с двумя жандармами, охранявшими святая святых революционного правительства, взбежал, перешагивая через ступеньку, по мраморной лестнице, пересек вечно многолюдную приемную – и тут же остановился в недоумении. Их было шестеро. Шестеро правителей Франции, вокруг которых сновали клерки, служащие министерств, члены революционных комитетов. Давид заметил даже кое-кого из Парижского муниципалитета. И это в половине десятого утра! В Комитете общей безопасности в этот час не было ни души.

В зале было шумно. Члены Комитета отдавали распоряжения, выслушивали доклады, диктовали постановления секретарям, которые затем передавали их по кругу на подпись. Никем не замеченный, Давид растерянно остановился у раскрытой двери просторного зала и крутил головой из стороны в сторону, словно ища кого-то.

Громче всех говорил Лазарь Карно. Хорошо поставленным военным голосом он диктовал письмо народным представителям в миссии при одной из французских армий. Робер Ленде шагал от одного окна к другому, не отрывая глаз от таблицы с цифрами, и, беззвучно шевеля губами, что-то подсчитывал в уме. Жан Мари Колло д'Эрбуа и Жак Николя Бийо-Варенн стоя слушали члена Коммуны Парижа (Давид никак не мог вспомнить его имя, но лицо было очень знакомым.). Луи Антуан Сен-Жюст (А этот что здесь делает? Разве ему не пора открывать заседание Конвента?) сидел в окружении делегации членов провинциального революционного комитета и молча слушал, как они, перебивая друг друга, докладывали ситуацию во вверенном их надзору городе. Бертран Барер (А, вот, наконец, и он!) был погружен в чтение английских газет, время от времени делая выписки.

Его-то и искал Давид. Художник подошел к Бареру и чуть тронул его за плечо. Тот резко повернулся и приветливо улыбнулся.

– Есть новости? – живо спросил он, поднимаясь.

– Кое-что есть, – кивнул Давид и не удержался от вопроса: – Что у вас происходит?

– А что? – не понял Барер, оглядываясь.

– Чем вызвано такое оживление?

Барер расхохотался.

– Это называется управлять государством, друг мой, – проговорил он. – Давненько ты к нам не захаживал.

– В каком же часу вы начинаете работу? – в голосе художника слышался благоговейный ужас.

– Карно, Ленде и Колло тут со вчерашнего утра, – ответил Барер. – Сен-Жюст пришел сегодня к девяти, а мы с Бийо часом ранее.

Эти слова, произнесенные небрежным тоном, словно речь шла об обыкновенной рутине, поразили Давида.

– Вы что, вообще не спите?!

– Спим, конечно! – улыбнулся Барер. – Перейдем в соседнюю комнату, там нам будет спокойнее.

Они вышли из Зеленой комнаты через боковую дверь и оказались в небольшом помещении, служившем некогда то ли кабинетом, то ли будуаром. И тут Давиду предстало странное зрелище. Вдоль стен стояли три низких кровати, напоминавших походные военные раскладушки, на каждой из которых лежал матрас. На столе в центре комнаты была сложена всевозможная провизия: колбаса, несколько початых бутылок вина, холодный цыпленок, лишенный одной ноги и обоих крыльев, пара буханок хлеба и три полупустых миски давно остывшего супа. Вокруг стола расположились четыре стула, обитых голубым шелком, заляпанным жирными пятнами и чернилами.

– Вот здесь мы и спим! – Барер явно наслаждался эффектом, произведенным на живописца. – Но спешу тебя успокоить: не все и не каждый день.

Давид ничего не сказал, лишь молча переводил взгляд с одного предмета на другой, с трудом веря своим глазам.

– Ну ладно, рассказывай, – заторопился Барер. – У тебя есть информация об известной нам особе?

– Я узнал, где она содержится, – ответил Давид, продолжая разглядывать комнату и ее скудную обстановку.

– И? – нетерпеливо спросил Барер и, не получив ответа, взмолился: – Жак Луи, прошу тебя, у меня мало времени! Через пятнадцать минут начинается заседание Конвента. Скажи, что у тебя?

– Да... – рассеянно пробормотал Давид. – Да... Плесси... Она в Консьержери. Арестована революционным комитетом секции Братства. Приказ исходил из Комитета общественного спасения. Во всяком случае, так сказано в регистре. Самого приказа я не видел, кем подписан, неизвестно. Ее досье пусто, – он помедлил. – Послушай, поскольку тут замешан твой Комитет, думаю, лучше тебе самому уладить дело. Если приказ об освобождении выйдет из Комитета безопасности, Комитет спасения решит, что... – он замаялся. – В общем, кто арестовал, тот пусть и освобождает.

«Все верно, – подумал Барер. – Узнав, что приказ пришел с самого верха, Давид умывает руки».

– Конечно, – согласился он. – Ты прав. По крайней мере, теперь я знаю, где она. Спасибо.

– Да не за что! Ладно, я пойду... – Давид ощущал неловкость, ему хотелось поскорее покинуть эту комнату, свидетельницу утомительных дней и беспокойных ночей.

Шум и суета зала с зелеными шторами вновь накрыли их. Давид уже хотел попрощаться, когда к ним подошел Сен-Жюст и, коротко поприветствовав живописца, обратился к Бареру:

– Меня сегодня не будет на заседании Конвента. Надо срочно заняться поставками в Рейнскую армию. Пусть Дюбарран, как предыдущий председатель, займет мое место.

Барер согласно кивнул.

– Прекрасно, – и махнув на прощание Давиду, Сен-Жюст вернулся к прерванным делам.

Барер покинул Комитет вместе с Давидом. Часть пути по коридорам Тюильри они проделали молча. Художник несколько раз собирался начать разговор, но неизменно останавливал себя, не в силах побороть нерешительность. Барер видел, что тот чем-то взволнован, но наблюдать за застенчивостью Давида было так занимательно, что он решил не помогать ему преодолеть ее.

– Послушай! – Давид сам испугался неожиданной громкости своего голоса и замолчал.

– Да? – спросил Барер, замедляя шаг.

– Видишь ли... – Давид остановился прямо посреди коридора. Барер последовал его примеру. – Я хочу тебя попросить...

– Да? – нетерпеливо повторил Барер и посмотрел на часы. Уже десять, а ему еще надо договориться с Дюбарраном о председательстве.

– Ты не говори Робеспьеру, что я рассказал тебе о празднике... – Давид покраснел. – И никому не говори... Ладно?

«Ага, понял, что сболтнул лишнее!» – мысленно усмехнулся Барер, но вслух проговорил, приняв самый беззаботный вид:

– Не волнуйся, не скажу.

– Обещаешь? – с нажимом спросил Давид.

– Угу, – буркнул Барер и быстро зашагал по коридору.

Давид еле поспевал за ним.

– Это серьезно, мне нужно твое слово! – не унимался он.

– Я же сказал, что не скажу, – раздраженно бросил Барер.

– Поклянись! – потребовал живописец, схватив его за рукав сюртука и заставив остановиться. – А я поклянусь, что не проговорюсь о твоей заинтересованности гражданкой Плесси.

«Ого, смахивает на шантаж», – мелькнуло в голове Барера.

– При чем здесь Плесси? – его голос прозвучал резко, грубо, с вызовом.

– Ну... – замялся Давид. – Комитет общественного спасения просто так никого арестовывать бы не стал... Значит, за ней что-то есть... что-то серьезное, я имею в виду...

– И?

– Ну... – Давид с интересом разглядывал носки туфель. – Ты интересуешься подозрительной...

«Хватит! Пора кончать это лицедейство!» – приказал себе Барер.

– Ты сам не понимаешь, о чем говоришь, – сказал он тихо и твердо, чеканя каждое слово. – Ты видел ее досье, оно пусто. Это простое недоразумение, которое я исправлю сегодня же. Что до твоего праздника, то я уже забыл о нем.

Давиду этого оказалось достаточно. Он выпустил рукав Барера, который нервно сжимал все это время, и с явным облегчением произнес:

– Вот и прекрасно! Забудем!

Барер коротко кивнул и продолжил свой путь к залу заседаний Национального конвента, поздравив себя с тем, что так ловко избавился от назойливости Давида, ничего ему, в общем-то, не пообещав. Тайнственный праздник никак не выходил у него из головы, и он не оставлял намерения поделиться этой информацией с кем-то из коллег. Правда, пока не решил, с кем именно.

6 вантоза II года республики (24 февраля 1794 г.)

К полудню в Зеленой комнате стало тише. Делегации из департаментов отправились на заседание Конвента, секретари и редакторы разошлись исполнять поручения. Карно работал в Военном бюро, Ленде – в Продовольственной комиссии. Колло и Бийо ушли обедать, так что в ближайшие два часа на них можно было не рассчитывать. Барер, как всегда, был в Конвенте. Собственно, этого затишья Сен-Жюст и ждал, чтобы, наконец-то, заняться делом, ради которого он пренебрег обязанностями председателя Конвента.

Вызвав секретаря, он отправил его в Комитет общей безопасности с запиской, в которой просил передать ему для ознакомления дела заключенных, которые должны были предстать перед судом Революционного трибунала через два дня, 8 вантоза. Справедливо рассудив, что в это время члены Комитета безопасности, подобно своим коллегам из Комитета спасения, на рабочем месте отсутствуют, Сен-Жюст надеялся, что это требование – впрочем, вполне законное – не вызовет лишних вопросов у рядовых служащих полицейского управления.

Через двадцать минут секретарь внес пару десятков разной толщины папок и положил их на стол перед Сен-Жюстом.

– Кто передал тебе дела? – спросил тот, открывая верхнюю папку.

– Гражданин Леба, – отрапортовал секретарь.

Сен-Жюст довольно кивнул: член Комитета безопасности Филипп Леба был его другом и неизменным спутником по армейским миссиям. Этот не станет задавать вопросов: если Сен-Жюст запросил дела, значит, они ему понадобились, а для чего именно, не его дело.

– Можешь идти, – отпустил он секретаря и погрузился в изучение содержания папок.

Банковский клерк... торговец вином... священник... бывший офицер... слуга... негоциант... женщина без определенных занятий... бывший аристократ... торговец сукном... бывший поставщик королевского двора... служанка... сапожник... жена сапожника... бывшая аристократка...

Он задержал взгляд на тоненьком досье, раскрыл его на первой странице, где содержались основные сведения о заключенной. Бывшая фрейлина бывшей королевы. Лучшего и желать нельзя! Она, как никто другой, подойдет для той роли, кандидата на которую он искал.

Уже несколько дней Сен-Жюсту не давали покоя размышления о королевских драгоценностях, которые мирно покоились на дне выдвижного ящика вместе с перчатками и носовыми платками. Его агент был прав: чем раньше он избавится от камней, тем лучше. Однако ни на чью помощь в этом щекотливом деле Сен-Жюст рассчитывать не мог. Лишние свидетели, даже из числа доверенных лиц, ему не нужны. Но понимал он и то, что без посторонней помощи не обойтись. И прошлой ночью он, наконец, придумал, как отправить камни прямиком в республиканскую казну. План не отличался особой изобретательностью и был на редкость прост в исполнении, в чем и заключалась его сила. Кроме того, в молчании своего предполагаемого соучастника Сен-Жюст был уверен, как в своем собственном. Оставалось решить лишь один, самый важный, вопрос: кому приписать хранение королевских драгоценностей? Но даже он разрешился с куда большей легкостью, чем рассчитывал депутат. Поистине, сама судьба благоволила ему!

Пробежав глазами собранные в папке листки, Сен-Жюст сделал на бумаге несколько пометок: *Мария Аделаида Жанна де Бомон, аристократка, состояла на службе при Марии Антуанетте, 43 года, жена эмигранта Жана Франсуа де Бомон, задержана при попытке пересечения границы Франции, содержится в Консьержери*. Все, большего ему и не нужно. Он захлопнул папку и положил ее между остальными. Снова вызвав секретаря, Сен-Жюст велел отнести досье обратно в Комитет общей безопасности. Все дело заняло не более полчаса.

Теперь он был готов к встрече с Элеонорой Плесси, к их последней встрече. Но это подождет до завтра, сейчас есть дела поважнее.

Барер же ждать не собирался. Как только закончилось заседание, продолжавшееся до трех часов дня и не содержавшее никаких интересных дебатов, член Комитета общественного спасения помчался в Консьержери. Предстоящее свидание с Элеонорой занимало все его мысли. Он горел желанием ее увидеть и не мог освободиться от беспокойства в преддверии встречи с возлюбленной, привыкшей к роскоши и комфорту, после нескольких дней заключения. Впрочем, уже то, что она жива, принесло необыкновенное облегчение. Но главное, теперь он сможет получить ответы на два мучивших его вопроса: кто подписал приказ об ее аресте и какие отношения связывают Элеонору с Огюстеном Робеспьером?

Путь от Тюильри до Консьержери, занимавший обычно более четверти часа, Барер преодолел за десять минут.

– Вызови мне гражданку Плесси. Срочно, – скомандовал он привратнику, и на предложение проводить его в комнату для допросов, ответил: – Пятая свободна? Прекрасно, я знаю дорогу, – и уверенно зашагал по коридорам.

Не то чтобы Барер часто переступал порог главной политической тюрьмы республики, но пары визитов было достаточно, чтобы понять расположение камер и сориентироваться в лабиринте узких коридоров и лестниц этого пристанища полупокойников.

Войдя в холодную комнату, скудно освещенную даже в солнечный день, вся обстановка которой состояла из стола и двух стульев, Барер поежился. Не от сырости и запаха плесени, наполнявшего плохо отапливаемое помещение, а от смешанного чувства тревоги и стыда, накрывшего его. Увидеть Элеонору в этой комнатенке, разговаривать с ней в стенах, которые на протяжении четырехсот лет были свидетелями лишь сухих допросов, показалось ему кощунством. Не проще ли было сперва освободить ее, а затем триумфально появиться в уютном особняке на острове Сен-Луи? Но нетерпение, владевшее Барером с тех пор, как Давид сообщил ему местонахождение Элеоноры, жаждало немедленного удовлетворения. К тому же, он надеялся принести ей утешение, пообещать, что не бросит ее, выступить в роли героя-освободителя.

Так и не сняв плаща, Барер расхаживал по пустой комнате, и звук его шагов гулко отражался от вековых стен. Услышав шум за дверью, он замер, однако вместо Элеоноры на пороге появился тюремщик.

– Заключение Плесси доставлена, гражданин Барер, – отрапортовал он.

– Введи ее и подожди за дверью, – нервно проговорил Барер. Вот, сейчас! Он даже дышать перестал.

Элеонора, одетая в темное шерстяное платье, перехваченное на поясе белым шарфом, и в светлом чепце на голове, из-под которого выбивались непослушные светло-каштановые пряди, обрамлявшие лоб с двумя четко обозначившимися горизонтальными морщинками, появилась на пороге с игривой улыбкой на устах и тут же остановилась в недоумении, словно ожидала увидеть совсем другого человека. Захлопнувшаяся за ней дверь заставила ее вздрогнуть.

– Бертран?.. – настороженно спросила она и слегка покачала головой, словно не доверяя своему зрению.

– Боже мой, милая! – Барер бросился к ней и с силой заключил в объятия. Она не пошевелилась, лишь слегка отстранила голову, стараясь избежать поцелуя.

– Не так быстро, дорогой, – проговорила молодая женщина. – Сначала уведи меня отсюда, и немедленно.

Барер ослабил объятия и, взяв ее лицо в свои руки, посмотрел прямо в ее глаза.

– Обещаю, клянусь, что через каких-то три-четыре дня... – страстно начал он, но Элеонора со всей силой, на какую была способна, оттолкнула его.

– Три-четыре дня?! – закричала она. – Ты в своем уме?! За это время я или сойду с ума, или заболею чахоткой! Немедленно, Бертран, немедленно! Садись и пиши приказ об освобождении!

Барер грустно улыбнулся ее наивности.

– Это не так просто, родная, – попытался урезонить он ее. – Я сделаю все возможное и даю тебе мое слово, что...

– Плевать мне на твое слово! – она набросилась на него, как тигрица на ягненка. – Ты обещал защищать меня, клялся, что со мной никогда ничего не случится. И что же? Заявляются трое членов какого-то драного революционного комитета, суют мне под нос приказ об аресте – и вот я здесь! А где ты? Где твоя хваленая защита? Мало того, что тебе понадобилось четыре дня, чтобы явиться сюда, так теперь тебе надо еще столько же, чтобы написать одну строчку?! Не делай из меня идиотку, Бертран! Мне слишком хорошо известно, что при желании тебе хватило бы минуты, чтобы вытащить меня отсюда. Только вот желания этого у тебя нет. Хотелось бы знать, почему?

Разговор пошел совсем не так, как того ожидал Барер. Впрочем, на что он рассчитывал? Что она кинется в его объятия после четырех дней заключения? Что согласится ждать еще столько же? Элеонора никогда не отличалась терпением, требуя всего немедленно и категорично. С какой стати она станет делать исключение, когда речь идет о ее свободе? Но у Барера были свои соображения. Его репутация – прежде всего! В том, что касалось освобождения

из тюрьмы, не оставляя ни малейших следов своего участия, он был профессионалом. Только как объяснить это разъяренной женщине, разочарованной в своем любовнике, которого она считала всемогущим?

– Я пришел сразу же, как узнал, где тебя содержат, – проговорил он как можно спокойнее. – Я понятия не имею, почему и, главное, кто тебя арестовал. Если бы ты могла сказать мне, чья подпись была на приказе об аресте... – он замаялся.

Она молчала.

– Ты видела приказ?

– Да, бланк Комитета общественного спасения. А подпись я не разобрала. Видишь ли, у меня едва хватило времени одеться. Эти мужланы буквально вытащили меня из постели.

В ее словах было столько желчи, что Барер опустил голову, не желая встречаться с враждебным взглядом возлюбленной.

– Я не мог знать, Элеонора, – извиняющимся тоном проговорил он. – Мне больно слышать, что ты пережила. Я отдал бы все на свете, чтобы этого никогда не случилось.

– В самом деле? – с вызовом спросила она. – Тогда чего же ты ждешь? Ты жалкий трус, Бертран! Ты даже не смеешь подписать приказ о моем освобождении!

– Ты сама не понимаешь, что говоришь! – закричал он. – Я не могу поставить на кон свою репутацию ради... – он осекся, но слово было сказано.

Она замерла на мгновение, вскинула брови и спросила с убийственным спокойствием:

– Ради кого? Ради женщины сомнительной репутации? Вот, оказывается, что ты обо мне думаешь! Тогда позволь спросить, какого дьявола ты являлся ко мне чуть ли не каждую ночь? Это не порочило твою репутацию? Я видела, с какой легкостью ты освобождал моих друзей. И это никак не очернило твое доброе имя, – последние слова были произнесены с нескрываемой издевкой. – Так в чем же дело? Почему ты не можешь помочь *мне*?

– Мне нужно всего лишь несколько дней, чтобы твое освобождение прошло незамеченным. Но ты очень облегчила бы мою задачу и ускорила бы свое освобождение, рассказав, кому в Комитете общественного спасения понадобилось арестовывать тебя.

– Понятия не имею! – твердо заявила она. – Я же сказала, что не видела подписи.

– Допустим, – согласился Барер. – Но ведь тебя допрашивали? Кто? О чем?

– Нет, меня никто не допрашивал. Я ждала тебя, но ты не приходил, – Элеонора снова попыталась перевести разговор на трусливое поведение любовника.

Барер задумался. Ни одного допроса?! Не может быть! Тогда зачем она здесь?

– Послушай, – вкрадчиво заговорил он, приближаясь к ней, но она отступила на два шага назад и вытянула руку вперед, словно защищаясь, – если ты боишься кого-то, если тебе угрожали, доверься мне. Клянусь, никто никогда не узнает о том, *что* ты мне рассказала.

Но она лишь покачала головой.

– Я не верю тебе, Бертран, – с горечью сказала Элеонора, садясь на стул. – Мне грустно слышать, что тебя куда больше занимает причина моего ареста, чем мое освобождение. Ты даже представить не можешь, чего мне стоили эти несколько дней заключения! А ты с такой легкостью просишь потерпеть еще! Мне больше нечего тебе сказать. Поговорим, когда я выйду отсюда, – и, помолчав немного, добавила: – Если я когда-нибудь отсюда выйду.

– Ты рассказала о наших отношениях? – спросил Барер, опускаясь перед ней на одно колено и сжав ее ладони в своих.

– Кому я могла о них рассказать? – усмехнувшись, спросила она.

– Тому, кто задавал тебе вопросы.

– Мне никто не задавал никаких вопросов, – с упрямой твердостью повторила она. – Я уже говорила тебе.

– А я тебе не поверил. И никогда не поверю. Только вот не могу понять, зачем ты ему понадобилась...

– Кому – ему? – настороженно спросила она.

– Тому, кто поставил подпись под этим чертовым приказом! – он уже не в силах был себя сдерживать и, вскочив на ноги, с силой ударил кулаком по столу.

– Так возьми приказ и посмотри, – просто сказала она.

– Его нет в твоём досье. Испарился, исчез, растворился в воздухе! – все больше распалялся он.

– Так если нет приказа об аресте – значит нет и ареста, – пожала плечами Элеонора. – Я могу просто выйти отсюда под руку с тобой. Никто и слова не скажет!

Барер нервно ухмыльнулся и ничего не ответил. Она ломала комедию, он это понял сразу же, как понял и то, что потерял эту женщину. Элеонора ясно дала понять: либо она немедленно выходит из тюрьмы, либо говорит ему «прощай». Но не это волновало его. Кого она выгораживает и почему? – вот вопрос, который приобрел для него первостепенную значимость. Он интересовал его даже больше вопроса о том, что именно она успела рассказать о его делах.

Элеонора молча сидела на стуле, сложив руки в замок на коленях, и ждала, не спуская внимательного взгляда с любовника. Ждала, что же одержит победу над ним: совесть или страх?

Барер вышагивал по комнате, заложив руки за спину и опустив голову. Молчание, воцарившееся в пустом холодном пространстве, длилось целую вечность. Наконец, он остановился и, повернувшись к ней, проговорил:

– Я буду с тобой откровенен, Элеонора.

Страх победил, заключила молодая женщина и почему-то улыбнулась.

– Я уверен, что твой арест имеет целью нанести удар по мне.

– В самом деле? – удивленно спросила она. – И что же заставляет тебя так думать?

– Стечение обстоятельств, – уклончиво ответил он.

– А именно? – осторожно уточнила она. В конце концов, ей тоже хотелось кое-что у него узнать. Если Шарль, действительно, работал на Барера, являясь при этом шпионом роялистов, кому, как не самому Бареру, подтвердить или опровергнуть это предположение!

– Длинная история, – отмахнулся Барер. Он присел на край стола, возвышаясь над молодой женщиной, подобно ворону, сходство с которым придавал наброшенный на плечи черный плащ.

– У меня достаточно времени, чтобы выслушать даже очень длинную историю, – усмехнулась она.

– Ты и без того знаешь слишком много, – ответил Барер.

– Неужели ты являешься тайным агентом английской разведки?! – она нарочно произнесла эти слова с театральным ужасом, призванным подчеркнуть иронию. Но получилось не очень удачно.

Барер не засмеялся, его острый взгляд готов был пронзить ее насквозь.

– Ты отдаешь себе отчет, с кем говоришь? – произнес он строго и очень спокойно. – Как тебе такое вообще могло прийти в голову!

Элеонора расхохоталась.

– Ага, попался! Я так и думала!

Но ее попытка свести все к шутке не удалась. Она затронула слишком опасную тему, могущую стоять головы как шутнику, так и объекту насмешки.

– Ты сумасшедшая, – констатировал Барер со злостью.

– С каких это пор ты разучился шутить, Бертран? – с досадой спросила Элеонора.

– С тех самых пор, как узнал, насколько тесные отношения связывают тебя с Робеспьером, – огрызнулся он. Настало время подойти и к другому мучившему его вопросу.

– С Робеспьером?! – она вытаращила на него испуганные глаза.

– Лицедейка! – сквозь зубы процедил Барер.

Она кокетливо улыбнулась.

– Ты точно шпион, мой дорогой, если тебе известны такие тайны! – проворковала она, поднимаясь и обнимая его за шею. – И что же за отношения связывают меня с Робеспьером?

– А вот это ты мне скажи.

Элеонора вздохнула и провела тыльной стороной руки по его щеке. Улыбка все так же блуждала на ее губах.

– Не надо ревновать, Бертран, ни к чему это, – нежно прошептала она. – Ревность – это яд, убивающий любовь. Зачем терзать себя подозрениями и никому не нужными подробностями? Разве тебе мало той любви, что я давала тебе?

– Ты не ответила на мой вопрос, – хмуро заметил он.

– А что я должна ответить? Я не могу запретить мужчинам любить себя. Да и зачем? Я никому ничего не обещаю. Тебе я тоже ничего не обещала, как не обещала и Огюстену Робеспьеру. К тому же, от него в последние месяцы никакого проку – он вечно в разъездах. Так что оставь свою ревность. Подумай лучше о нас с тобой. Как приятно было бы оказаться сейчас у меня на Сен-Луи! Принять ванную, выпить шампанского, поесть пирожных.

– Это верно, – улыбнулся Барер и притянул Элеонору к себе. Она не сопротивлялась.

– Так что же нам мешает? – продолжала ворковать она, ее руки обвивали его шею, подобно кольцам удава. – Если я сейчас выйду отсюда, сегодня ночью можем устроить маленький праздник в честь счастливого избавления. Только ты и я. Что скажешь?

Ну и актриса! Барер мягко, но решительно отстранил от себя стройное тело, которое так и льнуло к нему. Этак она и правда добьется своего!

– Подожди еще пару дней, – ласково проговорил он, изобразив самую обворожительную улыбку, на какую был способен. – Тогда и шампанского выпьем, и в театр сходим.

– Негодяй! – закричала она и замахнулась, чтобы ударить его, но опустила руку, отвернулась и заплакала. – Предатель! Трус! Негодяй!.. Предатель... Трус... – слова пробивались сквозь рыдания, больше похожие на истерику. – Ты обещал, что защитишь меня... Ты обещал... Ты... ты... предал меня... Вы все предали меня... Где Робеспьер? Где этот мерзавец?

– Он уехал в Лион, – сухо ответил Барер, решив, что лучшее, что он может сделать, это направить ее гнев на брата Максимилиана.

Элеонора замолчала и повернула к нему заплаканное лицо.

– Как уехал? Когда?!

– Вчера утром.

– Уехал, зная, что я в тюрьме? – она произнесла эти слова медленно и тихо, как будто заставляя себя поверить им. – Как он мог?! Как *он* мог?! *Он*!

Ее мир перевернулся с ног на голову. Тот, в защиту которого она так твердо верила, в любви которого не сомневалась ни минуты, тот единственный из ее любовников, кто предложил ей свою руку, кто готов был представить ее в обществе как свою жену, попросту бросил ее на произвол судьбы!

Барер предпочел не рассказывать, что, уезжая, Огюстен просил Давида позаботиться о возлюбленной. Его вполне устраивала роль единственного спасителя Элеоноры. Теперь можно не сомневаться, что она откажет Робеспьеру-младшему от дома.

– Доверься мне, – только и сказал он, крепко обнимая заплаканную, дрожащую, беззащитную женщину. – Я обещаю, что не оставлю тебя. Еще три дня, максимум четыре... Тебе ничего здесь не угрожает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.